

*«Мы не те, кто
есть на самом деле»*

Ю Л И Я
ЧЕ ИГРАЙ СО МНОЙ
В О С К А Н Я Н

*«Моя игра —
мои правила»*

Он — обольститель, соблазнитель, игрок. Он безжалостен, холоден и непреклонен. Николас всегда добивается того, что он задумал, и ничто не может помешать намеченной цели. Она — красива, соблазнительна, что невозможно отвести глаз. Она обладает острым умом и холодным расчетом. Стелла всегда была ураганом и с удовольствием рушит планы других, как легкий ветерок рассыпает на части карточный домик. Что заставило его стать таким безжалостным? Что заставило ее стать такой бессердечной? Они одного поля ягоды, но смогут ли они осознать это? Способны ли они обрести свою истинную сущность и стать по-настоящему счастливыми?

Слушай свое сердце.

Ему внятно все на свете,

ибо оно сродни Душе Мира и когда-нибудь вернется в нее.

Пауло Коэльо.

«Алхимик»

Пролог

Я сажусь за руль своего автомобиля, не зная, что мне делать дальше. Я потерял всё. Я потерял абсолютно всё из-за своей глупой жадности. Осталась только моя семья, которая откажется от меня, если узнает, что я натворил со своей жизнью. Что я натворил с *нашей* жизнью.

Какой же я жалкий придурок. Ненавижу себя.

Но я же старался для нас. Я хотел, чтобы мы жили лучше, и моя жена и малютка-дочь ни в чем не нуждались. Я не думал, что так облажаюсь.

Я пытаюсь выровнять своё дыхание и провожу руками по взмокшим от напряжения волосам.

Что делать?

Я достаю из кармана бумажник и вынимаю фотографию своей жены и дочки. Я ее всегда ношу с собой, поэтому она стала вся потрескавшаяся и потертая.

Моя красавица-жена сморит на меня с фотографии, обворожительно улыбаясь. Её каштановые волосы волнами спадают по её плечам. Она держит на коленях нашу малютку дочь, которая смотрит куда-то в сторону, зажав свой крохотный пальчик во рту.

Я прикасаюсь своими пальцами сначала к своим губам, после чего провожу пальцами по лицу своей жены и моей малютки Райли.

«Как же я вас люблю. Вы — моё сокровище. Вы всё, что у меня есть», — говорю я сам себе под нос, и мои глаза в мгновение наполняются слезами.

Я знаю, что мужчины не плачут, не раскисают как тряпки. Последний раз я плакал, когда мне было восемь лет, и умер мой пёс. Но сейчас моя жизнь рушится на мелкие кусочки, и я ничего не могу исправить. Мне нужно поступить именно так, иначе всем будет только хуже. Я должен сделать *это*.

«Простите меня», — говорю я своим девочкам, и прячу фотографию в бумажник, словно они меня услышали и хотят отговорить.

Не пристегивая ремень безопасности, я ставлю рычаг коробки передач на первую

скорость, и медленно выезжаю на дорогу.

Закурив сигарету, я делаю настолько глубокие затяжки, насколько могут вытерпеть мои лёгкие. Я никогда так интенсивно не курил. Весь салон заполняется дымом и практически ничего не видно. Я закуриваю одну сигарету за другой, пока набираю скорость и еду по трассе.

Я разгоняюсь всё сильнее и сильнее. Непрошенные слёзы слабака текут из моих глаз и устремляются по щекам к подбородку. Я еду словно в тумане, лёгкие начинают болеть от чрезмерного курения.

Трасса пустая, ничего не мешает моему движению. Спидометр начинает зашкаливать от скорости, машину потряхивает на попадающихся местами выбоинах.

Вдалеке на встречной полосе виднеется огромная грузовая фура. Мы неизбежно приближаемся друг к другу, эта чёрная точка становится все отчётливее видна, и меня начинает трясти.

Осталось всего пару сотен метров.

Осталось несколько десятков метров.

Руль налево, выезжаю на встречную полосу.

Вдох-выдох. Отпускаю руль.

Скрежет шин. Звук соприкосновения металла.

Тело из лобового стекла.

Звук бьющегося стекла.

Все кончено.

Осталась только тишина.

Глава 1. Нет нужды

Николас

Внезапно вздрагиваю от звонка моего мобильного телефона. Первая мысль, которая посещает — «я проспал на работу как последний идиот».

Шарю рукой по прикроватной тумбочке, пытаюсь отыскать телефон. На экране высвечивается номер моего лучшего друга Мартина, и я принимаю вызов.

— Привет, — говорю я в трубку хриплым голосом.

— Ты что, спишь? — слышу Мартина в трубке.

— Да, кажется, я впервые проспал на работу, — признаюсь я неохотно.

Мартин смеется на той стороне провода и говорит:

— Дружище, какая работа? Ты что забыл? — искренне удивляется он.

— О чем забыл? — не понимаю я спросонья.

— Мы же сегодня едем за город с моей семьей на праздники. Припоминаешь такое? — сердится он.

— Да, — прокручиваю я события в мозгу. — Совсем вылетело из головы, прости Марти. Во сколько выезжаем? — интересуюсь я.

— Вообще-то через полчаса заберем тебя, — информирует он.

— Вот черт, я же не собрался, — понимаю я только сейчас, что нахожусь ни дома, а в номере отеля.

— Тогда поторопись, приятель, скоро будем у тебя, — заканчивает Мартин и кладет трубку.

— Какого...? — злюсь я на себя, что забыл про уикенд с семьей своего лучшего друга, когда слышу какое-то шуршание за спиной.

«Только не это!», — думаю про себя, закрыв глаза рукой, после чего поворачиваюсь в постели на другой бок и вижу какую-то блондинку с размазанной косметикой на лице.

— Привет, — робко она выглядывает из-под простыни, которой укрыта.

— Привет, — отвечаю я безрадостно, после чего резко встаю, молча и быстро накидываю на себя брюки и рубашку и, захватив на ходу пиджак, направляясь к выходу, бросаю ей:

— И пока.

— Эй, подожди, — окрикает меня девушка, поэтому мне приходится к ней повернуться из вежливости. — А номер телефона у меня не спросишь? — вопросительно она смотрит на меня.

— Нет нужды, — говорю как можно резче я.

— И как это понимать? — пищит она своим заспанным голосом, одарив меня обалдевшим взглядом.

— У меня телефонная книга в мобильнике переполнена, — отвечаю нагло я первое, что пришло в голову. — Прости, — и выхожу из номера, не дождавшись ее ответа, который мне совсем не интересен, как и номер ее телефона. Ровным счетом, как и она сама. Я даже ее имени не помню, потому что меня никогда не интересовали их имена. Ведь нет смысла запоминать различных Мэри, Келли, Сьюзи и других девушек, с которыми я провел всего одну ночь. Этой ночи было достаточно, вполне, и иная информация была для меня лишним грузом.

Голова немного побаливает от выпитого накануне. Ну, надо же было так облажаться с этой поездкой, которую мы планировали еще месяц назад.

Близился праздничный уикенд, посвященный празднованию четвертого июля. Мартин со своей семьей собирался съездить в свой родной город Коутсвилл и пригласил меня с собой.

Спускаюсь в холл отеля, где меня приветствует на ресепшн администратор:

— Мистер Ланкастер, доброе утро.

— Доброе утро, Джон, — отвечаю я в ответ, называя его по имени, потому что знаю большинство персонала этого отеля.

Не скрою, я здесь частый гость со своими спутницами, так что как клиент я здесь на хорошем счету. Благодаря щедрым чаевым и хорошим манерам, никто не осуждает и не задает лишних вопросов.

Выхожу на улицу, и яркие солнечные лучи ослепляют меня, усиливая биение тысячи молотков в моей голове.

Такси уже ждёт меня у входа. Я сажусь в машину и прошу водителя как можно быстрее меня домчать до дома, где собираюсь буквально за пять минут, складывая в сумку лишь самое необходимое. Не успев принять душ и умыться, я слышу звонок в домофон.

— Эй, Ник, мы тебя ждем на улице, — говорит Марти.

— Иду-иду, — говорю я, зацепляясь ногой за вешалку, стоящую в прихожей, отчего она падает, и все висевшее на ней разлетается по прихожей.

Не мой день. Ладно, потому все соберу.

Сажусь в машину на заднее сиденье рядом с Брайаном — четырехлетним сыном Мартина.

— Привет, приятель, — говорю я, взъерошив его светлые волосы.

— Привет, — говорит он деловито, пытаюсь казаться взрослым, что меня всегда умиляло.

— Готов к уикенду? — спрашиваю я его.

— Дааааа! — кричит он радостно, рассекая воздух своим кулаком.

Мартин смотрит на меня в зеркало заднего вида:

— Бурная ночь? — говорит он язвительным тоном и подмигивает мне.

— Вроде того, — неохотно отвечаю я.

— Может пора уже остепениться, Ник? — жена Мартина — Эмили оглядывается на меня, слегка ухмыляясь.

— Чего на меня набросились то, — стону я. — У меня все в порядке, — убеждаю я их, а скорее всего себя.

— А как же, — кивает головой Эмили, — не сомневаемся даже.

— Марти, только не смей меня ни с кем сводить на своих провинциальных посиделках, — тычу я в него указательным пальцем.

— Да ладно, чего завелся? — поднимает он руки за рулем, давая понять, что сдается. — И в мыслях не было, — нагло ухмыляется он мне в зеркало. Я отворачиваюсь и смотрю в окно, наблюдая за городскими пейзажами, проносющимися мимо нас.

Не смотря ни на что, я люблю этих ребят. Они словно моя семья. Наверное, они и есть моя семья на данный момент, потому что всегда готовы поддержать — во всём.

Улыбнувшись этой мысли, я продолжил наслаждаться нашей короткой поездкой до Коутсвилля, расположенного к западу от Филадельфии, откуда Мартин был родом и жил вплоть до окончания школы. Я с Марти сдружился еще в колледже, и с тех пор мы были неразлей вода. Он меня и раньше приглашал в гости, но все как-то не срасталось: то работа, то иные проблемы. Но в этот раз карты сошлись, и вот я здесь.

Уже к обеду мы с Марти и его семьей добрались до Коутсвилля. Городок хоть и небольшой, но от первого знакомства с ним у меня остались приятные впечатления.

Я чувствовал себя весьма мерзко, поэтому хотелось сбежать подальше от шумной Филадельфии и затеряться среди незнакомцев в другом городе, хоть и таком маленьком и провинциальном. Все это было неважно.

В Коутсвилле мы расположились у родителей Марти, у которых в собственности был огромный дом, и в таком городишке он казался просто дворцом. Для меня в таких хоромах нашлась отдельная гостевая спальня, что не могло меня не радовать до безумия. Я в кои-то веки мог выспаться вдали от работы и всех своих проблем.

Расположившись и разместив свои вещи по комнатам, мы пообедали с родителями Мартина, с которыми я давно был знаком и виделся несколько раз.

— Джоуи звонил, — сказал мне Марти, когда мы закончили обедать и помогли убирать со стола. В доме его родителей было принято все делать вместе.

— Хочет повидаться? — поинтересовался я.

— Да, — согласно кивнул Марти. — Предлагает вечером сходить в бар — немного поболтать, пивка выпить. Что думаешь? — спрашивает он меня.

— Да я-то не против. Как твои родители и Эмили к этому отнесутся? — сомневался я. — Мы же только сегодня приехали.

— Все в порядке. Никто не будет против, — заверяет он меня. — Нам нужно побыть в мужской компании, а уже последующие два дня будут полностью семейными.

— Конечно, идите, ребята, — подошла к нам Эмили и обняла своего мужа сзади, обхватив его руками за талию.

— Ты серьезно? — удивляюсь тому, что она так легко согласилась.

— Да, ребятки, вам надо развеяться, — подбадривает она меня. — Да и Марти давно не виделся со своими парнями.

— Что ж, тогда идем, — соглашаюсь я.

— Отлично, давай пока передохнем, — предлагает Марти. — Чтобы к вечеру быть огурчиками и не упасть от стакана пива.

Мы разбредаемся по своим комнатам, чтобы каждый мог заняться своими делами. Лично у меня было одно желание — выспаться после бурной ночи, о которой вспоминать не было никакого желания.

Глава 2. На рассвете

Стелла

Будильник показывает шесть часов утра. По правде сказать, я никогда не считала себя жаворонком, но раннее утро — это мое любимое время суток. В это время все кажется спокойным и умиротворенным. В доме тишина. На улице тишина. День только зарождается и еще не вступил в свои полные права, потому что ночь еще до конца не отступила. Ночь и день. Они встретились на этом перекрестке, и пока не хотят расставаться. Блаженство.

Я скидываю с себя простынь, поднимаюсь с постели и, накинув легкий шелковый халат, босыми ногами ступаю на пол, направляясь на кухню. Как следует потянувшись, я включаю кофеварку и иду умываться.

Не дойдя до ванны, я захожу в детскую комнату и подхожу к кроватке, чтобы проверить свою малышку. Мой ангелочек спокойно посапывает, раскинувшись поперек кровати. Её волосы рассыпались по подушке и спутались ото сна. Левая рука и нога свисают с края кровати, и чтобы она не упала, я аккуратно поднимаю их и кладу вновь на кровать. Накрыв Райли простыней, я легонько целую её в макушку, стараясь не разбудить, и тихо выхожу из её спальни в коридор.

В ванной привычным движением выдавливаю горошину пасты на свою зубную щетку и начинаю чистить зубы, смотря на себя в зеркало.

Все эти действия выходного дня доставляют мне невероятное удовольствие. Я все делаю степенно и не торопясь, потому что сегодня мне некуда спешить. Нас ожидает праздничный уикенд, который мы решили с Райли провести в моем родном городе Коутсвилле, располагающемся в шестидесяти двух километрах к западу от Филадельфии. Я решила сбежать от суматохи большого города и посвятить время нашей маленькой семье.

За последние четыре года это практически первые полноценные выходные, которые мне удастся провести вне работы, и уделить время своей малышке.

Налив себя чашку кофе, я выхожу на крыльцо и усаживаюсь на подвесное кресло — качели, облокотившись спиной на мягкие подушки, и наслаждаюсь видом просыпающегося городка.

На улицах ни души. От этого тихого вида у меня становится тепло и невероятно спокойно на душе. Вот если бы всегда было именно так размеренно, по-домашнему, как бывает во многих американских семьях. Наша с Райли жизнь больше похожа на русские

горки, а не на американскую мечту, но мы любим свою жизнь. Это наше настоящее и это пока все, что у нас есть. Мы с ней есть друг у друга.

Я понимаю, что если у нас когда-то и будет размеренная жизнь, то очень и очень не скоро, поэтому стараюсь насладиться моментом, пока моя непоседа не проснулась. Райли никогда не дает мне скучать. Я рада, что у меня такой жизнерадостный и активный ребенок. Она дает мне толчок в жизни. Она дает мне стимул идти дальше ради нас и не сдаваться.

Я молча улыбаюсь и продолжаю наслаждаться своей чашечкой крепкого кофе без сахара, как я люблю.

Так я сижу около часа, попивая кофе и читая местную газету, которую купила вчера в супермаркете по приезду в Коутсвилл, пока не слышу топот детских ножек, выбегающих на крыльцо через сетчатую дверь.

— Мамочка, — говорит сонным голосом моя малышка, распахнув дверь и остановившись в дверном проеме. — Я проснулась, а тебя нет в твоей спальне! — восклицает возмущенно она и выгибает свои ладошки в сторону, обиженно изогнув свой аккуратный маленький ротик.

— Иди ко мне, Райли, — зову я ее к себе, раскрыв руки. Она несется ко мне со всех ног. Я наклоняюсь и заключаю ее в объятия, усаживая к себе на колени. — Доброе утро, — говорю я ей ласково, прижимая к себе покрепче.

— Доброе утро, мамочка, — щебечет Райли, даря миллион поцелуев моему лицу.

— Ты меня сейчас зацелуешь до смерти, Райли, — хохочу я в голос.

— Ты же моя мамочка, — говорит дочь. — А что мы будем сегодня делать? — так-так, Райли уже с самого утра полна энергии, как и всегда.

— Сначала тебе нужно умыться, позавтракать, а потом придумаем что-то интересненькое, — говорю я заговорщически, щекоча ее подмышками.

— Мамочка, перестань, — хихикает весело Райли, после чего я перестаю ее мучить, хоть и люблю ее залиvistый смех. — А можно не чистить зубы? — широко улыбаясь, спрашивает Райли.

— Ну уж нет, маленькая мисс, — я строго направляю на нее свой указательный палец. — А то не получишь на завтрак свои любимые шоколадные шарики с молоком, — пытаюсь я договориться с ней, зная как она не любит чистить зубы.

— Хм, — вздыхает дочь, немного насупившись. — Хорошо, мамочка, — и вновь бросается обнимать меня.

* * *

Всю первую половину дня мы с Райли провели дома, обедали вкусом, смотрели любимые мультики дочери, а после обеда на лужайке за домом мы наполнили надувной детский бассейн, где моя принцесса плескалась вместе со своими кузенами — детьми моей двоюродной сестры Элоизы, пока мы с ней сидели в теньке и попивали домашний лимонад. В такую июльскую жару освежающий напиток был весьма к месту.

Элоиза поделилась со мной новостями и сплетнями Коутсвилля. На повестке дня были свадьбы, рождения детей и разводы наших общих знакомых и других жителей городка. За пару лет моего отсутствия в родном городе много что успело поменяться.

Когда время уже перевалило за четыре часа после полудня, мы по-прежнему находились на заднем дворе. Я намазала Райли спину детским кремом, чтобы она не обгорела на солнце. Элоиза в это время все продолжала трещать без умолку, хотя я и не пыталась её остановить, наслаждаясь таким чудесным и беззаботным днем.

Но вдруг раздается звонок моего сотового телефона, на экране высвечивается имя моей школьной подруги Джулии, с которой мы были очень близки и до сих пор часто общаемся, не смотря на то, что живем в разных городах. Мы с ней очень близки.

— Да, Джулс, — отвечаю я на звонок.

— Привет, подруга, — веселым голосом говорит Джулия. — Чем заняты?

— Элоиза пришла в гости, дети плескаются в бассейне, — отвечаю, вытирая руки бумажным полотенцем и удаляя остатки солнцезащитного крема с рук.

— А как там моя любимица Райли? — Джулия крестная мамой моей дочери и безмерно ее любит.

— Ох, эта проказница больше всех наводит шума в этом доме, — рассмеялась я. — Порой хуже мальчишки.

— Да ладно тебе, она же еще ребенок, — пытается успокоить меня подруга. — Какие планы на вечер?

— Поужинаем с Райли, мультики посмотрим и на боковую, — раскрываю я наш мега-детский-план на вечер.

— Ты серьезно? — задирает меня Джулия. — Стелла, тебя сто лет не было в городе и ты даже не сходишь со своими подругами пропустить по стаканчику? — застает меня Джулия врасплох.

— А как же Райли? — сомневаюсь я. — Джулс, мне не до баров, ты же знаешь. Может, я уложу Райли, а вы с девочками придете ко мне в гости? — предлагаю ей свой вариант.

— Да ладно тебе, Стелла, — уговаривает меня Джулия. — Попроси свою сестру посидеть с Райли, тем более что мы все равно собираемся выйти только когда уgomоним своих чад. Ты же не единственная мамочка на этой планете. Давай, соглашайся, — продолжает она наседать на меня.

— Даже не знаю. Не хочу оставлять Райли, — смотрю я вопросительно на Элоизу, которая внимательно следила за нашим разговором.

— Иди, — шепчет мне кузина. — Я заберу к себе Райли, она будет только рада поиграть с моими сорванцами, поверь мне.

— Хорошо, — говорю я Джулии, — я с вами! Заедите за мной в одиннадцать, чтобы я смогла отвести Райли к Элоизе и уложить ее спать, она без меня не уляжется. Это наш ритуал.

— Договорились, подруга, — радостно вопит мне в трубку Джулс. — Девчонки очень обрадуются.

— До встречи, Джулс, — я вешаю трубку и смотрю на Элоизу. — Спасибо, что согласилась взять Райли к себе.

— Тебе надо выйти куда-нибудь, Стелла, — уговаривает она меня. — Ты работаешь как проклятая, поэтому иди и даже ни о чем не думай.

— Райли — все, что у меня есть, — говорю я ей. — Ты же знаешь, что я за нее все отдам.

— Дорогая, про себя тоже не надо забывать, — она ведь абсолютно во всем права. — Тебе всего двадцать восемь лет, ты молода и красива. Тебе надо развеяться.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — И чего вы меня все уговариваете? — озвучиваю вслух мучающий меня вопрос. — Ладно, давай вытаскивать наших разбойников из воды, а то уже скоро в лягушек превратятся.

С трудом вытаскивая детей из бассейна, Элоиза со своими чадами уходит домой. Мы с

Райли принимаем ванну, ужинаем, а вечером я ее увожу к Элоизе.

Райли недолго играет со своими кузенами, после чего, уложив ее спать, я возвращаюсь домой, чтобы собраться для предстоящей вылазки с подругами.

Это должна была быть простая посиделка с девочками, но вечер оказался полон неожиданностей.

Глава 3. Знаки внимания

Николас

Вечер наступил очень быстро, и уже в десять часов, в канун Дня Независимости, мы сидели с Марти и его школьными друзьями в местном баре, который был самым популярным здешним местом. Попивая Будвайзер, мы вели непринужденный разговор.

Давно я никуда не выбирался в мужской компании, чтобы вот так просто сидеть в прокуренном баре в небольшом городке и вести разговоры ни о чем. К тому же, мы успели сыграть несколько партий в бильярд, чего я тоже давно не делал. Хотя в студенческие годы очень увлекался этой игрой, и, бывало, ночи напролет проводил за этим занятием, забыв обо всем. Удар у меня был хорошо поставлен, и данный навык я еще не успел растерять, поэтому мне пришлось опечалить приятелей Мартина своей победой.

Так, проводя довольно-таки весело время для местного колорита, мы вернулись за свой столик и заказали еще по бутылке пива. Бар уже набился народом под завязку, поскольку был вечер пятницы, и людей становилось все больше и больше.

Я сидел, отвлекшись от разговора ребят, и изучал посетителей бара, когда через несколько столиков от нашего заметил четырех девушек, сидящих за высоким столом. Они держат стопки с прозрачной жидкостью в руках. Я предположил, что это текила, судя по наличию белой дорожки соли на их запястьях.

Мое внимание приковывает одна из них, пожалуй, самая красивая, хотя остальным тоже привлекательности не занимать. Несомненно, они здесь самые запоминающиеся особы, и с этим не поспоришь. Они чем-то выделяются из общей массы посетителей бара. Мне становится интересно не на шутку.

Я начинаю рассматривать приглянувшуюся молодую женщину, устремив взгляд в ее сторону, и смакую развернувшуюся передо мной картину, попивая пиво. Ее каштановые волосы собраны в прическу, которую нечасто встретишь в провинциальной забегаловке. С одной стороны они тщательно собраны заколкой, а с другой уложены в легкие кудри, спадающие естественной волной на ее изящные плечи. Мне нравится то, что я вижу.

Марти продолжает что-то рассказывать нам с ребятами, но я совсем не слушаю, продолжая рассматривать незнакомку, не в силах оторваться от нее. Еще более загадочным ее делает то, что я не вижу ее лица полностью, только профиль. Он настолько изящный и завораживающий, что становится ясно — она красавица. Безусловно.

Одна из девушек что-то говорит, остальные держат рюмки в руках и хихикают, слушая ее, так что я делаю вывод — она произносит тост. Вновь сосредоточиваюсь только на одной особе, столь привлекающей мое внимание. Она аккуратно высовывает свой язык, соблазнительно проводит им по запястью, слизывая соль, после чего подносит рюмку с прозрачной жидкостью ко рту и быстрым движением опрокидывает ее. Затем другой рукой она подносит к своим пухлым губам кусочек лайма, впиваясь в него, мило сморщив свой

аккуратно очерченный слегка вздернутый носик.

Я борюсь со своими внутренними демонами, которые зачем — то приехали со мной в этот небольшой городок, хотя сегодня утром я оставил их в номере отеля с той малознакомой блондинкой. Боже, как бы мне хотелось попробовать остатки лайма на ее губах. Меня очень волнует увиденное мини-представление от незнакомки, но вдруг Марти меня дергает за плечо, при этом все остальные ребята громко смеются.

— Эй, Ник, ты еще с нами? — говорит он мне, когда я понимаю, что вообще ничего не слышал из сказанного им.

Вот черт!

— Эм, да, — сконфуженно отвечаю я. — Просто задумался, — делаю глоток пива.

— Засмотрелся на тех красоток? — спрашивает Джоуи, указывая пальцем именно в ту сторону, где сидит прекрасная незнакомка в компании своих подруг.

— Да нет, просто мысли о работе не отпускают, — пытался я увести разговор в другую сторону.

— Рассказывай — рассказывай, — выказывает свое сомнение Марти. — В твоих мыслях она уже, наверное, раздетая лежит в номере отеля...

— Да перестань, — морщусь я, демонстрируя свое отвращение к грязным мыслишкам Мартина. В действительности он попал в самую точку, сделав ее жирнее в два раза. Мои мысли занимала только эта незнакомая мне девушка, об обнаженном теле которой я уже на самом деле начал мечтать.

Спасибо, Марти, что питаешь мою и без того озабоченную и развратную фантазию.

— Кто это там? — выгнул свою голову Люк в сторону этих девушек.

— Что-то я не припомню их имена, — говорит неуверенно Марти, словно пытается вспомнить хотя бы одну из них.

Мы все вместе смотрим на девушек, но они не видят наши изучающие взгляды.

— Так это же Джулия Аллен и Стелла Бейкер, — говорит Джоуи, словно его осенило.

— Точно, — подхватывает Люк. — А то я смотрю, вроде лица знакомые, а понять кто они, не могу.

— А кто две другие, не припомню, — пожимает плечами Джоуи.

— Потому что они все учились младше нас на три года, — деловито высказывается Люк, — вот ты их и не помнишь.

— Эти девчонки хоть и были нас младше на три класса, — ухмыляется Мартин, — а головы вскружили всем старшеклассникам.

Все остальные парни кивают в знак согласия. Мне же добавить нечего, ведь я ни с кем из них не знаком.

— А Стелла так вообще такой красоткой стала, — облизывается Люк, — прямо не узнать.

— Она и в школе была звездой, могла и выпускницам дать фору, — поддакивает ему Джоуи.

Парни опять согласно кивают, а я не знаю, кто из них Стелла. Хочется думать, что это именно та самая красотка, что завладела моим вниманием.

— А давайте им бутылочку шампанского преподнесем, — предлагаю я. — Пусть девушкам приятно будет. — Ребята удивленно смотрят на меня.

— Нашел уже жертву, чтобы подкатить? — скалится на меня Мартин.

— Ну, ты и пошляк! Почему сразу подкатить? — увиливаю я. — Вы их знаете, можно их

пригласить присоединиться к нам и просто весело пообщаться и все. Я угощаю, — делаю я невинное лицо, словно совсем не причем. Хотя коварный план уже созрел в моей голове.

— Что-то вроде встречи одноклассников, — все еще уговариваю их я.

— Ну, ладно, — соглашается Джоуи, остальные кивают в знак согласия.

Марти наклоняется ко мне и тихонько шепчет, чтобы остальные ребята не слышали:

— Сдается мне, ты что-то задумал! — подмигивает он мне. Я лишь мотаю головой, пытаюсь все отрицать, состроив серьезное лицо.

Я иду в бар, где нахожу официантку и прошу ее передать девушкам бутылку лучшего шампанского, которое у них в наличии. А также я прошу ее вручить записку, чтобы ни в коем случае не остаться незамеченным, и адресую свои слова именно той очаровательной незнакомке, что занимает мои мысли на протяжении последнего часа, попросив также официантку указать на наш столик. После возвращаюсь к парням и жду реакции девушек.

Главное, чтобы мои ожидания оправдались и все пошло по плану.

Моему плану.

Это я затеял эту игру. Значит, и правила тоже мои. Я лишь довольно ухмыльнулся про себя.

Стелла

О да, я видела взгляды мужчин, прикованные к нашим персонам. Я очень давно никуда не выбиралась, поэтому последние несколько лет я была лишена этих знаков внимания.

На самом деле, от всего этого я чувствовала себя слегка неудобно. Все обстояло куда проще, когда тебе было 20 лет, и твоя душа была открыта новым знакомствам, флирту и горячим поцелуям.

Чтобы немного, так скажем, «разогнаться» и поймать хорошее настроение, мы с девчонками выпиваем по стопке «Текилы», которую я опрокидываю, и она стекает по моему горлу, обжигая внутренности. Я морщусь.

Мы болтаем о всяких глупостях, при этом я пытаюсь оценить обстановку бара, так как ни разу здесь не была. Я вообще с того момента, как забеременела Райли, не выходила никуда в Коутсвилле, а последний год я практически не появлялась в родном городке, поэтому уже начала забывать лица когда-то знакомых мне людей.

Изучив обстановку вокруг, я должна была признать, что для провинциального бара здесь было весьма неплохо, интерьер уютный. По центру располагался бар с высокой барной стойкой из темно-коричневого дерева, за которой стояли высокие стулья со спинками, обтянутыми кожей шоколадного оттенка. По периметру стояли высокие столики, а по бокам от них по кругу располагались столы для компаний побольше с диванами светло — бежевого оттенка обеих сторон. С потолка над всеми столами свисали люстры, похожие на подвешенные на металлические нити светящиеся шары. Также, в дальнем углу находилась импровизированная сцена, где по всей вероятности выступали местные музыканты.

— Подруга, где летаешь? — пихнула меня локтем по обыкновению слегка беспардонная Келли, щелкая перед моим лицом пальцами.

— Что? — спросила я, попадая из своих мыслей прямоком в реальность.

— Ну, ты даешь! — удивилась она. — Уже глазки кому-то строишь? — подмигнула она, странно ухмыляясь.

— Не говори ерунды, — вмешалась Джулия, сделав сердитую гримасу и не дав мне ответить на неуместное предположение Келли. Я любила Джулию за то, что даже в самой

странной и непонятной ситуации она была за меня. Защищала меня, что было очень ценно.

Я лишь покачала головой, удивленно усмехнувшись, после чего Келли поняла, что сболтнула что-то не то и попыталась исправить ситуацию.

— Ой, только не говори, что собираешься жить монашкой, — ее опять повело не в ту сторону. — Ты молодая и привлекательная, хватит уже прятаться!

— И что мне теперь бросаться на первого встречного? — я вопросительно изогнула бровь, посмотрев на нее. — Я пришла сюда провести время с вами, а не мужиков клеить, — отбивалась я от нее.

— Ты что, слепая, подруга? — не могла она угомониться. — Посмотри, да половина мужиков в баре по тебе одной слюни пускают, — очертила она полукруг рукой, обведя помещение бара. Я же просто не могла поверить своим ушам, что мне приходилось в этом участвовать. Зря я согласилась, сейчас бы вместе с Райли мы посапывали друг у друга под боком. Мне было бы тепло и уютно.

— Кел, перестань лезть не в свое дело, — вмешивается Брэнда, не выдержав болтовни нашей подруги.

— А что я такого сказала? — искренне удивляется она. — Я просто хочу, чтобы Стелла наладила свою личную жизнь.

— А меня не хочешь спросить, нужно мне это или нет? — спрашиваю ее. — У меня все нормально, ничего другого мне не нужно.

— Ага, как же, — сердито сложила Келли руки на груди. — Так и умрешь старой девой.

— Спасибо тебе на добром слове, Кел, — обалдеваю от ее слов. — Столько не виделись, и ты начала опять меня сватать, только уже со всеми посетителями мужского пола в этом баре, — высказываюсь я, после чего делаю глоток из принесенного официанткой бокала сухого «Мартини».

— Ладно, забыли, — подытожила Джулис. Она всегда была нашим примирителем, когда мы начинали ссориться или вздорить.

Только я успела поставить свой бокал на стол, к нам подходит официантка, держа в ведерке со льдом бутылку шампанского, судя по этикетке дорогого, и четыре фужера на подносе.

— Это для вас, — поясняет официантка, размещая принесенное на нашем столе.

— Но мы этого не заказывали, — говорю я, подруги сверлят официантку вопросительным взглядом.

— Все верно, — мило улыбается нам девушка. — Потому что это для вас заказал тот мужчина, — поворачивается она в сторону от нас и указывает куда-то вдаль, но было непонятно, кто именно оказал нам такой знак внимания, ведь бар полон до отказа. Но вдруг через несколько столиков от нас я замечаю компанию из четырех мужчин возраста слегка за тридцать. Лица троих из них были мне знакомы, но тот привлекательный брюнет, что помахал нам рукой, доброжелательно улыбнувшись, казался мне незнакомым. Я раньше его никогда не видела, клянусь Богом.

Остальные мужчины, заметив его жест, тоже посмотрели в нашу сторону и улыбнулись, отсалютовав нам своими бокалами. Я оглянулась на девчонок, которые в ответ тоже им жестикулировали, улыбаясь во весь рот.

Я же вернула свое внимание незнакомцу, не зная, как себя вести, но состояние моего замешательства усилила официантка, которая, наклонившись ко мне чуть ближе, протянула сложенный листок бумаги и сказала:

— А вам лично он просил передать это, — несколько секунд помедлив, я беру записку, а официантка моментально испаряется, оставив меня со своими мыслями наедине.

Я начинаю колебаться, открыть или нет? Подняв глаза в их сторону, я обнаруживаю, что взгляд незнакомца по-прежнему прикован ко мне. Он смотрит мне в глаза, не отрываясь, подперев рукой мужественный подбородок. Он словно породистый самец, испепеляющий меня своим хищным взглядом.

Не выдерживая силы его взгляда, я быстро опускаю глаза на свои руки и открываю записку.

«Не желаете присоединиться к нашей компании?».

Такая простая фраза. А что я там, собственно, хотела прочитать? Что-то дерзкое или обидное? Или, может быть, слишком соблазнительное или просто неприлично красивый комплимент?

Я и сама не знаю. Я поворачиваюсь к столу и протягиваю записку подругам, которые что-то активно обсуждают, заливисто смеясь.

— Откуда у тебя это? — рассматривает записку уже пребывающая навеселе Келли.

— А ты как думаешь? От тех парней, что прислали нам шампанское, — пытаюсь я казаться равнодушной. — А кто вообще эти парни? — делаю вид, словно я совершенно в неведении.

— Трое из них точно из нашей школы, — внимательно рассматривает их Джулия, у которой фотографическая память на лица. — Они все втроем учились, кажется, на два года нас старше в школе.

— Это же Мартин Дэвис и его закадычные школьные друзья — Джоуи и Люк, — восклицает Брэнда, словно понимание к ней пришло совершенно внезапно.

— Точно, — добавляет Келли. — А вот этого красавчика в темно-синей рубашке я раньше не видела. Наверное, какой-то залетный гость в наших краях.

— А ты уже на него глаз свой положила, замуж за него вышла и детей нарожала? — начинает подкалывать ее Джулия. — А куда своего мужа с близняшками спрятать решила? — продолжает она подтрунивать над Келли.

— Какие вы скучные, девочки, — театралью надувает губы Келли, и мы все дружно смеемся. Не смотря на то, что Келли давно и весьма удачно была замужем и растила мальчишек — близнецов, она по-прежнему была хищной натурой и ценителем мужской красоты.

Наше девчачье веселье прерывает приятный мужской голос.

— Здравствуйте, девушки, — приветствует нас незнакомец своим низким мужским голосом. — Мои друзья такие нерешительные, поэтому я решил взять инициативу в свои руки. Присоединитесь к нам? — спрашивает он, почему-то сначала повернувшись ко мне, а потом уже ко всем остальным, продемонстрировав ослепительно белые и ровные зубы. — Меня, кстати, зовут Николас.

— Очень приятно, Николас, — кокетничает Келли и протягивает ему свою худую руку.

— У нас вообще-то сегодня девичник, — прерывает ее Джулия. — Даже не знаем, готовы ли мы к мужской компании, — увिलивает она от прямого ответа приглашение, читая мой напряженный взгляд как открытую книгу.

— Девочки, может все-таки стоит принять приглашение ребят? — игриво говорит Брэнда.

В это время Николас стоит около нас и слушает, все чаще и чаще поглядывая на меня. Я

замечаю это боковым зрением, ведь он находится именно рядом со мной. И могу поклясться, что от него так и веет мужской сексуальностью, и запах его свежей туалетной воды затуманивает мой рассудок.

Подруги переглянувшись смотрят на меня, словно я их камень преткновения. В глазах каждой из них танцуют свои особенные чёртики, желающие сегодня хорошенько повеселиться. Мне же хочется побыть в девичьей компании, но также я не желаю обижать подруг. Поэтому собираюсь с духом и поворачиваюсь к Николасу.

— Мы с радостью принимаем ваше приглашение, — говорю я невозмутимо, и лучезарная улыбка озаряет его лицо. Боже, вот это улыбка. Она словно осветила все помещение, не дав шанса ни одному темному углу сохранить и частичку тьмы.

Боже, что я делаю? Зачем я так откровенно пялюсь на него? И понимаю это лишь тогда, когда меня кто-то толкает в бок. Этим «кто-то» является, конечно же, Келли.

— Стелла, ку-ку, — пытается она привлечь мое внимание.

— А? — разворачиваюсь я к ней.

— За другой столик пересаживаемся, — гримасничает она, намекая на то, чтобы я поактивнее пообщалась с Николасом.

— Чего? — не сразу понимаю ее загадочные знаки. — Ах, да, конечно, — всё же, подыгрываю ей, и мы все дружно, взяв свои напитки, направляемся к столу с диванчиками, где разместились парни. Николас, как истинный джентльмен, берет с нашего стола шампанское и наши бокалы на подносе, и следует за нами.

Когда мы приближались к их столику, один из мужчин, кажется Люк Адамс, поднимается со своего места и приветствует нас:

— Какие красавицы и все к нам? — на его лице игривая улыбка. «Ну, и ловелас», — думаю а я про себя. Сам уже четвертый десяток разменял, обзавелся семьей, а все пытается с холостыми соревноваться. Он ничуть не изменился со времен школы, когда был настоящим бабником и разбил сердце доброй половине старшеклассниц.

— Привет, ребята, — широко улыбается дружелюбная Келли. — Мы рады вас увидеть спустя столько лет, — говорит она за нас всех.

— Мы тоже, — присоединяется к беседе Джоуи. Он всегда был немного скромным и застенчивым, что только добавляло ему обаяния.

— Прошу вас, девушки, присаживайтесь, — приглашает нас на свободный диванчик Мартин Дэвис, который был очень популярным парнем в старших классах. Это было неудивительно, внешне он привлекательный высокий блондин, общительный и с хорошей репутацией.

Мы усаживаемся на диванчик все вчетвером, прямо напротив парней, когда к нам присоединяется Николас, и волею случая садится на свободное место на краю дивана, рядом с парнями — прямо напротив меня. Просто «бинго» какое-то.

Николас первым же делом смотрит на меня, я бросаю на него беглый взгляд и сразу же отвожу глаза. И что мне теперь делать с его пожирающим взглядом? Прятаться от него или ждать, пока она прожжет во мне дырку?

Мои подруги о чем-то весело болтают с парнями, пока я перебираю мысли в своей голове — как мне быть? Мне долго не пришлось себя уговаривать. С какой стати я должна от него прятаться или избегать, раз уж мы сидим за одним столом и в одной компании. Я решаю действовать по своим правилам, поэтому поворачиваюсь к нему, посмотрев пристально в его глаза.

— А вы впервые в Коутсвилле? Я вас здесь раньше не встречала, — констатирую я, сделав глоток шампанского. Надо заметить, вкусного шампанского. «Плюс один балл тебе, Николас», — думаю я про себя.

— Определенно впервые, — отвечает он просто на мой вопрос.

— И какими вы здесь судьбами? — продолжаю свой допрос.

— Мартин меня пригласил провести с его семьей выходные в честь Дня Независимости, — информирует он меня.

— Отличный повод. Вы близкие друзья? — мне было действительно интересно, зачем он сюда приехал, ведь в нашем городке нет ничего особо примечательного.

— Верно, дружим уже больше десяти лет — с первого курса колледжа, — охотно делится он со мной. — Но до Коутсвилля так и не удавалось ни разу добраться.

— Ну, в итоге-то получилось. И как вам наш городок? Не слишком провинциален? — продолжаю выпытывать я, не отрывая от него глаз, пытаюсь выдержать его властный взгляд, не замечая, что происходит вокруг, и о чем разговаривают другие.

— Ваш городок очень даже милый, — Николас пристально смотрит на меня. Не могу сказать, что он красив. Да и нужна ли мужчине красота так, как женщине? Думаю, нет.

У Николаса темно — каштановые волосы, не слишком коротко стриженные, но и не длинные. Темно-синие пронизательные глаза просто завораживают, а к его правильно очерченным губам так и хочется прикоснуться. Он, несомненно, очень привлекателен и хорошо осведомлен об этом. Вся его манера общения говорит об одном — он умеет себя подать.

В таком духе продолжается наше общение с Николасом, по полной программе плавно перетекающее во флирт. Однозначно, это он самый, и я сама позволила этому случиться, благо соперник в этой незатейливой игре оказался достойный.

Время от времени мы с Николасом присоединяемся к общей беседе наших друзей, хотя и без нашего участия они вполне хорошо проводят время. Люк по-прежнему красуется перед девчонками, Джоуи проявляет всю свою галантность, а симпатяга Мартин — душа компании травит анекдоты и разные байки из жизни.

Когда время переваливает за полночь и в баре начинает свое выступление местная группа, вся наша компания за столом куда-то разбредается. Мы остаемся с Николасом вдвоем. Этого я и боялась больше всего.

Глава 4. Танец самолюбия или противоположные желания.

Николас

Не буду отрицать: я ни капли не пожалел, что приехал в этот захудалый городишка. И тем более, я не жалею, что выбрался этим вечером в бар с ребятами. Знакомство со Стеллой — с этой тигрицей в облики невинной овечки, стоит кое-каких неудобств и возможно лишений в плане комфорта, к которому я привык.

Она не только привлекательная женщина, но к тому же приятная собеседница. На счет ее интеллекта я еще не сделал своего вывода, ведь мы мало знакомы. Но то, что она знает себе цену и что у нее в голове явно больше извилин, чем у тех женщин, с кем обычно я провожу свои ночи, я мог сказать однозначно, не кривя душой.

Меня очень удивило, что она не пошла танцевать вместе со своими подругами, когда в баре начала свое выступление местная группа. Она показалась мне весьма самоуверенной и

открытой особой, чтобы стесняться танцев. Поэтому я списал это на возможную нелюбовь к танцам или просто на нежелание танцевать.

Итак, девушки пошли танцевать, парни отправились играть в бильярд. Ребята меня зазывали, но я всячески отшучивался, что я оберу их до последнего цента, если начну играть против них. Итак, мы со Стеллой остались одни. Наедине. Грех было не воспользоваться моментом, чтобы не подразнить эту пташку.

— Стелла, — обращаюсь к ней, наклонившись чуть ближе через стол. — Очень рад нашему знакомству, — включаю я все свое обаяние.

— И чему вы так радуетесь? — удивленно она выгибает свою идеально оформленную бровь.

— Может, уже перейдем на «ты»? А то все выглядит слишком официально, — сразу же предлагаю ей.

— Хорошо, — соглашается она.

Я смотрю на эту женщину, вложив все восхищение в свой ненасытный взгляд.

— Почему ты не танцуешь? — меня этот вопрос никак не покидал. — Не любишь?

— Просто что-то не хочется, — пожимает она плечами. — Нет особого настроения.

— И как же мне тебя развеселить? — я всеми способами желаю увлечь и развлечь эту привлекательную женщину.

Она лишь улыбается и опускает глаза на свой бокал, после смотри в сторону.

— Не стоит так передо мной распинаться, — возвращает она свой взгляд мне.

— Почему же? Перед такой изумительной женщиной, думаю, стоит, — парирую я, отчаянно рвась в последний бой. Она качает головой, словно не верит своим ушам. Она, как мне показалось, понимает, что я задумал.

В зале энергичная музыка сменяется медленным мелодичным мотивом. Ребята из местной группы весьма профессионально играют, и их музыка приятно ласкает слух. «Фортуна сегодня на моей стороне», — думаю я и поднимаюсь со своего места.

— Потанцуй со мной, Стелла, — протягиваю я ей свою руку. Она медлит, посмотрев на нее и задержав на секунду свой взгляд. После она поднимается со своего диванчика и, словно приняв мой вызов, вкладывает свою холодную руку в мою.

Мы идем к воображаемому танцполу, пробираясь через танцующие парочки. Выбрав свободное место, мы встаем друг напротив друга, она кладет свою левую руку на мое плечо, а ее правую руку я беру в свою ладонь, приобняв девушку за талию.

Мы начинаем медленно двигаться в танце, не произнося ни слова, ведь за нас это делает музыка. От ее волос исходят приятные ванильный и цветочный запахи, которые наполняют мои легкие и задурманивают мой уже слегка нетрезвый мозг.

Ее кожа идеально бархатистая, мне нестерпимо хочется проложить дорожку из поцелуев по ее шее и дарить этой женщине наслаждение. Она завораживает меня тем, что одновременно сочетает в себе робость и в то же время дерзость, самодостаточность. Это дикое и редкое сочетание крайне обескураживает меня. Я пьянею все сильнее и становлюсь просто безнадежным.

— Ты такая красивая, — наклоняюсь я к ней и шепчу на ухо. — От такой красоты было бы не жалко ослепнуть.

Она мне ничего не отвечает, но клянусь, что чувствую, как она слегка дрожит от моих слов и дыхания, которым я обдал ее шею, когда шептал те слова. Соблазнение — это моя любимая часть игры, поэтому я в ней весьма преуспел.

Ее правая ладонь лежит в моей руке, а другой я обнимаю ее за талию. Мы медленно кружимся в танце, но Стелла почему-то избегает прямого зрительного контакта со мной. Мне нужно, чтобы она посмотрела мне в глаза, ведь в этот момент мы физически на очень близком расстоянии. Мне необходимо ее внимание, потому что это часть игры. Моей игры.

Я сдвигаю свою руку чуть ниже по её пояснице, туда, где поднявшаяся во время танца блузка оголила кусочек кожи. Пальцами я прокладываю едва ощутимую линию по ее оголенной пояснице, и чувствую ее легкую дрожь. Она реагирует на мои прикосновения, дав тем самым мне зеленый свет прикоснуться к ее бархатистой коже еще более ощутимо, что я и делаю, играя пальцами по ее коже и изображая замысловатый узор.

Она, не выдержав этой сладкой муки, а именно такой она и была — приятная и сладкая, все-таки взглянула на меня.

Я смотрю на ее сочные алые губы, в которые мне так хочется впиться прямо здесь и сейчас, когда замечаю, что она прижимается сильнее ко мне и шепчет соблазнительным голосом на ухо:

— Может быть хватит уже мучить мою поясницу?

Что? Стоп!

Я был удивлен ее реакции, но не показывал своего негодования. Не может быть! Годы опыта подсказывали мне, что девушкам нравились такие ласки — они были едва ощутимые, благодаря чему позволяли дразнить и распалить, но не переступать разумных границ. Но, видимо, эта история не про Стеллу. Неужели мне тут ничего не светит?

— Только не говори, что тебе не нравится? — шепчу я ей на ухо с придыханием и чувствую, как она закрывает свои глаза.

— Не льсти себе, красавчик, — продолжает она нашу незримую для остальных словесную дуэль. — Если у тебя симпатичная мордашка, то это ещё не значит, что ты знаешь, как обращаться с женщинами. — А она весьма острая на язычок и явно пытается утереть мне нос.

— Ну, ты все — таки считаешь меня красавчиком, это уже что-то, — не могу не поддеть ее, она так мило сердится.

— Ты просто заносчивая задница, Николас, — смотрит она мне прямо в глаза с абсолютно серьезным видом, при этом мы продолжаем танцевать, медленно двигаясь в такт музыки.

Я несколько секунд молчу, после чего наклоняюсь вновь к ней поближе и говорю:

— Ты такая сексуальная, глаз не могу от тебя отвести.

Говорю ли я подобные слова все женщинам, с которыми хочу и планирую переспать? Нет, не говорю, но совсем не потому, что не хочу этой игры. Причина в том, что большинство женщин, с которыми мне приходится иметь дело, уже просто так готовы со мной лечь в койку, даже без предварительных игр и соблазнения. Они словно потребители в супермаркете: взяли с полки и съели. Я же люблю длительный процесс приготовления и дегустации, а не бездумное поглощение продуктов. В этом наше отличие. Но в большинстве случаев приходилось брать то, что дают.

С одной стороны, это весьма упрощает мне задачу. С другой, эти женщины опускаются еще ниже в моих глазах.

Но Стелла оказалась крепким орешком, ее просто так не победить, поэтому действовать придется медленно, но верно. Я все равно добьюсь своей цели — эта женщина будет стонать от удовольствия в моих объятиях, а после захочет еще и еще. Но вопрос в другом: захочу ли я

продолжения после затяжных игр в соблазнение?

Не знаю, время покажет.

Стелла

Мы с Николасом танцуем, и мне это нравится. Я всегда любила танцевать, но давно этого не делала. Почему я не пошла на танцпол с подругами, для меня также остается загадкой. Я, видимо, подсознательно желала остаться с Николасом наедине, хотя и боялась.

Мы не просто с ним танцуем. Это своеобразная игра, которую мы обоюдно поддерживаем. Он играет роль соблазнителя, пытаюсь своими жестами, словами и движениями настроить меня на свою похотливую волну.

Удастся ли это ему? Вполне. Я должна признать, он отлично справляется со своей ролью соблазнителя, но вот только как бы мне не хотелось попасть в его наверняка горячие объятия, я не позволю собой воспользоваться. Мне не нужен роман, сегодня мне необходим просто флирт, и не более того.

Когда музыка заканчивается, я немного отстраняюсь от горячего и такого стройного и подтянутого тела Николаса.

— Не хочешь выйти на улицу и проветриться? — спрашивает Николас.

— Да, пожалуй. Здесь стало слишком душно, — соглашаюсь я, Николас чему-то хитро ухмыляется, и мы направляемся в сторону выхода.

Ник пропускает меня вперед, а сам идет следом за мной, касаясь ладонью моей спины, словно оберегая меня от посторонних. Сквозь свою блузку я чувствую тепло от его руки и, кажется даже, немного дрожу. Опять он испытывает мою кожу своими прикосновениями. Держись, Стелла.

Мы выходим на улицу, лицо обдаёт потоком свежего прохладного ночного воздуха. От этого так приятно, что я закрываю глаза в неге и поднимаю лицо навстречу ночного неба. Мы молчим, и я слышу, как открывается дверь и кто-то выходит, и, уже открыв глаза, вижу проходящих мимо троих здоровенных мужика. Один из них, пожалуй, самый неприятный, подмигивает мне и говорит: «Какая цыпочка». У меня мурашки бегут по телу от этого зрелища.

Ник, стоящий рядом со мной, держит руки в карманах своих темно-синих джинсов, наклоняется ко мне и шепчет:

— Давай-ка отойдем в сторону, а то тебя точно украдут вон те громилы, — и кивает головой в сторону тех противных мужиков, которые только что вышли из бара.

— Давай, — опять соглашаюсь я с ним. И почему я все время с ним соглашаюсь?

Мы начинаем шагать и заходим за бар, приближаясь к боковой стене, где никого нет и мы недоступны постороннему взгляду. По мере нашего движения, Ник неожиданно становится ко мне лицом, обвив мою талию своими руками, и прижимает меня спиной к стене. Он приближается своим лицом к моему как можно ближе.

— Что ты делаешь? — говорю я возмущенно. Что он себе позволяет?

— Хотел это сделать с того самого момента, как увидел тебя, — я отворачиваю голову, желая избежать поцелуя. Он же в свою очередь не пытается поцеловать меня в губы, что меня удивляет, но наклоняется еще ниже ко мне и прикасается к моей шее, прокладывая вниз дорожку поцелуев. Он быстрым движением проводит языком вверх и прикусывает слегка мочку моего уха. Я вся покрываюсь мурашками от удовольствия, из моих губ вырывается едва различимый стон.

Что делает со мной этот незнакомый мужчина? Что я здесь делаю? Почему позволяю ему делать это со мной? Я понимаю всю нелепость ситуации и начинаю вырываться, упираясь Николасу в грудь руками, чтобы оттолкнуть его.

— Что-то не так? — не отпускает он меня, заглядывая с хищной улыбкой мне в глаза.

— Все не так, — отвечаю я сердито. — Меня и тебя здесь не должно быть, ты же это понимаешь. Это неправильно, — включаю я фильтр хорошей девочки.

— Не вижу проблем, если мужчину и женщину тянет друг к другу. Это самая лучшая причина, чтобы быть здесь и оказаться в подобной ситуации, — пытается убедить меня он.

— Мы с тобой едва знакомы, — парирую я, стараясь еще больше отстраниться от него, но он мне этого не позволяет.

— И что? — вопросительно он изогнул бровь. — Даже не зная твоего имени и наблюдая за тобой, я очень хотел слизать сок того лайма с твоих губ, — говорит он мне, будто выливая на меня ушат холодной воды, после чего переводит взгляд на мой рот, прикусив свою нижнюю губу.

Я чувствую, что краснею как девчонка, как школьница. И все из-за того, что четыре года у меня не было мужчины. Я никого к себе не подпускала, никому не позволяла себя так хотеть, и не позволю этому хищнику загнать меня в свой капкан.

В моей голове начинают появляться все мучительные воспоминания, связанные с тем плохим, что мужчины когда-либо приносили в мою жизнь. Чувствую, что начинаю внутренне распалиться, и с силой отталкивая Николаса, высвобождаюсь из его хватки. Все участки моей кожи, где он меня касался, невыносимо горят, но я стараюсь выбросить эти мысли из головы, и бегу назад в бар. Подбежав к двери, распахиваю ее и вхожу, быстрым шагом направляясь к своим подругам.

Подхожу и сажусь на диван, подруги смотрят на меня округленными глазами. Я, стараясь не обращать на них внимания, беру бокал шампанского и залпом осушаю его. Подруги таращатся на меня,

— Что? — спрашиваю я у них.

— Он, наверное, к тебе, — говорит подруга, после переводит взгляд в сторону выше моего плеча.

Я оборачиваюсь и вижу разъяренное лицо Николаса.

Вот черт!

Сейчас начнется целое представление.

Глава 5. Отшила

Николас

Когда Стелла неожиданно оттолкнула меня и побежала в бар, я был вне себя от злости. Целый вечер она отвечала на мои знаки внимания, улыбалась и даже, как мне показалось, флиртowała со мной. Может быть, я хотел думать, что ее поведение было взаимным? Я начал думать, что сегодняшняя ночь будет весьма занимательной, чем мне Коуствилл и запомнится. Но не тут-то было.

Она меня обломала, распалив до предела. Чертовка. Я это так просто не оставлю.

Я бросаюсь следом за ней, иду быстрым шагом в бар и настигаю ее уже сидящей на диване за нашим столиком. Она по скорости настоящий ураган, раз успела так быстро вернуться — она убежала от меня, словно спринтер на дистанции.

Ее подруга намекает ей о моем появлении, а у меня, кажется, идет пар из ушей от этой ситуации. Я зол и ненасытен, но меня пытаются поиметь. Чтобы хоть как-то сдерживаться, принимаю уверенную позу, сложив руки крест-накрест на груди.

— И что это сейчас было? — спрашиваю я, не скрывая своего гнева. Ее подруги находятся рядом и все прекрасно слышат.

— Ты не на ту нарвался, дружок, — тыкает она в меня своим наманикюренным пальчиком, а у меня в голове лишь хоровод пошлых мыслей. «Ох, как б я хотел сейчас облизать этот твой пальчик, чтобы ты мурашками покрылась», — думаю я про себя.

— Неужели? — говорю в ответ, ни на секунду не выдав своих истинных желаний. Давай, Стелла, следующий выстрел.

— Да-да, со мной эти твои подкаты не пройдут, я уже большая девочка, — сердито говорит Стелла и задирает гордо голову вверх, выпячивая свой подбородок. «Как бы я хотел провести языком по этому красивому подбородку и завести тебя по полной, детка», — смотрю я на нее стальным взглядом, а в голове похотливые мысли играют друг с другом в догонялки.

— А ты какая-то другая? — специально раздражаю ее, отчего она выглядит еще сексуальнее.

— Ты специально прикидываешься? — она сверлит меня своими удивительными зелеными глазами, а я так мечтал, чтобы она закрывала эти глаза от удовольствия и извивалась подо мной.

— Нет, — просто отвечаю ей. Она вопросительно выгибает бровь, все еще ожидая ответа. — Вы — женщины вроде бы все одинаковые, — издеваюсь над ней еще сильнее, что доставляет мне истинное удовольствие. Она ни за что не сдастся в этом сражении.

— Конечно, — саркастически она улыбается мне, — среди вас-то мужиков близнецов днем с огнем не сыщешь, — продолжает Стелла свою тираду. — Сплошь редкие экземпляры.

— Согласен. Мы все индивидуальные самцы, — соглашаюсь с ней. — Ну так и? — растягиваю последнее слово. — Номер телефона говори! — Николас, что ты делаешь придурок? Ты же никогда не берешь номера телефонов, и зачем он мне, думаю я про себя. Хотя... разок — другой можно повеселиться с этой горячей штучкой, раз уж сегодня у нас уже ничего не заладилось, можно сделать исключение, нарушить свои правила и встретиться с ней, — продолжаю свои размышления, прокручивая варианты любовных утех в своей голове.

— Стелла, жду номер телефона! — настаиваю я.

— Такому придурку, как ты, ни за что свой номер не оставлю, — отрезает она дерзко, метая молнии своими прекрасными глазами, разворачивается и начинает отдаляться от меня, слегка покачивая бедрами, которые обтянуты черными джинсами с потертостями. В голове вертится миллион мыслей, что бы я хотел сделать с этой сладкой попкой и тысяча вариантов, как бы меня могли обвивать эти ноги.

— Это мы еще посмотрим, — я просто так это не оставлю. Пусть не надеется.

Было глупо стоять дальше и тарашиться на нее, поэтому я разворачиваюсь и выхожу на улицу, чтобы освежить голову и утихомирить свой пыл. Я весь горю от злости и ненасытности изнутри.

Выйдя на улицу, я опираюсь о перила, расположенные у входа, и провожу руками по волосам. У меня в голове не укладывалась эта ситуация. Чтобы я — Николас Ланкастер когда-то выпрашивал номер телефон у женщины? Да такого не случалось вот уже лет десять,

и было чем-то непостижимым для моего разума.

Чем эта женщина так меня покорила, что я решил изменить свои внутренние устои? Да, в ней однозначно было то, чего я давно не встречал в женщинах. Но, учитывая то, что она меня прилюдно отшила, я все же просил ее телефон, хоть и в приказном порядке.

Ты облажался, старик! По полной программе облажался!

Спустя минуту из бара вылетает Стелла со своими подругами. Они садятся в машину и уезжают.

Она меня послала. Причем большими буквами и в далеком направлении.

Такого со мной не случилось никогда. Никто и никогда мне не отказывал, а Стелла, похоже, затеяла свою игру, но мы еще посмотрим, кто победит в этом сражении.

Я всегда добиваюсь того, что мне хочется. И никто мне не сможет помешать.

Никто.

Глава 6. День Независимости

Стелла

После нашей странной посиделки в баре, мы с девочками возвращаемся домой. Всю дорогу мы молчим, не проронив ни слова. И ровно в таком же молчании мы подъезжаем к моему дому.

— До завтра, — говорю я подругам и быстро выбираюсь из машины, не дождав их ответа.

— Стелла, — кричит мне вслед Джулия. — Завтра встречаемся в три часа у Брэнды на барбекю, не забудь.

Я не отвечаю, лишь поднимаю руку вверх, рассекая воздух, дав понять, что я ее услышала. Это был наш негласный знак.

Быстро приготовившись ко сну, я забираюсь в свою уютную кровать, но сон ко мне не идет. Меня все еще не покидают воспоминания о Николасе. Не смотря на нашу с ним стычку в конце вечера, я хорошо провела время. Видел бы он свое лицо, когда я ему отказала, да еще и номер телефона не дала. «Вот умора», — широкая улыбка озаряет мое лицо.

С такой довольной гримасой я и погружаюсь в сон, больше не желая себя изводить воспоминаниями сегодняшнего вечера.

* * *

Утро наступает очень быстро. Проснувшись, я ощущаю себя так, будто совсем не спала. Не смотря на возвращение домой поздней ночью, меня ждал скорый утренний подъём, ведь мне нужно было забрать Райли у кузины. Моя дочь ранняя пташка, как, наверное, и большинство детей.

Выйдя из дома, я иду в другой конец нашей улицы, где живет Элоиза со своей семьей. Дорога занимает обычно не более пяти минут прогулочным шагом. Идя вдоль домов, невозможно не заметить, как многие жители уже успели развесить на своих домах государственные флаги в честь празднования Дня Независимости нашей страны. Это национальная традиция, которая и Коуствилл не обошла стороной.

Эта одна из тех традиций, которая мне была по душе. Все эти мелочи радовали мой взор, и городок, кажется, ожил, погружившись в яркий звездно-полосатый триколор.

Зайдя в дом, я вижу, что дети уже встали и завтракают за столом на кухне.

— Доброе утро, — приветствую Элоизу и ее мужа Джареда, а также детей.

— Мамочка, — Райли соскакивает со своего места и бросается ко мне. Я подхватываю ее на руки, хотя мне уже давно тяжело ее держать на руках, в свои пять лет она была отнюдь не пушинкой, а весьма рослым ребенком.

— Нам пора домой, — говорю я дочери.

— Почему? — хмурит она свои тонкие бровки.

— Райли, мы сегодня идем на барбекю-вечеринку, — информирую я дочь. — Тете Элоизе нужно тоже подготовиться, и нам с тобой.

— Правда? — смотрит она на меня. — А там другие дети будут?

— Обязательно, — улыбаясь, касаясь кончиком пальца ее миниатюрного носика. Райли заливисто смеется, предвкушая веселый день со всеми ее любимыми развлечениями.

Поблагодарив Элоизу за то, что оставила у себя Райли и накормила завтраком, мы с дочерью, взявшись за руки, вприпрыжку спешим домой, чтобы подготовиться к барбекю — вечеринке. И это делает меня счастливой — солнце, дочь и наша хоть и недолгая, но беззаботность.

* * *

Погода сегодня просто невероятная. Небо безупречно чистое и голубое. Солнечные лучи заливают улицы и каждый уголок нашего городка, поэтому практически невозможно от него спрятаться: жара в воздухе, в небе, в людях — во всем.

Когда мы с Райли заходим на задний двор дома моей подруги Брэнды, то я совсем его не узнаю. Практически вся территория заставлена столами, украшенными белыми скатертями и посудой всех цветов национального флага Соединенных Штатов, что полностью соответствует канонам празднования Дня Независимости.

В дальнем углу располагается печь барбекю, за которой крутился муж моей подруги — Уоррен, он без сомнений самый настоящий мастер, когда дело касается приготовления вкусной еды. В другом углу организован импровизированный бар, где всем заправлял младший брат Брэнды — наш славный Юджин. Надо признать, со школьных времен Брэнда ни капельки не изменилась. Она всегда умела распределять работу и обязанности между мужчинами, которые легко шли у нее на поводу. Ей лишь оставалось руководить парадом.

— И как тебе удаётся ездить на этих ребятах? — дразню я подругу.

— И вам привет, дорогие мои, — приветствует нас запыхавшаяся Брэнда. — А ты сегодня мамина компания? — треплет она Райли за раскрасневшиеся от солнца щёчки. Дочь лишь довольно качает в знак согласия головой и поворачивается ко мне:

— Мамочка, можно я пойду поиграю с другими детками?

— Конечно, иди, — охотно соглашаюсь я, ведь Райли совершенно невозможно удержать на месте. — Только аккуратно, к огню не подходить и не носиться по двору.

— Ладно, мамочка, — щебечет моя дочь и бежит к другим детям, так и не вняв моим словам. Проказница.

— И кому были мои наставления? — задаю я риторический вопрос вслух.

— Ой, да ладно тебе, — вздыхает Брэнда. — Она еще ребенок.

— Знаю, но порой она кажется смышленнее, чем хочет показаться, — пытаюсь я убедить то ли Брэнду, то ли себя в большей степени. — Уж поверь мне.

— Да, вижу, — поддерживает меня Брэнда.

— Столько народу собралось, — удивляюсь я такому размаху праздничного пикника и скоплению гостей. — Такое ощущение, что у вас собрался весь город.

— И не говори, голова идёт кругом. Сами не ожидали, но получилось, что собрали всех своих друзей и родственников. Такое же редко бывает, согласна? — спрашивает меня воодушевленная Брэнда. Она всегда любила шумные сборища.

— Да, учитывая наше постоянное отсутствие, — констатирую я очевидное. — Мне будет приятно пообщаться со многими.

— Ладно, подружка, — хватая Брэнда своими руками мою. — Пойду помогу Уоррену, а то он меня живьем съест, что всю готовку на него повесила, — гримасничает Брэнда.

— Беги, — говорю я. — Постараюсь на месте разобраться и тоже помогу, чем смогу.

— Спасибо, — беззвучно губами говорит Брэнда и убегает помогать мужу.

Я же, оставшись в одиночестве, решаю со всем поздороваться и просто весело провести время, к тому же стараясь не выпускать из поля зрения свою дочь.

Пикник проходит просто замечательно — еды до отвала, напитки льются рекой, общения через край. К тому же, Брэнда, как истинный любитель местных бэндов, пригласила группу музыкантов, которые играли все наши любимые еще со школьных времен песни.

Чертовски приятно встретить всех старых друзей и знакомых, с которыми всегда было о чем поговорить, независимо от того, как сейчас протекает наша жизнь, и где мы находимся. Общие воспоминания о детстве и юности не сотрешь, как ни старайся.

Все это время Райли у меня на виду, но в какой-то из моментов я отвлекаюсь и теперь не знаю, где она находится. Поэтому, извинившись перед собеседниками, я иду исследовать огромный двор, ставший практически рестораном под открытым небом.

— Райли? — зову я дочь, но нигде ее не нахожу, хотя куда она могла уйти? Скорее всего, где-то прячется с ребятами.

— Кел, ты не видела Райли? — спрашиваю я подругу, встретившись с ней по пути.

— Она вроде бы где-то крутилась среди столов, хотела попить или что-то съесть, — отвечает та невозмутимо.

— Это же Райли, — пожимаю плечами, внезапно улыбнувшись своей мысли.

— Да, эта малышка любит поесть, — согласно кивает Келли, широко улыбаясь. Ни для кого не было секретом, что Райли любит поесть, к тому же другим чадам сладости подавай, а моей — чего существенное.

— Да у моей сорвиголови ни одна калория не задерживается. Ладно, пойду искать ее, — мягко улыбаюсь и иду дальше по двору в поисках дочери.

Вдалеке, около столов, расположенных возле барбекю печи, я замечаю кусочек знакомого ярко-желтого платья своей дочери среди множества людей.

— Вот ты где, непоседа, — иду я к Райли быстрым шагом, стремительно приближаясь. Райли словно не слышит меня, однако, стоящий рядом с ней человек поворачивается ко мне, и я тотчас же столбенею от увиденного зрелища.

Этот тёмноволосый, высокий красавец смотрит, впившись в меня своим ястребиным взглядом, изогнув свои манящие губы в притягательной, едва заметной улыбке. Уж кого-кого, а его я совсем не ожидала здесь встретить.

Напрашивается вопрос «какого чёрта он тут делает?»

Как он здесь оказался?

Вероятно это какая-то шутка.

Злая шутка.

Глава 7. Глупый Николас

На следующий день, как оповестил меня Мартин, нас пригласили с его семьей на пикник — барбекю к Брэнде, с которой познакомились вчера в баре и которая непосредственно являлась подругой Стеллы.

Я, конечно же, с энтузиазмом воспринял эту информацию, потому что жаждал встречи с этой красоткой вновь, ведь мы еще не закончили. Я не собирался просто так оставлять ту ситуацию, в которой она меня выставила полным идиотом.

После обеда мы направляемся на пикник к Брэнде, проживающей в этом же квартале недалеко от дома родителей Мартина.

Все улицы и дома Коутсвилла украшены в стиле празднования Дня Независимости, и задний двор дома Брэнды тоже. Хотя это как-то провинциально и возможно не по мне, но, тем не менее, атмосфера вокруг очень дружелюбная и милая. Симпатия к «милостям» так на меня не похожа, я, несомненно, пытаюсь угодить своему другу, а к тому же и удовлетворить кое-какие свои цели и желания.

Среди гостей много детей, которые бесятся и бегают по кругу, заливисто смеясь. Да, скучать мне здесь не придется.

Я стою и разговариваю с Мартином и его старой знакомой Мэри, с которой, судя по ходу течения беседы, он пытается меня свести, как бы невзначай расписывая мне все ее достоинства. Но ты же знаешь, дружище, что женщины мне более чем на одну ночь не пригождаются. Не хотелось бы воспользоваться такой милой девушкой, так что я стараюсь особо не проявлять к ней симпатию, чтобы не обнадеживать.

Тем не менее, я стараюсь выглядеть милым и поддерживаю беседу, не выказывая особо к ней интереса. Я делаю глоток пива из бутылки, когда чувствую, как кто-то дергает меня сбоку за штанину. Смотрю в сторону и никого не вижу. Но движение повторяется, я наклоняю голову вниз и вижу симпатичную девчушку, похожую на ангела с обиженными глазами, которая прижимает одной рукой к себе мягкую игрушку.

Честно сказать, я не мастер общения с детьми, и они похоже это чувствуют. Поэтому обычно дети не пристают ко мне с просьбами. Но это милое создание не отходит от меня, а отпустив мою штанину, говорит своим тонким голоском:

— Дядя, я хочу вот этот кусочек, — и указывает на стол, стоящий рядом с нами, на котором в больших тарелках лежат готовые стейки.

Я в замешательстве. Во-первых, почему она обратилась ко мне, а во-вторых, почему она хочет, например, не пудинг или мороженое, а стейк? Я спрашиваю неуверенно, не зная толком, как общаться с детьми:

— А почему тогда не возьмешь?

Она важно машет рукой в сторону ладонью вверх и говорит:

— Я же еще маленькая и не дотягиваюсь.

Я несколько секунд молчу, обдумывая свои дальнейшие действия.

— Ты что глупый дядя? — спрашивает она недоуменно. — Просто возьми меня на руки, чтобы я была выше и могла сама взять, — словно маленький инструктор рассказывает она мне, что делать. Я слегка хохотнул.

— Да, конечно. Пойдем, — говорю я, а она протягивает свою руку. Я, немного

помедлив, беру ее за маленькую ладонь и подвожу к столу, около которого она выпускает свою руку из моей и тянет руки вверх.

Я ставлю бутылку пива на стол, беру ее под мышки и приподнимаю. Девчушка кладет на край стола свою мягкую игрушку, после берет со стола одноразовую тарелку, я помогаю ей положить в нее пару небольших кусочков стейка.

— Ты точно все взяла? — спрашиваю я, чтобы убедиться, что ей ничего не нужно.

— Да, — кивает она мне, и я ставлю ее назад на землю.

— Может, хочешь лимонад? — Предлагаю я. Она просто кивает в знак согласия, ничего не говоря. Я беру стакан лимонада и подаю ей.

Девчушка смотрит на меня своими большими глазами и говорит:

— Спасибо, ты хороший дядя.

Я лишь широко улыбаюсь и говорю:

— Не за что, ешь на здоровье, — когда слышу со спины знакомый женский голос:

— Вот ты где, непоседа.

Я оборачиваюсь и у меня кровь закипает в жилах. Передо мной стоит Стелла, одетая в простой летний сарафан с открытыми плечами, который демонстрирует ее оливковую гладкую кожу. Оранжевый цвет сарафана подчеркивает ее невероятно красивые зеленые глаза, от которых невозможно отвести взгляд.

Вдруг ее лицо делается напряженным, и она шипит, сложив руки на груди:

— Что ты делаешь рядом с моей дочерью?

— Что? — у меня глаза лезут на лоб. *У нее есть дочь?*

— Райли, иди ко мне, — зовет она девчушку, которая попросила меня ей помочь. Она со всех ног мчится к ней. Стелла награждает меня холодным пронизывающим взглядом и берет девочку на руки.

— Что он тебе говорил? — начинает Стелла выпытывать у своей, как оказалось, дочери, пытаюсь говорить как можно тише, но я все слышу, к тому же, что она указывает на меня.

— Я попросила дядю помочь мне взять стейк и лимонад, — излагает спокойно она. — Я проголодалась, — поджимает она свои губы, словно в чем-то провинилась. Эта девчушка сейчас похожа на маленького ангела — манипулятора, потому что она явно знала, как разжалобить окружающих в своих целях.

— Ладно, иди сядь за детский столик, а потом поиграй с ребятами, — говорит ей Стелла, после чего опускает Райли на ноги, и та идет к детскому столу.

Стелла снова складывает руки на груди, приняв грозный вид, который меня невероятно веселит.

— Что тебе было нужно от моей дочери? — впивается она в меня пронзительным взглядом воительницы.

— Она попросила ей помочь, что я и сделал, — отвечаю легко и непринужденно, ведь так все и происходило.

— Не подходи к ней больше ни на шаг, — она что, угрожает мне?

— В чем проблема? — не понимаю я причин ее недовольства, ведь я ничем не обидел ее дочь, а старался быть весьма дружелюбным.

— И вообще что ты ту делаешь? — вопросительно поднимает она свои брови. — Провинциальная вечеринка не для таких, как ты, — заключает Стелла.

— А какой я? — отвечаю ей тем же. Эта игра меня забавляла. — Ты меня не знаешь, — бросаю ей грубым и немного нахальным тоном, пытаюсь то ли убедить ее в том, что она

ошибается или же наоборот подкрепить ее домыслы.

— У тебя на лице написано, что ты заносчивый и высокомерный городской засранец, — пулеметной очередью она чеканит слова своими аппетитными губами, в которые так хочется впиться. Меня безумно заводит, когда Стелла злится. Это забавно и в то же время очень сексуально.

— Если все-таки решишь меня лучше узнать, чтобы сделать правильные выводы, то позвони мне, — достаю я из своего бумажника визитку и протягиваю ей. Может это хоть немного повысит мой рейтинг в ее глазах, потому что пока я у нее не в почете, судя по реакции на наше вчерашнее расставание и сегодняшнюю встречу.

Стелла смотрит на мою вытянутую руку и резко выдергивает визитку.

— Николас Ланкастер, главный врач стоматологической клиники «Risus», — читает она вслух. — Впечатляет, — смотрит она на меня, прищурившись, будто пытается выведать какой-то ей неведомый секрет или разгадать меня.

Я лишь усмехаюсь, потому что наше общение опять перетекает в мини-спектакль.

— Засунь свою визитку куда подальше, — она быстрыми жестами рвет карточку, бросает ее клочки в ближайшую от нас урну и подходит ко мне, приблизившись почти вплотную: — Усёк? — шипит она, глядя мне прямо в глаза.

— До встречи, детка, — отвечаю ей с широкой улыбкой. Стелла лишь закатывает глаза и быстро испаряется, словно фурия, оставив меня стоять как полного болвана с единственным желанием — разгадать эту женщину и ее тайну.

* * *

После того, как Стелла так стремительно убежала от меня, я вернулся к Мартину, и мы продолжили приятно проводить время, которое было наполнено водоворотом новых знакомств, еды и выпивки. Так легко и непринужденно я давно не ощущал себя. Здесь было не место заносчивости, высокомерию и наигранности. Все вели себя естественно, открыто и просто получали удовольствие от общения и самого праздника.

Все было бы ничего, вот только меня практически все время не отпускала мысль о Стелле. Я все время искал ее взглядом и иногда находил то в компании своих подруг, то своей дочери или же других гостей вечеринки. Но она ни разу ни взглянула на меня, как бы пристально я не смотрел на нее и не искал ее внимания.

Она точно избегала меня. Я в этом ни капли не сомневался. Я прокрутил в голове миллион вариантов, каким образом мне добиться ее внимание и назначить встречу, но ни одна моя идея не увенчалась успехом.

Уже поздно вечером многие гости разбрелись по домам, но мы с Мартином и его семьей все еще были в числе оставшихся. Собираясь взять еще дну бутылку пива, я подошел к столу, где стояли напитки и закуска, и обнаружил мягкую игрушку — забавного кролика с торчащими передними зубами. Это та самая игрушка, которую к себе так бережно прижимала дочка Стеллы — Райли. Она, вероятно, ее забыла, когда пришла Стелла и сказала дочери идти к другим детям.

Вот так удача! «Ты гребаный счастливчик», — подумал я про себя. Эта мелкая оплошность с игрушкой должна сыграть мне на руку. Уж я постараюсь, чтобы это было именно так.

Загоревшись идеей, я решил отыскать Стеллу, чтобы продолжить нашу словесную

багалию. Однако, обойдя весь двор, я так и не нашел ее. Тут я увидел Келли, одну из подруг Стеллы, и решил спросить у нее, может она в курсе, где прячется эта красотка.

— Привет, Келли, — приветствую я ее.

— Салют, Ники, — радостно отвечает она. — Не знала, что ты тоже здесь. Хотя сегодня тут такая давка, словно весь город собрался — не протолкнуться, — трещит без умолку Келли, будучи навеселе.

— Это точно, — смеюсь вместе с ней. — Слушай, ты не знаешь, где я могу найти Стеллу? — перехожу сразу к делу.

— Она ушла домой с полчаса назад. — Вот черт, я ее упустил. — А зачем она тебе?

— Райли оставила свою игрушку, — показываю ей кролика, которого держу в руке.

— Ох, это же любимая игрушка Райли, — сетует Келли. — Она ужасно расстроится.

— И как же мне ее передать Стелле, даже не знаю, — быстро прокручиваю в голове все варианты. — Я ведь даже адреса ее не знаю. Как быть?

— Ой, а давай я тебе ее номер телефона скажу, — Келли округляет глаза, словно ей на ум пришла гениальная идея. — Они рано утром уезжают домой в Филадельфию, и ты ее вряд ли сможешь застать завтра в городе.

— Она живет в Филадельфии? — искренне удивляюсь, потому что я полагал, что она живет в Коутсвилле.

— Да, она пару лет назад туда переехала. Думаю, ты сможешь с ней созвониться и передать ей игрушку, а то Райли будет безутешна, ведь это ее любимая игрушка — подарок ее отца.

— Хорошо, — киваю я в знак согласия и вынимаю из кармана сотовый телефон. — Говори.

Келли мне диктует номер Стеллы, который я забиваю в свой телефон.

— Спасибо, — говорю я Келли, записав номер телефона Стеллы.

— Не за что. Удачных выходных, — подмигивает она мне.

«Келли, ты просто умница — девочка», — думаю про себя, не веря своему счастью, что мне наконец-то удалось завладеть контактами этой штучки.

Ох, Стелла.

Я словно сытый и довольный кот, который лежал развалившись на своем ложе с довольной гримасой. Я — чертов везунчик.

Все складывается удачно, вот только меня мучит одна мысль. Если Райли так дорога игрушка, которую подарил ей отец, то, собственно, куда он сам подевался? Это мне еще предстоит выяснить.

Глава 8. Неожиданный звонок

Стелла

После стычки с Николасом, которую собственно я сама спровоцировала, я была полна раздражения и негодования и поэтому как смерч передвигалась по двору, неохотно продолжая общаться с подругами и другими гостями.

Как только на улице стемнело, мы с Райли пошли домой. За день от жары и суматохи мы обе устали и хотелось быстрее вернуться домой, чтобы отдохнуть и выспаться. Завтра нужно возвращаться в наш другой дом — в Филадельфию, ведь в понедельник опять на работу — снова дела, встречи, бумаги и никуда от этого не деться.

Готовясь ко сну, меня все никак не покидали мысли о Николасе.

Что ему нужно от меня? Я же ясно дала понять, что не хочу иметь с ним ничего общего и не собираюсь играть в его игры, потому что сама привыкла планировать свою жизнь и устанавливать правила.

Возможно, я не права и не стоило набрасываться на него, ведь он ничего плохого не сделал моей дочери. Но причина в том, что я не хотела его подпускать близко к своей маленькой девочке, которая и есть моя семья. Нам с ней вполне хватило тех гадостей, что пришлось пережить из-за ее отца.

Да и вообще, в мужчинах я начала разочаровываться еще в детстве, когда мой отец бросил мою мать со мной маленькой на руках, мне едва исполнилось четыре года. Он уехал с другой женщиной в штат, на противоположном конце страны. Больше я его никогда не видела.

Вот тогда-то все и началось. Именно тогда в моей голове, вероятно, начали зарождаться эти страхи.

Я больше не хочу страдать из-за мужчин. И не хочу, чтобы страдала моя дочь. Я сделаю все, чтобы она была счастливой, даже если мне это будет стоить личного одиночества.

* * *

Понедельник не заставил себя долго ждать.

Я пытаюсь разобраться с кипой бумаг, которые мне принесли в офис после праздников. Стоило мне отлучиться от работы на три дня, чтобы в кои — то веки отдохнуть, и пожалуйста, работы целая гора — головы от стола не оторвать.

Звонит мой мобильник. Я нахожу его среди бумаг и вижу на экране незнакомый номер.

— Слушаю, — говорю я, не отрываясь от бумаг.

— Могу я услышать Стеллу? — говорит приятный мужской голос.

— Это я, — отвечаю сразу же. И кто бы это мог быть? Понятия не имею.

— Ммм, рад вновь слышать твой голос, Стелла, — пропел бархатистый голос.

— С кем я разговариваю? — все еще не понимаю, кто же на другой стороне провода.

— Это Николас Ланкастер, — информирует он меня. Я прокручиваю в голове своих знакомых с таким именем и фамилией, при этом пытаюсь разобраться в нескончаемом потоке информации, что лежит передо мной на столе, но никак не могу собраться с мыслями, чтобы вспомнить, кто это может быть.

— Вы ко мне по делу? Кажется, мы лично не знакомы, — усомнилась я.

— Как же, очень даже знакомы, — делает он паузу. — Как ты могла забыть нашу встречу в Коутсвилле?

И в этот момент меня пронзает молния. Николас Ланкастер. *Николас! Ланкастер!* Вот черт! Я же не оставляла ему свой номер телефона!

— А-а, это ты, — еле выдавливаю я из себя, озадаченная тем, что он мне звонит. Почему этот фантастически обаятельный мужчина мне звонит, хотя я этого не хочу? Его никакие намеки не берут.

— Да, это я. Мои губы помнят сладкий аромат твоей шеи, — он меня дразнит и никак иначе, я это чувствую по его голосу.

— Что-то не помню, чтобы оставляла тебе свой номер телефона, — хочу перевести разговор в другое русло. Откуда у него мой номер?

— Это необязательно. Кто ищет, тот всегда найдет, — я по голосу чувствую, как он нагло улыбается, хотя не вижу его воочию. Вот гад. Но такой *обаятельный* гад.

— Еще раз спрашиваю тебя, — изображаю из себя железную леди, потому что я не должна ему нравиться. — Откуда у тебя мой номер?

— А что это какая-то государственная тайна? — он все еще издевается надо мной.

— Ну, тогда пока, у меня много работы, — собралась я повесить трубку, потому что хотя бы это было чистой правдой — на носу было совещание.

— Постой, Стелла, — слышится отдаленно его голос, когда я убираю от уха телефон.

— Что? — все же сдаюсь, вернувшись к разговору. Сгораю от любопытства, зачем же он мне звонит.

— Извини, не хотел тебя ничем обидеть, — тихо говорит он. — Келли дала мне твой номер телефона.

— Зачем? — отчеканываю я стальным голосом.

— Я нашел игрушку Райли, когда вы уже ушли, и не знал, как ее вернуть, — у меня камень с души упал, потому что я не могла успокоить Райли, когда она обнаружила, что не может найти своего старенького кролика.

— Вот тогда Келли и предложила мне дать твой номер телефона, чтобы отдать игрушку. Я убью тебя, Келли!

— Ясно, — прикрываю ладонью глаза от осознания того, что, по всей вероятности, нам придется встретиться. Снова. Хотя надо признать, цель его звонка весьма благая.

— Нам нужно встретиться, чтобы я мог тебе передать кролика, — констатирует Николас очевидный факт.

— Хорошо, — обдумываю, где же нам встретиться, чтобы эта встреча не продлилась очень долго. Я слишком часто стала думать про Николаса Ланкастера, и мне точно это не нравится, а тут еще и встреча. Это просто ловушка.

— Какие будут предложения? — спрашивает Ник, предоставляя мне право выбора, что весьма галантно с его стороны.

— Мм, — раздумываю я. — Встретимся в «Старбаксе» на Честнат — стрит, около 16 часов, — предлагаю я.

— Секунду, посмотрю свое расписание, — замолкает на мгновение Ник. — Да, отлично, мне подходит.

— Тогда до встречи, — говорю равнодушным тоном, хотя внутри все ходит ходуном от одной мысли, что мне предстоит снова пройти это испытание. Я вешаю трубку, не дождавшись его ответа.

Это было трудно — притворяться бездушным и холодным существом перед мужчиной, который на самом деле безумно мне нравится и заставляет реагировать каждую клеточку тела.

Но есть одно «но». Я всегда умела выполнять трудные, и даже неразрешимые задачи. Только в этот раз задача кажется невыполнимой от того, что я сама себе ее придумала и сама же должна ее решить.

Мне в любом случае нужно забрать этого злосчастного кролика, потому что Райли просто так не отступится. Этот кролик — ее любимая игрушка и последний подарок ее отца, поэтому она его так бережет.

Больше он ей никогда и ничего не сможет подарить.

Глава 9. Подарок с того света

Стелла

Три с половиной года назад

Я проснулась от плача Райли. Открыв глаза, я поняла, что еще ночь на дворе. Ей, наверное, опять приснился страшный сон. В последнее время ее часто мучили кошмары, и она плохо спала, хотя я пыталась всячески избавить своего ребенка от этого.

Быстро поднявшись с кровати, я помчалась к дочери в комнату. Целых полчаса а мне не удавалось ее успокоить, но, в конечном счете, она успокоилась и уснула.

Я же так и не сомкнула глаз с тех пор, потому что не покидала тревога и череда мыслей о том, как же мы будем жить дальше. Или будем выживать?

Понимая, что больше не усну, а рассвет еще не скоро, я решила начать собирать вещи. Со дня на день нам придется съезжать из дома и переезжать в мамин дом, потому что наш забирает банк за долги, которые мне было выплатить не под силу.

К тому же, моя мама совсем стала себя плохо чувствовать — постоянные скачки давления и больное сердце, поэтому мне помимо няни для Райли, пришлось нанять для нее сиделку. И чтобы убить двух зайцев и сэкономить деньги, которых хватало едва ли на самое необходимое, пришлось найти универсального солдата — няню и сиделку в одном лице.

Я решил а начать со шкафа и выгребла все коробки со дна. В одной из коробок хранились фотографии, открытки, валентинки и наши с Кевином любовные записки. Когда-то это казалось очень милым — хранить эти романтические безделушки, но на данный момент я хлебнула столько проблем и бед, что едва ли могла думать об этом. Эти воспоминания меня тяготили и расстраивали, поэтому я решила не тревожить свои раны и не заглядывать вовнутрь этих коробок, а просто по ставила их друг на друга пирамидой.

Заглянув еще раз в шкаф, чтобы проверить, не забыла ли я что-нибудь, в самом дальнем углу я обнаружила сверток, который раньше не попадался мне на глаза. Он был объемный и мягкий на ощупь, обернутый коричневой плотной бумагой.

Я повертела сверток в руках и увидела, что на одной из сторон почерком Кевина было написано «Моим девочкам». Я провела пальцами по выведенным словам и не поверила своим глазам, что это было так близко от меня, а я и не замечала.

Взяв на кухне канцлерский нож, я аккуратно распечатала сверток. Внутри я обнаружила плюшевого кролика с белой грудкой и светло-коричневой шерсткой. У него были большие темно-коричневые грустные глаза, поникшие вниз длинные уши и смешно торчащие передние зубы. Он был такой забавный и в то же время грустный.

Было очевидно, что этот кролик предназначался не для меня, поэтому вернувшись к сертку, я нашла небольшую коробочку размером с о стандартную фотографию. Аккуратно сняв крышку, я увидела внутри миниатюрную золотую подвеску в форме сердца, с обратной стороны которой было выгравировано «С любовью, твой Кевин».

Я находилась в некой растерянности, потому что не знала — почему это сверток оказался в нашем доме и когда он здесь оказался. Для какого случая здесь лежали эти вещи? Я была в замешательстве, потому что не знала, что и думать.

В коробке под подвеской лежал белый лист бумаги, который я достала и развернула. Это было письмо Кевина, адресованное мне. Я глубоко вздохнула и начала его читать...

«Дорогая, Стелла!

Если ты читаешь это письмо, значит, меня нет рядом с вами. Я бы всей душой желал избежать этой секунды и вообще всех моментов, когда меня не было и не будет рядом с тобой и Райли, но, к сожалению, ничего не могу с этим поделать.

Я не знаю, как скоро ты найдешь это письмо, но я хочу чтобы ты знала: кролик и подвеска — это мои подарки вам с Райли на ближайший праздник, который случится, когда вы найдете сверток. Не важно, будет это день рождения одной из вас, Новый год, Рождество или просто любой обычный день, — это мои подарки для Вас. Потому что я вас люблю, мои девочки...мои малышки. Это все, что я могу вам оставить. Это так мало, но больше е мне не под сил у — вы и сами это знаете.

Я понимаю, что невозможно меня простить и ничего не прошу, просто примите эти подарки и пусть они будут с вами всегда, что бы ни случилось. Знайте, я вас люблю и всегда буду любить и приглядывать за вами.

Райли, я тебя люблю больше всего на свете. Ты и твоя мама — это лучшее, что случилось со мной в моей глупой жизни, которую я сам загубил. Ты — моя солнечная девочка и всегда останешься такой. Слушайся маму и не огорчай ее, она заслуживает лучшего, как и ты.

Стелла, прости меня за мою слабость и трусость. Я люблю тебя больше жизни. Ты — была и есть моя единственная любовь. Та, с кем я хочу быть, жить, горевать и радоваться. И мне жаль, что больше этого не случится. Я знаю, что я жалкий и ничтожный человек, но мне этого не изменить.

Прости меня за все. Я люблю вас, и это на вечно.

Стелла, я навсегда твой Кевин

Райли, я навсегда твой папа».

Слезы катились по обеим щекам. Меня наполняло столько чувств: злость, горесть, непонимание, любовь, ненависть, отчаяние и боль. Всего этого было настолько много, что не помещалось во мне одной.

Кевин, зачем ты это сделал?

Зачем ты так поступил с нами?

Не знаю, может, я однажды буду тебя благодарить, что все произошло именно так, но только не сейчас. Ты — гребаный сукин сын. Ты — гребаный эгоист.

Я говорила эти слова вслух, хотя понимала, что никто кроме меня не слышит этого. Я понимала, что он не слышит меня. Но я не знала, как со всем этим и жить и как разгребать это дерьмо.

Я осознавала лишь одно — мне нельзя расклеиваться и впадать в уныние. Кроме меня у Райли и моей матери никого нет, поэтому я ради них не могу сломаться.

Взя в письмо и подвеску, я положила их на самое дно одной из коробок с романтическими атрибутами. Я ни за что не стану носить эту подвеску. Она будет прожигать мою шею. Просто не смогу — я слишком зла на Кевина.

Посмотрев на кролика, я взяла его в руки, глядя своими заплаканными глазами в его грустные пуговицы.

— Ты ни в чем не виноват, приятель, — сказала я ему, смахнув последние слезы со своих глаз, и пошла знакомить нашего нового друга с Райли.

Глава 10. Сладкий горький

Николас

Я пришел на целых полчаса раньше назначенного времени. Я всегда был пунктуальным до мозга костей и не терпел опозданий, считая это неуважением — отнимать время у других людей. Но Стелле я бы мог это простить. *Она* того стоит.

Взяв себе американо, я занимаю свободный столик у окна и смотрю на проходящих мимо прохожих и проезжающие машины. Это такая простая суета повседневной жизни, но в данный момент она меня совсем не напрягает. Причина в том, что мое ожидание хоть и мучительное, но приятно — предвкушающее.

Я разглядываю город, который знаю наизусть. В этом городе я вырослел и становился мужчиной, переехав в подростковом возрасте, поэтому я был привязан к этому месту. Меня всегда поражало то, как мы с этим городом подходили друг другу. Филадельфия — очень геометричный город. Все ровное, углы везде прямые, словно все создавалось по линейки — планомерно и четко. Мне это всегда нравилось. Вернее сказать — мне это подходило.

В этот самый момент, такой приятный и тягучий, я не мог дождаться, когда Стелла войдет через двери этой кофейни. Я специально сел за дальний столик, чтобы у меня была возможность насладиться красотой этой тигрицы, когда она будет идти ко мне.

Жду — не дождусь.

Проходит полчаса в этом долгом и мучительном ожидании, и я все жду, что она вот-вот появится, но ее нет. И зачем я пришел так рано?

Когда проходит еще примерно сорок минут, и Стелла также не появляется, то я понимаю, что она, вероятно, не придет на нашу встречу. И чем это объяснить, я не знаю.

Зачем я ее все еще жду?

Продолжать ждать ее или же в этом нет никакого смысла? В любом случае, у меня теперь есть ее номер телефона, и я смогу еще раз назначить встречу. По этой причине, я кладу свой телефон и газету, которую читал в ожидании, в свой портфель. Встав с дивана, я собираюсь идти к выходу, когда замечаю, что в кафе заходит *она*.

Все-таки пришла.

Стелла выглядит непривычно строго, но в то же время просто шикарно. Ее внешний облик — упоение для моих глаз. Ее стройную фигуру подчеркивает серый брючный костюм, но вместо жакета она на белую рубашку с высоким воротом надела жилетку, которая выделяет ее осиную талию. Ее строгий образ дополняют собранные на затылке волосы и очки. Не думал, что у нее плохое зрение. Хотя... она чертовски сексуальна в этих очках.

Сделав жест рукой, чтобы я задержался, Стелла стремительно подходит к столику, где я сидел, и садится в кресло, бросив мне простое «Привет».

Я снова усаживаюсь на диван, прямо напротив Стеллы.

— Любим опаздывать? — не упускаю я возможности поддеть ее.

— Не в моих правилах, — отрицательно качает она головой.

— Ты опоздала почти на час, — говорю я, сомневаясь в ее природной пунктуальности.

— Извини, совещание затянулось, — пожалала она плечами, будто ничего особенного не произошло.

— Ты что-нибудь слышала о мобильных телефонах? Смс и все такое? — продолжаю испытание своими замечаниями.

— Правила компании запрещают пользоваться сотовыми на важных совещаниях, да и на совещаниях вообще, — говорит она, как ни в чем не бывало и смотрит по сторонам, словно ей все равно, что я сижу с ней за одним столиком.

— И в какой ты сфере работаешь? — решил я поинтересоваться, ведь совсем о ней

ничего не знаю, а значит, мы в неравных условиях.

— Мне кажется это не то, зачем я сюда пришла, — поправляет она свои очки в идеально подходившей ей серой оправе, оформленной под кожу питона.

Я никогда не видел ни одной женщины, которая бы одевала так много серого цвета, и он ее делал не серой мышкой, а просто шикарной во всех смыслах — шикарно деловой, шикарно красивой, шикарно строгой, в конце — концов.

— Закажешь что-нибудь? — спрашиваю я. — Кофе? Чай? — она продолжает смотреть на меня, откинувшись на спинку кресла и разместив руки на подлокотниках.

— Николас, давай уже к делу, — говорит она спокойным и серьезным тоном. — Я здесь не для того, чтобы пить кофе и разводить с тобой светские беседы. Просто отдай мне игрушку, и я не стану тебя задерживать, — заключает она.

— Ты меня не задерживаешь. Я отменил на сегодня все встречи, поэтому я в полном твоём распоряжении, — признаюсь я и делаю глоток кофе.

— Не утруждайся, — говорит она. — Я жду, — кладет она руки на стол, словно тянется ко мне, но я — то знаю, что это не так. Она, кажется, всеми своими действиями пытается меня оттолкнуть. Вот только от этого меня ещё сильнее к ней тянет.

Мне так не хочется расставаться с этим злосчастным кроликом, потому что это говорит об одном — мне придется попрощаться со Стеллой. Тогда мы точно больше не увидимся, и я не смогу разгадать эту загадку под именем «Стелла».

Неохотно достаю кролика из портфеля, стоящего рядом со мной на диване, и сажаю его на стол, мордочкой к Стелле.

Она быстрым движением правой руки берет кролика и смотрит на него. Что она хочет увидеть?

— Спасибо, — говорит она просто, лаконично, но судя по всему искренне.

Я, пытаясь не упустить момент и понимая, что прямо сейчас она встанет и уйдет, получив свое, накрываю ее левую руку, которая все еще лежит на столе, своей ладонью и говорю:

— Не уходи.

— Николас, мне нужно идти, — говорит она, словно ей неловко мое прикосновение, и она аккуратно вынимает руку из моей хватки. Я позволяю ей это сделать. — Меня ждет Райли.

Секунду помедлив, не зная, что сказать и как заставить ее задержаться, я выпаливаю:

— Тогда поужинай со мной.

— Я же говорю, что не могу, — смотрит она на меня удивленным взглядом. — Мне нужно забрать Райли из садика.

— Не сегодня, — уточняю я. — В любой другой день. Например, в пятницу. Что думаешь? — предлагаю я.

— Это не очень удачная идея, — она, кажется, растеряна, хотя это так непохоже на бойкую Стеллу. — Зачем тебе это, Николас? — прищуривается она в недоверии.

— Хочу узнать тебя поближе, — признаюсь я в надежде, что честность мне поможет в этой непростой задаче.

— Зачем? Я же тебе всячески уже дала понять, что мне ничего от тебя не нужно, — она чеканит слова, словно констатирует какой-то всеобщий известный факт.

— Почему я не могу пригласить понравившуюся мне женщину на ужин? — Ну, молодец Николас, уже признаниями начал сыпать.

— Я не верю в искренность твоих намерений, — она что, сомневается в моих словах или намерениях?

— Почему же? — вопросительно смотрю на нее. — Я дал тебе повод?

— Николас, я не юная девчонка, которая может повестись на тебя такого всего обаятельного и лощеного. Я знаю, что у тебя на уме, и поверь, мне это не подходит, — она меня сражает своими словами. То есть она считает меня привлекательным? Значит, я ей хоть немного, да нравлюсь. Я внутренне улыбаюсь, стараясь внешне ничем не выдать своей улыбки.

— Я тебя уверяю, — начинаю говорить как можно спокойнее, чтобы она доверилась мне, — ничего такого я не подразумевал. Просто ужин и не более того. Мне хочется с тобой пообщаться. Почему нет?

— Не знаю, — говорит она неуверенно, посмотрев на свои руки. Она, кажется, готова согласиться, но не знает, что делать.

— Пожалуйста, — не в моих правилах уговаривать женщин, ведь обычно все наоборот. — Обещаю быть пайнкой и руки держать при себе.

Она посмотрела на меня и улыбнулась. Она, обладательница ледяного сердца, *улыбнулась!* Это уже моя маленькая победа, поэтому я широко улыбаюсь в ответ, настраивая между нами дружелюбную волну.

— Я подумую, — говорит она, пожав плечами. Но я-то начинаю обнадеживаться. — Но ничего не обещаю.

— Хорошо, — отвечаю я. — Не смею давить на тебя, — и поднимаю в знак смирения руки с жестом «сдаюсь». — Если все-таки надумаешь, то буду ждать тебя в пятницу в восемь вечера в ресторане «Vernick Food and Drink» на Уолнат Стрит.

Я все-таки надеюсь, что она согласится, хотя я полон сомнений в том, что сейчас удача на моей стороне, потому что она, кажется, переметнулась на сторону Стеллы.

— Спасибо, что привез игрушку, — благодарит она, встает и смотрит на меня, словно не решаясь уйти.

— До встречи, — с надеждой в голосе говорю я.

— Возможно, — говорит она в свою очередь и исчезает, посеяв в моей душе зерно сомнения, состоится наш ужин или нет. Или я все также буду ужинать один, а потом теряться в объятиях незнакомки? Почему-то сейчас и вообще последнее время такой вариант для меня стал нежеланным.

Почему эта женщина, которая меня отталкивает и не поддается на мои уловки, заставляет меня изменять своим принципам и привычному поведению с женщинами?

Кажется, что в последнее время я окружен одними загадками.

Глава 11. Да или нет?

Стелла

Да или нет. Это, казалось бы, два простых слова, носящие совершенно противоположный смысл. Но именно они крутятся на протяжении вот уже двух дней в моей голове, не давая толком сосредоточиться на важных вещах.

Эти сомнения мне подарил широким жестом не кто иной, как Николас.

Я включаю компьютер и бездумно смотрю на монитор. Работы как всегда великое множество, стоит вопрос о расширении сети наших кафе-пекарен в соседних с

Пенсильванией штатах, но мои мысли совсем не об этом.

Что мне делать? Какое решение принять? Согласиться на ужин или нет?

Что я потеряю, если решу не идти? Или что мне будет с того, если я решусь и пойду на него?

Миллион вопросов крутятся в моей голове, не давая мне спокойно сидеть на одном месте. Мне казалось, что голова готова разорваться и вопросы разлетятся и заполнят все пространство моего просторного кабинета.

Я не могу продолжать обманывать себя — мне нравится этот мужчина и меня невероятно тянет к нему, чего со мной не происходило уже целых четыре года. Мужчины были для меня табу, запретом. Хотя и сейчас мало что изменилось. Но с другой стороны, я же могу хотя бы разок — другой развлечься, если меня не интересуют серьезные отношения.

Ладно. Придется решить вопрос по-другому. Я встаю и подхожу к шкафу, где стоит моя сумка. Я достаю из нее кошелек и беру четвертак, который был припрятан в отдельном кармашке и частенько выполнял роль судьи, когда я не могла определиться со своими желаниями.

«Орел» — иду на ужин, «решка» — не иду. Пусть все решит монета, раз уж я сама не в состоянии принять решение, чтоб потом не корить себя. Хоть и глупо списывать всю ответственность на монету, но все же.

Подбросив в воздух серебряную монету, я задерживаю дыхание, и мне кажется, что я вижу, как она кружит, рассекая своими краями воздух, словно в замедленной съемке. Монета приземляется на мою ладонь, и я, не глядя, накрываю ее второй ладонью, зажмурив глаза.

Несколько секунд помедлив и сделав глубокий вдох, я открываю глаза и размыкаю ладони. На меня в упор смотрит профиль Джорджа Вашингтона. Улыбка, смешанная с удивлением и замешательством, расплзается на моем лице.

Чертов везунчик.

* * *

Не могу поверить, что я все-таки иду на ужин с Николасом, спасибо четвертаку! И зачем мне только нужен этот красавчик — соблазнитель? У Николаса на лбу бегущая строка «я не ищу серьезных отношений», и похотливый взгляд, которым он меня наградил при первой же встрече, подтверждал это мое убеждение в полной мере.

Нужны ли мне серьезные отношения? Ответ «нет». Нужны ли мне отношения на один раз? Ответ «нет». Нужны ли мне отношения без обязательств? Ответ «возможно»! Я сама еще на самом деле не решила для себя, зачем мне вся эта морочка с Николасом. Единственное, что я знаю — последние четыре года я избегала мужчин, и мне от них не нужно было ровным счетом ни-че-го!!!

Расплатившись с водителем такси, я вхожу в ресторан в назначенное время. На входе меня сразу же встречает метрдотель.

— Добро пожаловать в ресторан «Vernick Food and Drink»! Вы у нас заказывали столик? — доброжелательно меня она спрашивает.

— Нет, но меня уже ждут, — отвечаю я.

— Кто вас ожидает? — спрашивает она, готовая проверить список, находящийся у нее в руках, и держа карандаш наготове.

— Мистер Ланкастер, — говорю я, назвав фамилию Николаса.

— Замечательно, я вас провожу к столику.

Надо признать, это один из популярных ресторанов Филадельфии, и я ни разу здесь не

бывала, ни от того, что не могла себе позволить, просто пока что не представилось подходящего случая.

Я приближаюсь в сопровождении метрдотеля к столику, где сидит Николас, одетый в темно-коричневый костюм и темно-бордового цвета рубашку без галстука. Он выглядит очень элегантно и невероятно привлекательно. Так мог бы выглядеть мужчина мечты для каждой женщины. Он не видит, как я приближаюсь к его столику, потому что уткнулся в свой смартфон, потягивая напиток янтарного цвета.

— Ваша гостья, мистер Ланкастер, — говорит метрдотель, когда мы уже стоим около столика. Николас поднимает глаза и впивается в меня своим взглядом, от которого я вспыхиваю. Его глаза полны приятного удивления, удовольствия и желания. Это пожирающий взгляд, который говорит «вот ты и попалась, милочка». Боже, я просто горю от его пронзительного взгляда. «Так, возьми себя в руки, Стелла», — успокаиваю свои внутренности, пытаюсь ничем не выдать свое состояние.

— Вот это сюрприз, — встает Николас из-за стола и расплывается в своей фирменной улыбке, и галантно отодвигает стул, приглашая меня присесть. После Николас садится напротив меня, награждая меня своей улыбкой обаятельного гада.

Я тону в этой улыбке, и он, кажется, это понял по пунцовой раскраске на моих щеках, но не показывает вида. Его взгляд выдает похоть, когда он глазами проходится по моему лицу и останавливается на губах.

— Решила заглянуть к тебе на огонек, — конечно же, я язвлю. — А здесь недурно, — добавляю я, оглядывая помещение ресторана.

Обстановка выполнена в минималистическом стиле — бежево-серые стены и полы, светлые столы и темно — коричневые, практически черные стулья. Стены украшены черно-белыми фотографиями в темных рамках. На первый взгляд все просто, но уютно и стильно.

— Еще бы, это один из лучших ресторанов Филадельфии, — начинает он снабжать меня фактами, которые мне и так известны.

— Никогда здесь раньше не бывала, — честно признаюсь я.

— Я действительно рад, что ты пришла, — говорит он бархатистым голосом.

— Я рада, что *ты* рад, — вторю я ему его же словами.

— Предлагаю для начала сделать заказ, — говорит сразу же Николас, передавая мне меню.

— Что-то порекомендуешь? — спрашиваю я его, чтобы сократить процесс заказа, который может затянуться надолго, ведь я здесь впервые. Признаться честно, не люблю большие меню, потому что всегда теряюсь и не могу выбрать что-то конкретное, хочется попробовать все. — Ты здесь, полагаю, не в первый раз.

— Угадала, — говорит он, поглядывая на меня и улыбаясь. И что его так веселит? — Лично на мой вкус, на закуску я бы тебе посоветовал попробовать тост с Мэрилендскими крабами и жареного осьминога, с замаринованным фенхелем и с тапенадой из маслин. В качестве основного блюда — жаренного черного морского окуня с брокколи и соусом из обжаренных томатов. Десерт, конечно же, на твой вкус, — он резко захлопывает меню и обращает свой взгляд на меня. — И кстати, у них отличная коктейльная карта.

Вот это да!

— Ничего себе, ты поражаешь своей осведомленностью, — восхищаюсь я его знанию кухни и убираю меню в сторону. — Пожалуй, тогда доверюсь твоему выбору, чтобы не ошибиться наверняка.

— Ни за что не ошибешься, здесь все блюда отменные. Поверь мне, — говорит он уверенным тоном, словно пробовал каждое блюдо в меню и знает о качестве еды в этом ресторане не понаслышке. Не сомневаюсь, что вероятно так и есть.

К нам подходит официант, Николас делает заказ на свой вкус, я ему полностью доверилась, потому что мне стало очевидно, что в еде он гурман и вкус у него отличный.

После, мы пристально смотрим друг на друга, не решаясь что-либо при этом сказать. На лице Николаса играет легкая улыбка победителя, которая говорит о его удовлетворенности тем, что я пришла, и он чувствует себя королем положения. Только короны на голове не хватает.

— Чем занимаешься? — спрашивает меня Николас, нарушив наше молчание и игру в гляделки. Судя по всему, его интересует род моей деятельности. Так, значит, пошли стандартные вопросы.

— И ты с этого хочешь начать нашу беседу? — пытаюсь заткнуть его за пояс. — Не слишком банально?

— Вовсе нет, — серьезности ему не занимать, что меня приятно удивило. — Я совсем ничего о тебе не знаю, поэтому мне на самом деле интересно, чем ты занимаешься, чем живешь.

— Весьма глубокомысленно, — замечаю я, отправляя в рот небольшую порцию салата, тщательно ее пережевывая.

— Правда, Мартин обмолвился, что у тебя вроде бы какой-то небольшой бизнес имеется, — делает глоток белого вина.

— Да уж, небольшой, — усмехаюсь я.

— Крупный бизнес? — продолжает он испытывать меня вопросами.

— Средний, — не тороплюсь я ему открываться. — Для женщины в самый раз, идеальный размер, — я его откровенно дразню. «Эх, Стелла — ни стыда, ни совести», — твердит мое «я».

— Да, ладно, признавайся. С чем связан твой бизнес? — прищурился глаза, спрашивает он меня, словно шпионит.

— Кафе-пекарни, — говорю быстро, степенно наслаждаясь своим изысканным салатом.

— Ого, — воскликнул он. — Это уже кое-что, если это не одно кафе, конечно же.

— Не одно, а целая сеть, — подвожу я его к истине.

— А как название? Может, я знаю? — Николас не может угомониться, ему требуются детали. На-те, пожалуйста.

— Возможно, — интригую его я.

— А все-таки, — продолжается наша дуэль. Я дожидаюсь, пока он отправит в рот добрую порцию своего салата, и теперь мой ход:

— «Vanilla Mama», — и язвительно улыбнулась. Николас давится салатом от услышанного, округлив глаза и сильно закашлявшись. Он начинает обильно пить минеральную воду, делая один глоток за другим, но, не сводя с меня глаз. А я в это время наслаждаюсь моментом, когда же он вновь обретет потерянный дар речи.

— Шутишь? — сверлит он меня удивленным взглядом. И почему все так удивляются? Будто женщина не способна руководить крупным бизнесом. Кругом одни стереотипы.

— Нет, с чего бы? — хитро улыбаюсь я.

— У тебя что, пакет акций? — сложил он руки перед собой в замок.

— Ага, — киваю я в знак согласия. — Контрольный.

У Николаса ошеломленный вид, словно ему сообщили, что наша планета не Земля, а Юпитер. С удивленными глазами он качает головой из стороны в сторону как неваляшка.

— Так ты и есть «Ванильная королева»? — спрашивает меня Николас, будто ставя под сомнение, что я способна владеть этой далеко не маленькой империей. В нашей сети было уже более 50 кафе-пекарен по всему штату Пенсильвания, и мы собираемся расширяться, потому что наша выпечка нравится людям.

— Не знала, что меня так называют в народе, — саркастически ухмыляюсь я.

— Про твой гневный нрав хотят легенды, *matasita!*

Он что меня подкалывает? Ну, мы еще посмотрим.

— Иди ты, мистер большая-заноза-в-сам-знаешь-каком-месте, — прошипела я ему в ответ. Я не стесняюсь дать ему отпор или сказать что-то грубое. В любом случае, я его не заставляю насильно с собой общаться.

— Хотя я рад, что «Ванильная королева» такая шикарная молодая женщина, — Николас снова запел свою соблазнительную песню. — А то, судя по историям, я думал, что ты неудовлетворенная жизнью старая дева с десятью кошками, которая решила хотя бы таким способом покорить мир, или мужененавистница нетрадиционной сексуальной ориентации, а оказалось все значительно проще и приятнее, — подытожил он.

— Очень мило, — не могла я поверить своим ушам, что про меня слагали такие легенды. Вот же зараза.

— И как ты только выживаешь в этом мире акул? — интересуется он, с игривой улыбкой на лице. Его эта ситуация, разве, забавляет?

— У меня не было иного выбора, — серьезно говорю я. У меня, правда, его не было, и это далеко не самая любимая тема для разговора. Я ему не собираюсь тут изливать душу. Только сухие факты. — Я осталась с годовалым ребенком на руках совсем одна. Поэтому было два пути: умереть с голоду либо идти напролом по головам. Я выбрала второе, — весьма напористо изложила я, стараясь не вкладывать эмоции. — А дальше помог господин случай.

«Не лезь мне сегодня в душу, Николас, а то пожалеешь!», — пытаюсь я ему телепортировать свое послание.

— Молодец, — хвалит меня Ник. — Я на самом деле приятно удивляюсь тебе Стелла. А почему именно кондитерское дело? — Ладно, это простой вопрос.

— Когда я уже знала, что хочу организовать свой бизнес и понимала, что в нашем небольшом городке много лазеек, много чего нет, то поняла, что лучше всего заняться тем, что умеешь лучше всего. Учитывая, что я сидела дома с ребенком, лучше всего у меня получалось готовить. А особенно хорошо, причем с самого детства, я могла печь всяческие пироги, пирожные и торты, — пела я и пела свою любимую песню. В этой теме я была как рыба в воде.

— Но многие ведь занимаются кондитерским делом, как тебе удалось добиться успеха? — Николас выуживает шаг за шагом из меня информацию, а я охотно ей делюсь. Простряпню я могу говорить часами. Тем более, это было мое детище и крайне важное для меня.

— У нашей семьи имеется несколько особых рецептов, а также, все традиционные пироги и торты мама всегда готовила с каким-то особым ингредиентом, что делало ее выпечку непохожей на все остальное, — мне наша беседа очень по душе, и, кажется, вечер начинает приобретать интересный ход. — Видимо это и помогло мне стать той, кем я

являюсь. И конечно, я вкальвывала день и ночь, не высыпаясь и просто падая с ног, но не сдавалась и шла дальше.

— Давай выпьем за тебя, — вдруг поднимает Николас свой бокал, я следом делаю то же самое. — Давай выпьем за женщину, которая сама сделала себя, — произнес он тост. — Думаю это оправдано. Салют, — говорит он.

— Салют, — подхватываю смущенно я его тост. Это случается всегда, когда я слышу похвалу в свой адрес.

Мне определенно начинает нравиться наш ужин. Определенно. Только бы не поддаться его колдовским чарам! Я знала, что буду страдать, если это произойдет. Мне нужно избежать глупостей всеми способами.

Хотя... где-то в глубине души я хотела утонуть в его внимании и раствориться.

Глава 12. Ужин — раунд второй.

Николас

Я на самом деле был крайне рад, что Стелла приняла мое приглашение и пришла. Хотя, если бы она и не согласилась на ужин, то я, завсегдатай этого ресторана, нашел бы себе компанию, как на ужин, так и на ночь. Так было всегда.

Существовало одно «но». Мне не хотелось сегодня и вообще в последнее время придерживаться обычного сценария, потому что эта обаятельная и удивительной красоты молодая женщина занимала все мои мысли. Однако, я не мог никак разобраться, что же я буду дальше делать, когда получу от нее желаемое. Захочется ли мне еще? Захочется ли мне продолжать и добиваться от нее еще встреч? Или все закончится как всегда и со всеми?

Стелла сегодня невероятно обворожительная и по — скромному красивая. Она одета в коктейльное платье чуть ниже колен светлого тона с рукавом три четверти, отделанное кружевами. При этом, декольте полностью закрывают кружева. Ее волосы собраны и уложены в кудри, а в ушах красуются крупные серьги.

Она изящна, словно светская особа аристократических кровей, но будто не пытается мне понравиться. От этого она мне нравится еще больше, потому что в ней нет ничего вызывающего.

А когда я узнаю, что она и есть «Ванильная королева», у меня пропадает дар речи. И в то же самое время я еще сильнее начинаю уважать её. Она не только одна воспитывает дочь, сильная духом и красивая внешне, но еще и бизнес — леди. Это достойно восхищения и аплодисментов. Такие вещи я могу сказать мало про кого из мужчин, не говоря о женщинах.

Принесли горячее, начался второй раунд нашей беседы. Меня буквально все интересовало в жизни этой женщины, чего не случалось со мной уже многие годы, так как интерес составляли только их тела, длинна ног и высота каблуков. До остального мне не было дела.

— А как же Райли? Как тебе удастся совмещать ведение такого бизнеса и воспитание ребенка? — искренне удивляюсь я, потому что я и дети — это две несовместимые вещи.

— Сначала было тяжело, конечно, одной с ребенком на руках, — откровенничает Стелла. — Но когда все более-менее наладилось, то я наняла няню, которая много времени проводит с Райли, отводит ее в садик, забирает, когда я сама не успеваю это сделать из-за работы. Когда приходится работать на выходных, няня также сидит с Райли, мы приглашаем домой ее подружек из садика, чтобы ей не было скучно.

— Кажется, ты просто замечательная мама, — говорю я, смотря на нее нежным

взглядом. Мне действительно хотелось сделать ей комплимент, не выглядя при этом пошлым.

Стелла, кажется, смущается и опускает взгляд вниз, крутя бокал с вином за ножку. Боже, спаси меня! Это женщина, которая пытается казаться суровой и безжалостной, еще может смущаться! Она еще больше мне нравится, и это убивает меня.

«Что с тобой, Николас?», — задаюсь я вопросом. У меня миллион вопросов к себе от непонимания того, почему меня так завораживает Стелла.

— Может быть и ты расскажешь про себя? А то, что мы только обо мне говорим? — предлагает Стелла, нарушая поток мыслей в моей голове.

— Да особо нечего рассказывать, — пожимаю плечами.

— Ты же дантист, как я поняла? — спрашивает Стелла, напомнив мне о том самом дне на пикнике, когда я дал ей свою визитку.

— Все верно. Раньше у меня был свой кабинет, но позже у меня появились партнеры, мы организовали свою стоматологическую клинику, — излагаю я ей кратко свой путь в любимом деле. — А теперь я еще и совмещаю практику с должностью главного врача в нашей клинике.

— Здорово, — говорит Стелла. Ее взгляд говорит о том, что ей нравится то, что она слышит. — Наверное, работы прибавилось?

— Не то слово, — отвечаю я. — Конечно, пациентов теперь у меня меньше, зато других дел прибавилось, — констатирую я, самый что ни на есть правдивый факт. Я был часто занят и работал много, потому что любил свое дело, дома меня никто не ждал, и я мог себе это позволить.

— Тебя с детства привлекала эта профессия? — изучающе спрашивает Стелла, делая глоток вина из бокала.

— На самом деле, в детстве я ненавидел лечить зубы, а дантистов боялся как огня, — с улыбкой рассказываю я, и тут же уминаю десерт. Надо признать, наш ужин близился к логическому завершению, но мне не хотелось об этом думать.

— Шутишь? — весело говорит Стелла. Ее лицо озаряет широкая улыбка, а щеки покрывает легкий румянцем. Это все вино, без сомнений, хотя я бы пожелал списать это на свое присутствие. — Как тогда тебя угораздило стать дантистом? — не унимается она, улыбаясь и поглощая свой десерт.

— Я всю свою жизнь действовал по принципу «clin clinom вышибает», вот и решил, что стоит побороть этот свой детский страх. Тем более, я все равно собирался в медицину, и стал бы врачом, — я давно ни с кем этим не делился и был сейчас рад, что этим человеком оказалась Стелла.

— Очень мило, — говорит Стелла. — Это настоящее счастье работать по призванию и любить свою работу.

— Согласен, — потому что для меня это истинная правда.

Стелла тем временем смотрит на часы и говорит: — Думаю, нам нужно заканчивать с ужином. Уже поздно, мне нужно укладывать Райли спать.

— Тогда сейчас попрошу счет, — ищу глазами официанта и даю знать, чтобы нам принесли чек.

Мне не хочется так скоро заканчивать наше общение, но как ее задержать. Пока я расплачиваюсь за ужин, у меня появляется одна мысль, как еще можно ненадолго насладиться общением со Стеллой. Получится ли реализовать? Попытка — не пытка.

Теперь дело остается за малым — уговорить ее на вторую встречу, чтобы подобраться к ней поближе, потому что всем своим поведением она дала мне понять, что держит меня на расстоянии и не желает подпускать ближе ни на шаг.

* * *

Выходя из ресторана, я предлагаю Стелле немного прогуляться после ужина. Она, кажется, сомневается. Но я заверяю ее, что не отниму более получаса.

Мы направляемся пешком в сторону Лав Парка, от которого находимся примерно в двадцати минутах ходьбы. Это и есть самый центр любимой Филадельфии.

Когда мы приблизились к центральной площади, нашему взору открылся металлический постамент, на котором располагается замысловатая скульптура в стиле поп-арт, состоящая из ярко-красных объемных букв, образующих слово «LOVE».

За скульптурой плещется фонтан, вода в нем подсвечивается разными цветами, но в данный момент она имеет розовый цвет, что создает слишком приторную романтическую обстановку. Я к этому немного не готов.

Всю дорогу мы идем молча, не произнеся ни слова. Меня совсем не напрягает это молчание. Может быть, оно даже чем-то освобождает от ненужных слов и натянутых фраз. Мне со Стеллой комфортно молчать, как бы странно это не прозвучало из моих уст.

Стелла внимательно смотрит на скульптуру. Когда мы к ней приближаемся, она говорит, нарушая наше молчание:

— Сто лет здесь не была, — и чему — то улыбается, словно на нее нахлынули приятные воспоминания, которые греют ей душу.

— Я тоже. Я даже не помню, когда последний раз гулял пешком, — признаюсь я, держа руки в карманах. На улице стоит теплая вечерняя погода и пешая прогулка сейчас доставляет мне огромное удовольствие.

Мы снова молчим, и когда подходим к скульптуре, то останавливаемся и смотрим на нее. Воспользовавшись моментом, я слегка касаюсь своей рукой ее пальцев, но Стелла сразу же одергивает руку. Ей неприятно мое прикосновение или же она просто чего-то боится?

— Мы еще увидимся? — в глубине души я на это очень надеюсь.

— Я не знаю, — говорит она. Меня радует ее честность. — Я правда не знаю, и не хочу тебя обнадеживать.

— Почему? — не понимаю я.

— Потому что боюсь, что не выполню своего обещания. По этой причине я никогда не даю обещаний, если не уверена, что сдержу свое слово, — говорит она спокойно и уверенно. Так, значит, она человек дела и не дает пустых обещаний. Понял.

— Неважно, — качаю я головой, шагая рядом с ней уже вокруг фонтана. — Мне важно знать, что ты хочешь со мной снова увидеться. Твоего желания еще раз встретиться уже для меня достаточно.

— Проблема в том, что я не уверена, что это то, что мне нужно. Понимаешь? — смотрит она на меня так, словно я должен был понять, что она имеет в виду. Словно это дважды два. Нет, если честно я не понимал. Чем я был ближе к ней, тем дальше она оказывалась от меня. Это все было какой-то игрой, в которой словно кто-то третий придумал правила — незримый и невидимый нашему взору.

— Неужели мы плохо сегодня провели время? — отвечаю я вопросом на ее вопрос.

— Дело не в этом, все было замечательно. Я просто не готова окунуться в отношения как в омут с головой, — качает она головой.

— Мы с тобой не говорим об отношениях, — убеждаю я ее.

— Это же очевидно, к чему все приведет, — у нее испуганный взгляд. Но чего же она боится?

— Мне нет. Что ты имеешь в виду? — я хочу, чтобы она была откровенной со мной.

— Зачем ты меня обманываешь, Ник? Мне с первой встречи были понятны твои намерения и желания. Я не готова потом сидеть и плакать, обвиняя саму же себя за то, что ввязалась во все это.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, — уверяю я ее. У меня совсем другие планы на этот счет.

— Никто и никогда не планирует причинять вред другому. Натура человека эгоистична, и однажды мы, так или иначе, причиняем боль даже самым близким людям, не говоря уже об остальных окружающих.

Меня поразил ее взгляд на отношения. Она боится, что ей причинят боль. Вот только в чем это выражается? В измене, предательстве или неясности намерений?

— То есть мне тебя не переубедить? — спрашиваю я осторожно.

Она лишь качает отрицательно головой.

— Можно мне тебе хотя бы позвонить? — мне нужна лишь капля надежды, что наша встреча возможна.

— Ты ведь знаешь мой номер. Разве я смогу тебя от этого удержать? — украдкой она смотрит на меня. Я улыбаюсь ей в ответ самой широкой улыбкой, на какую только способен.

С одной стороны мне немного горестно, что я не могу добиться желаемого, ведь это мне всегда легко удавалось. Я не был обделен женским вниманием и всегда получал то, чего хочу. А с другой стороны, наша игра начинала меня затягивать как болото. Меня вся эта ситуация даже определенным образом гипнотизировала, хотя я понимал, что нахожусь в тупике.

Но я всегда умел найти выход из сложной ситуации.

И эта не исключение.

Глава 13. Неправильный девичник

Стелла

Руки Николаса обжигают мое тело, оставляя пламя на моей коже. Он двигается во мне ритмично, не сбавляя темп. Я не могу сдержать своих ощущений и стону, что есть сил, не стесняясь и не желая останавливаться. Я глажу его грудь руками, когда он нависает надо мной.

— Тебе хорошо, детка? — спрашивает он меня.

Детка? Мы разве уже перешли на эти банальные ласковые имена?

Ничего не понимаю.

— Очень, — выдыхаю я, теряясь все сильнее в наслаждении.

Он ничего не говорит в ответ, только склоняется ко мне еще ближе и целует нежно и страстно одновременно, накаляя наши тела до предела. Я бы могла целовать его вечно и не смогла бы оторваться. Он просто прекрасен, и создан, словно только для меня.

Николас.

— Я сейчас..., - шепчу я. — Я ..., - не могу договорить, чувствуя, что сейчас взорвусь от удовольствия, потому что этот мужчина дарит мне невероятные и космические ощущения.

Я не могу больше сдерживаться. Конец близок — через пару секунд я снова умру и оживу.

— Я обожаю тебя, детка, — шепчет он мне на ухо, и я пропадаю, теряясь в океане забвения.

Открыв глаза, я вздрагиваю от осознания того, что я нахожусь в своей комнате и в своей кровати абсолютно одна.

Сердце бешено колотится, словно я пробежала марафон. Или же у меня был марафон любви — такие забытые ощущения, покрытые пеленой нереальности.

Спокойно, Стелла. Это был сон.

Очень жаль, что это был только сон.

И почему мне снятся такие сны? Это же просто невозможно. И во сне Николас преследует меня. Я не могу избежать его присутствия или хотя бы мысли о нем даже в дурацком сне. Что со мной творится? Так, нужно просто забыть и не думать об этом.

Ощущения были настолько реальными, что в голове не укладывается мысль о том, что мне это только приснилось.

Интересно, чтобы я испытала на самом деле, будь это реальность? Ох, страшно и волнительно даже представлять такое.

«А ты и не представляй», — шепчет мне разум, только очень громко это делает. «Тебе с ним не по пути», — не унимается мой мозг.

Да, так и есть. Этот мужчина не для меня. Он — игрок по жизни, а я дала себе зарок избегать их или обходить за десять миль стороной. А желательно, вообще чтобы такие экземпляры не попадались на пути.

Но меня так и манит этот подлец, и мне надо что-то с этим делать. В моем положении играть в эти игры — непозволительная роскошь.

Витая в своих мыслях, я погружаюсь в сон. Завтра меня ждет чудесный день, и я не хочу встречать его с красными и усталыми глазами.

* * *

Раздается гудок домофона, и я, быстро сняв блинчик со сковороды, бегу к двери, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Кто там? — спрашиваю я, нажав кнопку.

— Кто-кто! — бурчит Джулс. — Открывай уже дверь.

— Заходите, — заливаюсь я смехом. Видимо, Джулия встала не с той ноги.

Сегодня суббота, и на уикенд я пригласила в гости Джулию и ее шестилетнюю дочь Анну Мей, с которой моя Райли сдружилась с пеленок. Мы с ними не виделись со Дня Независимости, и я успела соскучиться.

— Ура, Анна Мей приехала! — радостно вопит Райли, несясь со всех ног к двери, где я ожидала появление подруги с ее чадом.

— Уфф, — выдыхает Джулия. — Наконец-то доехали, а то я думала, что эта девушка меня с ума сведет, — жалуется она, тыча пальцем в сторону Анны Мей.

— Ты чего вся на взводе? — ухмыляюсь я ей. — Проходите уже, — приглашаю я их войти и широко улыбаюсь. Я настолько рада их видеть, что, кажется, моя радость способна осчастливить как минимум один район Филадельфии.

— Анна, Анна, — тараторит Райли и хватает за руку Анну Мей, не успевшую даже толком войти в квартиру. — Идем, я тебе покажу свой новый кукольный домик.

— Ух ты! — округляет глаза Анна Мей от восторга, и они вместе бегут в комнату Райли.

— Иди ко мне, — обнимаю я свою подругу. — Рада вас видеть.

— И мы тоже рады. Хоть выбраться в большой город из своей провинциальной жизни, — обмахивается Джулия.

— Не дури, Джулс, — ругаю ее я. — Тебе же всегда нравилась тихая жизнь в Коутсвилле. — Подруга никогда не жаловалась на свою жизнь, а наоборот, радовалась каждому моменту и старалась взять все лучшее из того, что у нее было. Из того, что могла. В этом была вся Джулс. Она никогда не ныла и не причитала, за это я ее и любила.

— Знаешь, с момента твоего переезда в Филли, последние пару лет стали для меня жутко скучными, — делится она. — Ты всегда украшала мое существование в этом мире.

— Ты так говоришь, словно меня больше нет, — удивляюсь я ее словам, хотя понимаю, что мы скучаем друг по другу и страдаем от недостатка общения. Мы с детства не разлей вода.

— Знаешь, Стел, звонки и живое общение — это не одно и то же, — заверяет меня Джулия.

— Знаю, — согласно киваю я головой, пока раскладываю по тарелкам блинчики и наливаю нам с Джулией кофе, а девочкам сок.

— Готова перекусить? — спрашиваю я, сама просто умирая с голоду.

— Слона бы съела, — отвечает Джулия — любительница долгих завтраков и посиделок.

— Девочки, идите завтракать, — зову я наших принцесс, которые заигрались в комнате Райли.

Мы завтракаем, после девочки снова идут играть в детскую комнату, а мы садимся с Джулией на диван, чтобы немного поболтать.

— Что у тебя с настроением? — пытаю я подругу, усаживаясь по-турецки на диван.

— Ох! Брендон сегодня все утро ворчал, что мы уезжаем. Он хотел, чтобы мы вместе провели уикенд. А я сказала, что мы с ним итак каждые выходные вместе, а с тобой я редко вижу. Вот он и обиделся, хотя прекрасно знает и понимает, как ты важна для меня, — выговаривается Джулс. Надо признаться, ей очень повезло с Брендоном, он понимает ее во всем и, кажется, готов терпеть любые причуды жены.

— Вот поэтому я и не хочу замуж или быть связанной с мужчиной, — заявляю я ей.

— Стелла, перестань. Нельзя же всю жизнь одной прожить, — заверяет меня Джулия. — Мы хоть и ссоримся иногда с Брендоном, как и все семьи, но я его люблю. Я счастлива с ним.

— А вдруг меня и так все устраивает? Вдруг мне никто больше не нужен кроме Райли? — ставлю я под сомнение ее заверения. Ведь на самом деле в личном плане жизнь сыграла со мной злую шутку, и я, кажется, не готова снова к испытаниям такого рода.

— Нет, на самом деле, неужели у тебя совсем нет никого на горизонте? — хитро улыбается Джулс. — Пару поклонников, воздыхателей?

Я не знаю, что ответить на этот вопрос. Может, они и были, вот только я старательно на всех закрывала глаза, а со временем просто перестала замечать.

И еще был... Николас.

Прошло уже две недели с нашего ужина. Он мне звонил несколько раз, но я не отвечала на его звонки, потому что решила твердо, что нам не следует больше встречаться. Я много об

этом думала. Нам необходимо сохранять дистанцию во избежание неприятных последствий. Эта единственная встреча была моим секретом, о котором я никому не рассказывала.

— Я недавно кое с кем ужинала, — решила я поделиться с Джулией, она же моя лучшая и ближайшая подруга, и у нас никогда не было секретов. Мне смертельно необходимо выговориться.

— Да? Не шутишь? — с интересом говорит Джулия. — И кто это?

— Помнишь друга Мартина Дэвиса, с которым мы познакомились в Коутсвилле? — начала я подводить ее к истине.

— Ты имеешь в виду Николаса? — сужает она глаза. Я просто киваю, не сказав ни слова. — О, мой Бог, ну ты даешь! — ахает подруга, прикрывая рот ладонь.

Я же нервно смеюсь в ответ.

— Нет, скажи, что ты меня не разыгрываешь? — тычет в меня пальцем Джулия.

— Совсем нет, — закрываю руками лицо, чувствуя, что начинаю краснеть.

— Нет, он конечно, красавчик, и все такое. Но ты вроде была с ним не очень дружелюбна, поэтому я и подумать не могла, что у вас намечается свидание, — как на духу выпаливает она, складывая в голове кусочки пазла.

— Это было не свидание, — смотрю я на нее, демонстрируя напускную обиженность, и бросаю в нее подушку.

— А что тогда? — испытывает она меня, подвергая сомнению мои слова.

— Просто ужин, — пожимаю плечами. Я пытаюсь в этом убедить не только Джулию, но и, конечно же, саму себя.

— Ну, конечно... просто ужин, — скептически качает головой подруга. — Теперь это так называется? И когда у вас снова «просто ужин»? — Джулия изображает в воздухе воображаемые кавычки.

— Никогда, — отвечаю я.

— То есть? — удивленно вздымает она брови. — Он что пропал после этого? Вот, мерзавец, возомнил о себе, — не дожидаясь ответа, Джулия ссыпет проклятиями в адрес Николаса.

— В общем, он мне звонил несколько раз и оставлял голосовые сообщения, — честно признаюсь, давая понять, что из нас двоих с Николасом, плохой коп — это я. — Но я решила, что нам не стоит продолжать наше общение.

— Почему? Он на меня произвел приятное впечатление — роскошный мужик, — подытоживает она. — А почему ты не хочешь с ним иметь дело? У него что, голова набекрень? — я закатываю глаза, услышав излюбленное выражение Джулии, которым она описывала парней, которые выглядели роскошно, но были с причудами — то есть, не дружили с головой. Некоторые её фразочки просто выбивали меня из себя.

— Ну..., - начала я мямлить, не в силах подобрать нужные слова для своих ответов, — он вообще-то интересный собеседник и все такое...просто...

— Просто что? Опять в кусты прячешься? — одаривает она меня сердитым взглядом. — Стел, уже четыре года прошло, как нет Кевина. Может уже хватит в монашку играть? Или, может, ты и в правду в монастырь подашься? А что, очень неплохая идея, будешь за упокое души бывшего муженька молиться, который повел себя, как настоящий трус и предатель, — фантазировала она вслух. Только Джулии было позволительно говорить такие вещи, и при этом я на нее не обижалась.

— Перестань вредничать, Джулс. Я не буду с ним встречаться и ни с кем другим, —

настаиваю я.

— А вот это мы еще поглядим. Увидишь, этот красавчик тебя очарует. Мне кажется, что такие как он не сдаются.

— Да откуда тебе знать? — возмущаюсь я. — Ты его видела всего два раза и то мельком, вы же с ним почти не общались.

— Зато я не слепая и заметила, как он от тебя не отходил в баре и на пикнике все время искал тебя глазами. — Черт возьми, неужели моя Джулия такая наблюдательная или же она все это специально говорит, чтобы сбить меня с толку.

— Ты неисправима, — хватаюсь я за голову, понимая, что Джулию невозможно переубедить и победить.

— А ты — балда, — кидает в меня Джулия свою подушку. Я возмущенно смотрю на нее.

— Сама такая, — бросаю я в ответ свою, и у нас начинается подушечная дуэль, как раньше в детстве. Мы колотим друг друга декоративными подушками и начинаем хохотать в голос, не в силах остановиться.

Мне было смертельно необходимо это детское безумие, потому что в последнее время столько всего свалилось на меня. Разрядка была нужна мне как никогда. Мы падаем с Джулией на диван и на секунду замолкаем, пытаюсь отдышаться.

Неожиданно начинает играть «Love Runs Out» группы OneRepublic. Это звонит мой телефон. Быстро поднимаюсь, хватаю свой мобильник со столика и отвечаю на звонок.

— Привет, — пыхчу я в трубку.

— Ты что марафон пробежала? — раздается голос Патрика.

— Вроде того, — ухмыльнулась я. — Что-то случилось на работе? — спрашиваю я Патрика.

— Нет. Разве я тебе звоню только по работе? — слышу вопросительные ноты в его низком голосе.

— Вообще нет, просто я переживаю на счет открытия новых пекарен, вот и подумала, что может что-то пошло не так, — объясняю ему я.

— У меня все под контролем, не переживай, — заверяет он.

— Тогда в чем дело? — уточняю я. Зачем же он мне звонит?

— Ты занята вечером? — Патрик, наверное, хотел со мной встретиться, что у нас случалось изредка — дружеские ужины компаньонов по бизнесу.

— Ну, в общем да. Ко мне подруга с дочкой приехали в гости. Буду с ними, — говорю я, потому что так все и планировалось.

— А что если я немного расстрою ваши планы и приглашу тебя с подругой в паб? Как ты на это смотришь? — Как всегда, Патрику галантности и вежливости было не занимать. Чтобы провести со мной время, он был готов вытерпеть мою подругу, да хоть целую толпу моих подруг, лишь бы среди них была я. В этом весь Патрик.

— Не знаю, сейчас спрошу у Джулии, — говорю я, после чего прикрыв трубку, советуюсь с ней. Она, подняв два больших пальца вверх, показывает, что это отличная идея.

— Хорошо, мы согласны, — даю ответ я Патрику.

— Замечательно, тогда встречаемся в «Ирландском пабе» в центре, — обозначает Патрик место встречи.

— Окей, в нашем «Ирландском пабе»? — уточняю я.

— Конечно, в нашем. До встречи, Стелла.

— Пока, Патрик, — прощаюсь я и обрываю звонок.

— Так-так, — сразу же взяла быка за рога Джулия, сложив руки на груди. — Сначала Николас, потом Патрик, а ты говоришь, нет воздыхателей.

— Не преувеличивай, Джулс, — обрываю я ее. — Это мой партнер по бизнесу и к тому же хороший друг, ты сама это прекрасно знаешь.

— Как же, как же, знаю, что у тебя ухажеров целый зоопарк, — скалится Джулия, а я закатываю глаза.

— Мамочка, мы идем в зоопарк? — из-за угла выглядывают Райли с Анной Мей, удивленно изогнув бровки.

— А вы хотите в зоопарк? — заговорщически спрашиваю я, понимая, что она выхватила слово из контекста, когда Джулия разглагольствовала об очереди моих воображаемых ухажерах.

— Очень! Очень! — одновременно загалдели девочки.

— Тогда собираемся.

* * *

После насыщенного дня с нашими дочерьми, мы укладываем их спать и оставляем присмотреть за ними Марту, которая с ранних лет нянчилась с Райли.

Мы с Джулией заходим в паб на Уолнат стрит под простым и лаконичным названием «Ирландский паб». Проще не бывает. Убранство помещения типичное и присуще традиционному ирландскому пабу. Здесь шумно, весело, и к тому же, неплохая кухня.

Мне не особо по душе пафосные места, поэтому я люблю это местечко, где мы иногда бываем с Патриком, чтобы поболтать и выпить старого и доброго эля.

За одним из столиков, нас уже ждет Патрик, который, увидев нас, вскакивает со своего места.

— Привет, Стелла, — целует он меня в щеку, слегка приобняв за талию. — Привет, Джулия, — протягивает он ей руку. — Рад вновь встретиться.

— Я тоже рада, — лучезарно улыбается подруга.

— Схожу за напитками, — говорит Патрик. — Что вам взять?

— Мне как обычно эль, — отвечаю, пока мы с Джулией усаживаемся за стол.

— И мне тогда эль, — говорит подруга. — Просто, красавчик, — не сдерживает своих восторгов Джулия, когда Патрик уходит к бару.

— Ай — яй — яй, Джулс. Все Брендону расскажу, — дразню я ее.

— Да брось ты, это я для тебя сканер красавцев включила, — на полном серьезе говорит она, имитируя неподвижное выражением лица, как у робота. — И как ты до сих пор устояла перед ним? — не унимается она, и начинает мне напоминать Келли, которая все время меня пытается с кем-то свести и выдать поскорее замуж.

— Я же сказала, мы просто друзья, — удивляюсь ей и качаю головой.

— Как скажешь, подруга, — сдается она.

На самом деле, мы с Патриком давно определились с нашими отношениями. Мы были партнерами по бизнесу и друзьями в обычной жизни. Я знала, что для него была больше чем друг, по крайней мере, он этого хотел, но не я.

С начала нашего знакомства у него случались попытки ухаживаний, которые я всячески пресекала, давая понять, что меня не интересуют отношения ни с ним, ни с другими мужчинами. У меня есть моя маленькая семья и работа. И мне этого достаточно.

Кроме того, я считала, что не следует заводить романтических отношений с партнером по бизнесу, который в случае чего мог разрушить мою жизнь как картонный домик.

Глава 14. Нежеланный трофей

Николас

Прошло две недели. Даже на пару дней больше.

Я звонил Стелле несколько раз, но она не отвечала на мои звонки. Я оставил ей голосовое сообщение, потому что все мои звонки начали переключаться на голосовую почту. Что еще мне оставалось?

Этим вечером субботы я ехал по Филадельфии, отчаянно выжимая педаль газа и заглушая свои мысли громкими аккордами песен Imagine Dragons. Хотя, казалось, ничего не могло остановить или перебить этот поток.

Я люблю скорость. А еще больше я люблю, когда мой кабриолет «Мерседес» на высокой скорости проезжает милю за милей, обдавая мое лицо освежающим потоком воздуха.

Я люблю этот город. Я люблю свою жизнь. Меня все устраивает, но только было одно «но» по имени Стелла.

Я хочу встречи с ней.

Нет, не так. Я страстно желаю встречи с ней, не в силах избавиться от ее образа в своей голове. Но я понимаю, что не могу ждать вечно. Я, в конце — концов, не пацан, чтобы бегать за ней все время.

Может, стоит пока отступить, и проблема, возможно, сама разрешится.

Когда я проезжаю по центру города, меня посещает идея зайти в «Ирландский паб», которым владеет мой давний знакомый. Мы давно не виделись, и так или иначе мне сегодня нужно отвлечься. У меня все-таки имеются потребности мужского плана, и сегодня вечером я намеревался их удовлетворить.

Назло всем женщинам планеты.

Назло Стелле, которая меня так тщательно игнорирует и держит на расстоянии.

Зайдя в паб, оглядываю помещение в поисках Джереми — хозяина заведения, который обычно всегда здесь бывает. Его трудно не застать — он бывает либо в баре, либо играет в бильярд с приятелями.

Окинув одну часть бара, перемещаю свой взгляд в другую сторону и тут у меня все внутренности начинают гореть от увиденного. Нет, гореть не от желания или восторга. Они начинают плавиться внутри от гнева, который желает вырваться наружу.

Я вижу за одним из столиков Стеллу, которая сидит с каким-то расфуфыренным, хоть и элегантным мужиком.

Она, как всегда, прекрасна, и я не в силах отвести взгляд. Этот незнакомец, видимо, и не упускает этой возможности, учитываю то близкое расстояние, на котором они сидят друг от друга. Сидя плечом к плечу, он склоняется к ней, шепча что-то на ухо. Стелла лишь согласно кивает и улыбается, словно ей безумно нравится все услышанное.

А меня это безумно бесит.

То есть мне она и на звонок ответить не может, а с этим тут сидит и воркует?

Хорошо, стерва.

Поделом тебе, Николас. Поделом.

Задыхаясь от гнева, я иду к бару, где, собственно и замечаю Джереми. Не успеваю я сесть за барную стойку и заказать себе виски, чтобы погасить пылающую злость, как слыша

около себя:

— Привет, Ники, — говорит устроившаяся на соседнем стуле стройная, пышногрудая блондинка. Да, я, кажется, ее припоминаю. Мы однажды неплохо повеселились. Но чего ей от меня нужно? Сейчас не очень удачный момент, чтобы вести со мной беседы. Я словно проснувшийся вулкан, который вот-вот взорвется и начнет извергать свою огненную лаву.

— Привет, мм..., — мямлю я, силясь вспомнить ее имя.

— Эвелин, — говорит она, спасая меня в этой плачевной ситуации от позора.

— Точно, Эвелин, — говорю я.

— Не пригласишь к тебе присоединиться? — говорит девушка. А она напористая, хотя чего я еще ожидал? Я всегда старался проводить время с раскрепощенными девушками, которых практически ничего не могло смутить.

— Конечно, — говорю я, стараясь быть вежливым, при этом, едва себя сдерживая от того, чтобы кому-нибудь не врезать.

— Давно не виделись, — говорит она, потягивая через трубочку свой коктейль.

— Занят был, — говорю я первое, что приходит на ум. Я не знаю, о чем с ней разговаривать.

— Ты сегодня не очень — то разговорчив, — верно подмечает она.

Да, я не разговорчив и не в духе. Это может изменить только одна женщина, которая избегает меня всеми правдами и неправдами. Но эта женщина — не Эвелин.

— Устал, работы было много, — отвечаю монотонно и без интереса.

Эвелин отвлекается на звонящий мобильник, который лежит около ее стакана на барной стойке. Я в этот момент оборачиваюсь, чтобы посмотреть, здесь ли Стелла, когда вижу, что за их столиком также сидит ее подруга. Ее, кажется, зовут Джулия.

Стелла встает и направляется в сторону уборной. Я должен поговорить с ней. Она меня игнорирует, поэтому у меня нет выхода. Я должен пойти за ней и разобраться в этой ситуации.

— Я на минуту отлучусь, — говорю я Эвелин и, не дождавшись ее ответа, встаю и стремительно направляюсь следом за ней.

Я мчусь словно ураганный ветер и около входа в уборные нагоняю ее и окликаю:

— Стелла, стой!

Она оборачивается и замирает:

— Николас! Не ожидала тебя здесь увидеть, — говорит она, поправляя волосы. Конечно, не ожидала. Я же явно лишний в их компании. — Что ты здесь делаешь?

— А сама как думаешь? — говорю я вопросительно.

— Преследуешь меня? — слегка сердится она.

— Я? Издеваешься? — я все еще зол как черт. — Это, кажется, ты прячешься от меня, а я, как последний дурак, обрываю твой телефон.

Она отводит глаза в сторону, словно чувствует себя виноватой. Я беру ее за руку и практически тащу к уборной, которая только что освободилась. Быстро захожу туда, увлекая Стеллу за собой, она даже не успевает и пискнуть.

Закрыв быстрым движением изнутри дверь на защелку, я прижимаю Стеллу к стене, поймав ее в капкан своих рук.

— Совсем обалдел? — верещит она возмущенно, колотя меня руками по груди. «Давай, бей сильнее», — думаю я про себя. «Освободи меня от гнева, иначе я разорвусь на части».

— Потихе, девочка, — говорю я тихо, схватив ее рукой за подбородок.

— Какая я тебе девочка? — шипит она мне в ответ, излучая своими изумрудными глазами злость, ярость и страсть одновременно. Она просто прекрасна. Я не могу устоять и впиваюсь в нее своими губами, жадно и страстно целую ее, как будто в первый и в последний раз мне суждено в этой жизни испытать удовольствие поцелуя. Сначала она сопротивляется, но потом поддается и целует меня в ответ.

Эта женщина сладкая как мед, и я не могу желать ее еще сильнее, чем уже желаю в данный момент.

Она меня просто убивает и не щадит.

Когда я прерываю наш поцелуй, мы оба задыхаемся, и ее грудь сильно вздымается.

Стелла облизывает свои губы и выпаливает:

— Ты наглая и высокомерная сволочь. Не хочу с тобой иметь ничего общего.

— Что, прости? — мне казалось, что я не расслышал. — Я думал, тебе понравился наш поцелуй! — ухмыляюсь, зная наверняка, что так оно и есть. Об этом говорили ее ответные действия. Или мне показалось?

— Тебе никто не давал право насильно меня затаскивать сюда и касаться меня, — чеканит она, пытаясь казаться дерзкой и ворочаясь на месте, не в состоянии выбраться из моей ловушки.

— Если бы ты ответила хотя бы на один из моих звонков, или бы перезвонила сама, то мы избежали бы этой сцены, — это правда. — Или ты бы сама этого захотела.

— Этому не бывать, — сопротивляется она.

— Кто этот блондин с тобой за одним столом? Он же от тебя не отлипает! — перевожу я разговор, потому что намерен выяснить, кто он и что за дифирамбы ей поет. — Твой ухажер?

— А тебе какое дело? — смотрит она мне прямо в глаза, кладя ладони на мою грудь. Она обжигает меня своими нежными пальцами, начиная распалать меня. Боюсь, что мы отсюда не выберемся, и за дверью будет очередь, что не лучшая идея в питейном заведении.

Она поднимается на носочки и приближается своими губами к моим, словно собираясь поцеловать, завораживая меня своими бездонными глазами. Мои глаза начинают бегать от ее глаз к губам и обратно. Она приоткрывает свои красивые губы, словно давая мне знак поцеловать ее.

— Отвали, — громко бросает она мне прямо в губы и отталкивает со всей силы, быстро вырываясь из моей хватки. Она открывает дверь и выскакивает из уборной.

Я ударяю руками о стену. Черт!

Она меня опять надула.

Моим планам не суждено было сбыться. Она надо мной просто издевается. Теперь я взбешен еще больше, но я не иду за ней, зная, что это будет не очень удачной идеей.

Я не буду выставять себя еще большим идиотом прилюдно. Хватит уже и того, что было между нами наедине.

Я умываюсь, пытаюсь привести себя в порядок, и смотрю на себя в зеркало. В моих глазах наливается темный и злобный океан гнева и разочарования.

— Ну, что приятель, поиграем в знакомую игру? — говорю я себе и выхожу из уборной, направляясь к барной стойке. Я начинаю ненавидеть себя за это, но пытаюсь убедить, что мне все равно. Что так надо, в конце — концов.

Эвелин все еще сидит на том же месте. Это большая удача, учитывая, что я задумал. Стелла меня сегодня вывела из себя. Я настолько зол, что мне просто необходимо выпустить

пар, иначе взорвусь и буду рушить все на своем пути.

Изобразив на своем лице заинтересованность, я сажусь на свое место и смотрю прямо на Эвелин.

— Заскучала? — улыбаюсь я ей соблазнительно — натренированной улыбкой.

— Ты где пропадал? — надула она свои ярко покрашенные губы. Эвелин явно расстроена, что меня так долго не было. Но меня это мало волнует, а точнее мне наплевать на ее чувства.

— Был важный разговор по работе, — вру ей. — Может, уже пойдем и займемся делом? — включаю я все свое обаяние на максимум. Эта часть у меня отрепетирована до идеального состояния.

— Уже? — удивляется она.

— А чего ждать? — воркую я ей на ухо, словно без ума от нее. Я так хочу, чтобы Стелла все это увидела, и ее бы съела зависть, злость, ревность — все вместе.

— Хорошо, — расплавляется она в улыбке. Ха!

Я предлагаю Эвелин свою руку, и мы вместе направляемся на выход из паба. По пути я целенаправленно смотрю на столик, где сидит Стелла, и вижу ее прикованный к нам взгляд. Я смотрю на нее пристальным, но мимолетным взглядом, вкладывая в него всю свою ухмылку победителя.

В ее глазах читается недоумение, злость и даже разочарование.

Ну и пусть. Мне плевать.

Спустя десять минут мы заходим в номер отеля «Palomar», где я был частым гостем, и поднимаемся в номер, держась за руки.

Рука Эвелин холодная, словно ее кровь плохо циркулирует, и она лишена каких-либо чувств.

— Может, закажем шампанское и клубнику? — пищит она своим голоском, когда мы оказываемся в номере.

Она, кажется, возомнила себе, что у нас романтический ужин с прелюдией? Чёрта с два. Это просто одноразовый секс и не более. Хотя однажды я уже спал с этой девушкой, но совсем этого не помню, потому что у меня их было много. И за последние несколько лет я не проводил ночи с одной и той же женщиной дважды. Такова была моя сущность.

Ни к чему больше ждать.

— Я стораю от нетерпения, чтобы войти в тебя, — говорю я, схватив ее за подбородок и грубо поцеловав.

— Ты уже весь на взводе, — закусывает она свою губу. — Мне это нравится, — мурлычет Эвелин, пытаясь казаться сексуальной и соблазнительной. Боже, как это выглядит смешно, но не буду на это отвлекаться.

— Ты такая горячая, — говорю я, чтобы запустить весь процесс.

Я снимаю пиджак и развязываю галстук. После я скидываю платье с Эвелин. Это сделать легко, потому что, как правило, девушки, ищущие секс — приключения на одну ночь не надевают платья и вообще одежду с замысловатыми застёжками. Иначе бы это все усложняло. Под платьем на ней нет бюстгалтера, и я немного жестко стискиваю ее груди, и она начинает стонать.

Неужели ей так приятно, или это простая наигранность?

«С чего это ты начал философствовать, Николас? За дело!», — говорит внутренняя похоть. Они с рассудком совсем не дружат и не имеют ничего общего.

Мы подходим ближе к кровати, Эвелин присаживается на самый край, разводя в стороны ноги, я наклоняюсь к ней. Она начинает расстёгивать мою рубашку, я быстро её скидываю.

Она начинает притягивать меня к себе, желая переместить нас на кровать. Но она забыла или просто не знает, что это моя игра, а, значит, и правила мои. Поэтому я беру Эвелин за руку, вынуждая ее встать с кровати, одновременно свободной рукой расстёгиваю ремень моих брюк. Я резко разворачиваю ее спиной к себе, наклоняя вперед, она выгибает спину и вынужденно опирается руками о кровать.

Я стягиваю вниз ее едва видимые трусики, больше похожие на веревки. Скинув штаны и надев защиту, я резко вхожу в нее. Эвелин вскрикивает, и я начинаю неистово двигаться, что есть мочи вколачиваясь в нее. Сильнее и мощнее. Я словно ненасытный зверь, пытающийся сорвать шкуру со своей жертвы. Мною движет злость и похоть. Похоть и гнев.

Я намеренно развернул ее спиной к себе, потому что не желаю видеть ее лица, потому что все мои мысли занимает Стелла. Только она стоит перед моими глазами. Только она меня заводит, распалая еще сильнее, даже тем, что отталкивает меня.

Только с ней я хочу заниматься сексом, любовью — как угодно, но не трахаться, как делаю сейчас. Это слово не для нее. Она достойна большего.

Заканчивая свое дело, я понимаю, что поступаю как настоящий подлец с Эвелин, а также со Стеллой. Я поступал так последние много лет, но раньше меня никогда не мучила совесть.

Стыдясь своего плачевного положения, я выхожу из Эвелин и натягиваю штаны и рубашку, хватаю пиджак и стремительно иду к выходу.

— Николас, куда ты? Что я сделала не так? — кричит мне вслед Эвелин.

— Это не твоя вина, — говорю я, оборачиваясь к ней. Она обнажена и прикрывается руками, ее лицо искажает неприятное чувство вины, но она правда ни в чем не виновата.

— Тогда почему ты уходишь? — чуть не плачет она. Мне жаль ее. Мне жаль себя.

Боже, как же я ничтожен!

— Я должен, — только и смог ответить я, зная, что не вправе обнадеживать ее на то, что у нас что-то сложится. — Прости меня, — смотрю я в пол, а сам чувствую себя полным мерзавцем.

Я ухожу, слыша тихий плач Эвелин, который эхом отдается в моей голове.

Ненавижу себя за то, что причиняю боль женщинам, которые мне не нужны.

Ненавижу этих женщин за то, что позволяют так с собой обращаться.

Ненавижу себя за то, что не нужен Стелле — единственной женщине, внимания которой я так отчаянно желаю.

Все неправильно.

А все потому, что мы не те, кто есть на самом деле.

Мы все что-то скрываем.

Мы все от чего — то бежим.

Глава 15. Через край

Стелла

Первой моей мыслью, когда я подняла глаза и увидела Николаса, который шел за мной до уборной в пабе своей уверенной походкой, было: «Какого черта? Что он тут делает?».

Неужели теперь, избегая его преднамеренно, я буду случайно с ним сталкиваться везде?

Что за чертовщина творится?

Чем дальше я хотела и пыталась от него убежать, тем быстрее он меня настигал, случайным образом оказываясь рядом.

Хотя теперь я начинала думать, что все случайное совершенно неслучайно, как бы абсурдно это не звучало.

По-моему, у меня начинает развиваться или, возможно, уже прогрессирует паранойя. И почему мне не живется спокойно? Последние четыре года в моей жизни случаются какие-то странные события, которые всё переворачивают с ног на голову. Я начинаю осознавать, что не могу постоянно жить в тревоге, что завтра опять всё изменится. Вот только совсем непонятно, в каком направлении произойдут эти злосчастные перемены.

Жизнь полна боли и разочарований.

Кроме того, я безумно злюсь на Николаса. За всё, что связано с ним в моей жизни. Эта связь не такая уж большая, больше похоже на тонкую, едва зримую нить. Но она есть между нами, как бы я не пыталась её не замечать.

Я ненавижу то, как на меня действуют его прикосновения, что я не могу не реагировать. Моё тело предательски выдает меня — с потрохами сдает меня этому прохвосту. Он прекрасно знает, как влияют на меня его уловки, слова, взгляд.

А когда он меня затащил в уборную и поцеловал, то я пропала. Как я могу сопротивляться его поцелую, даже если очень хочу не поддаваться ему? Это кажется невозможным.

Я знала, что должна была вырваться из его лап и бежать без оглядки, как и планировала. Но я не смогла. Его поцелуй был напористым, но таким... проникновенным, и нежным, и страстным, словно он так долго ждал этого и хочет целовать меня одну. Всегда.

Я практически поверила ему. Поддалась его обаянию и той сексуальности, которая исходит от него. Боже, я чуть с ума не сошла, когда он коснулся меня.

Почему же я тогда сбежала от Николаса? Для кого-то это покажется странным, ведь на первый взгляд всё просто: нравится человек — будь с ним рядом, делай его и себя счастливым.

Но, к сожалению, это не про меня. Я пока не научилась жить с тем предательством, что мне досталось от Кевина. Было слишком много разочарования, когда я поняла, что жила с человеком, которого, как оказалось в итоге, я совсем не знала. Словно я была только что появившимся на свет котенком, который слеп и едва ощущает этот мир, не говоря уже об истинном положении вещей.

Я любила Кевина, и отдала ему всю себя, вложив свою заботу и уют в наш дом, в нашу семью, в наш брак. Но всё это было впустую. Словно наша с ним жизнь была лишь идеальными декорациями к его неидеальной реальной жизни.

Поэтому я полна смятения и просто не знаю, что мне ждать от мужчин. Мне лишь остается прикрываться храбростью и дерзостью, чтобы вновь не оступиться. Чтобы не перепутать истинные чувства с поддельной любовью или мнимой искренностью.

В голове начали всплывать воспоминания о Николасе, когда я сбежала от него. И эти воспоминания не доставляли мне никакого удовольствия.

Я видела, как он подошел к этой расфуфыренной особе в баре и что-то ей шептал, а потом ещё и ушел с ней под ручку. Словно он это делал назло мне.

«Ты ревнуешь Стелла», — говорит ухмыляющимся тоном мой внутренний голос.

«Мне наплевать», — заверяю его я, хотя сама-то понимаю, что это просто наглая ложь. А врать не хорошо, особенно себе.

Тем не менее, мне остаётся лишь гадать, он просто вышел с ней из паба или у их вечера было продолжение.

«Разве тебе не всё равно?» — голос продолжает, словно червяк разъедать мою голову, представляя, что она ароматное спелое яблоко.

«Замолчи», — говорю я ему. — «Конечно, мне наплевать».

«Маленькая врунья», — отвечает он мне, хитро улыбаясь.

«Да», — иногда нужно быть честной, хотя бы с собой. Я врунья и безумно ревную Николаса, хотя он мне не принадлежит, и я ему тоже не принадлежу. Я даже не знаю, чего он на самом деле хочет от меня, и это сводит с ума.

Переборыв миллион оттенков своей ненависти и желания, я признаю, что мне, наверное, не всё равно, если дело касается Николаса. Но я никогда не признаюсь в этом ему. И не сделаю шаг ему навстречу первой.

Пусть все будет, как будет. И не зависит полностью от меня.

Я готова и очень хочу быть счастливой, но я не могу и не готова никого пускать в свое сердце и обнажать свою душу.

Я привыкла всё контролировать, но хотя бы эта часть моей жизни пусть будет лишь в полу контроле. Нет, я, конечно же, не сбавлю свою оборонительную хватку, защищая свои чувства, но если Николас первым не сделает шаг мне навстречу, то я тоже пойду в другую сторону.

Мне это нужно. Я так хочу.

* * *

— Я не могу поверить своим глазам, — врывается Патрик ко мне в кабинет без стука, как ураган, подбегая к моему столу. — Ты только посмотри на это.

— Так, стоп, — говорю я, прервав его пламенную речь. — В чём дело? — смотрю на него сосредоточенно.

— Ты чего такая замороженная? — спрашивает он, широко улыбаясь и кладя какую-то газету мне на стол. — Просто взгляни.

Я обращаю свой взор на газету, и у меня замирает сердце, потому что передовое издание штата Пенсильвания выделило целый разворот, посвященный нашей сети. На левой странице вверху красуется фотография вывески одного из кафе-пекарни «Vanilla Mama». Я не могу поверить своим глазам. Неужели это произошло?

— Это не шутка? — перевожу я свой ошарашенный взгляд на Патрика, который стоит, склонившись, у моего стола.

— Ты прочитай статью. Это ещё не все сюрпризы, — поднимает он свои брови. — Тебе понравится, что там написано.

Я беру газету и начинаю читать. У меня замирает сердце, и в глазах начинают скапливаться слёзы радости от того, что я читаю.

«Ванильная история успеха» — гласит заголовок. Для меня это не просто заголовок, а настоящий успех, как результат того, чему я посвятила себя. Как результат моих трудов и того, к чему я стремилась, начиная с юного возраста.

«Надо признать, что когда-то маленькое кафе-пекарня в небольшом провинциальном городке Коутсвилле теперь стало настоящей империей по производству изысканных кондитерских деликатесов. Если вы хотя бы однажды попробуете стряпню этой Ванильной

мамы, то едва ли сможете не потерять голову, потому что вам будет заказана дорога в ряды сладкоежек», — читаю я последние строки, и меня переполняет гордость, волнение и радость. Все это видимо отражается на моем лице.

— Ну, дали мы жару? — радостно восклицает Патрик.

— Не то слово, — говорю я, хохотнув. — Это просто невероятно, — развожу я руками в сторону, все еще не в силах поверить, что весь штат Пенсильвания лежит у наших ног. Я такого не ожидала и никогда к этому не стремилась. Я всегда хотела свое небольшое дело, но то, что из этого вышло — у меня в голове не укладывается.

— Это все ты, — говорю я Патрику, вставая из-за стола. — Спасибо тебе, Патрик. Это все благодаря тебе, одна бы я не смогла, — обнимаю я своего друга и партнера по бизнесу, вкладывая всю свою искренность и благодарность в эти слова.

— Не за что, — шепчет он мне на ухо, после чего обхватывает меня за талию, начинает кружить по кабинету. Я, расставив в стороны руки, словно птица кружу по кабинету, удерживаемая лишь сильными руками Патрика.

— Без тебя и твоих кулинарных талантов ничего бы этого не было, — говорит он, опустив меня на пол. — Ты должна это знать.

— Перестань смущать меня, — отвечаю ему, заливаясь краской. Патрик кладет свои теплые руки мне на плечи, сжимая их пальцами. — Сделай мне одолжение, научись уже принимать комплименты. Ты этого достойна, — всё ещё не убирает он руки с моих плеч.

Я трясую головой, не веря во все происходящее.

— Это невероятно.

— Нет, это *ты* — невероятная. Без тебя я бы здесь сейчас не находился, — говорит он серьезно, но искренне. Это выдают его глаза. Патрик наклоняется ко мне и целует меня в щеку. По-дружески. Я знаю, что по-другому он бы не поступил. Все точки над *i* были расставлены давно.

И в этот радостный момент я вижу боковым зрением на пороге кабинета свою помощницу Сэм.

— Миссис Картер, к вам пришли, — говорит она своим тоненьким голоском, при этом смущаясь от понимания того, что стала свидетелем такой сцены.

Чёрт бы тебя побрал, Патрик!

Он не закрыл дверь, когда ворвался в мой кабинет.

Патрик такой Патрик. Слов нет.

В общем, это еще полбеды. Мне кажется, что я краснею в десять раз сильнее, когда вижу чей-то высокий силуэт за спиной Сэм, а она при этом произносит фразу, которая словно огненная стрела, обжигает, оставив ноющую ранку.

— К вам мистер Ланкастер, — говорит она. — Без записи.

Могло бы быть ещё хуже? Вряд ли. Николас стал свидетелем этого дружеского поцелуя от Патрика, который мог оставить двойное впечатление для окружающих.

Это мне было все понятно, но не другим.

Вот опять я опозорилась. Перед Ником. Он ведь полагал, что Патрик мой воздыхатель, или парень или еще что. И эта сцена подкину ему пищу для размышлений. Не жизнь, а сплошной провал.

— Гм... что ж, я тогда пойду, — говорит Патрик, потирая руки, и пулей вылетает из кабинета.

— Заходи, — говорю я Николасу, проводя руками по волосам, словно с ними что-то не

так. Это во мне играет смущение. Меньше всего мне хотелось, чтобы он это увидел. Я сажусь за свой стол и предлагаю Нику жестом пройти в мой кабинет и присесть напротив меня.

Когда я поднимаю глаза на него, понимая, что он всё ещё стоит, то на моем лице расплзается удивление. Николас держит в руках огромный букет кремовых роз.

— Прости, что без предупреждения, — говорит он спокойным тоном. Сегодня он выглядит как-то иначе, словно долго не спал и много работал. Его лицо в данный момент словно отражение тревоги, вины или же груза проблем. — Это тебе, — протягивает он мне букет цветов, но я медлю, не зная, что сказать или как себя вести.

Этот мужчина заставляет меня смущаться и делать всякие глупости, прикрываясь при этом маской дерзости.

— Спасибо, но не стоило, — говорю я, взяв букет из его рук. Я мельком смотрю на цветы и кладу на свой стол. Я просто *обожаю* кремовые розы. Откуда он мог знать? Это совпадение или случайность, как угодно. Он не мог знать и точка.

— Это моё извинение за ту выходку в пабе, — говорит он по-прежнему спокойно, усевшись в кожаное кресло, расположенное напротив меня.

— За какую из всех? — поддеваю его, улыбнувшись одними губами.

— Зачем ты так со мной, Стелла? — в глазах его читается печаль и грусть. Может, он и правда сожалеет о чём-то, что случилось тем вечером. Только о чём именно?

— За что я тебя должна извинить? Объясни, пожалуйста, — говорю я без капли сарказма.

— Я не должен был делать того, что делал, — говорит он какими-то загадками. Я не понимаю. — Мне не следовало насильно тебя затаскивать в ту уборную. И целовать не следовало..., — прерывает он свои слова.

Ох, Ник, не надо. Не говори этого. Я бы хотела сожалеть об этом поцелуе, но не могу. Он был таким запретным, но слишком приятным, что о нём просто невозможно сожалеть. От одного воспоминания об этом поцелуе, мои губы приятно покалывает, словно он незримо вновь касается своими губами моих.

Так, стоп! Чем у меня сейчас забита голова?

— Ты мне ничего не должен, — произношу я чётко и быстро, отвлекаясь от посторонних мыслей.

— Возможно, — опускает он глаза в пол, как-то по-грустному ухмыляясь. Видимо, он на самом деле сожалеет, причем искренне. Хотя с другой стороны мы не встречаемся, и ничем не обязаны друг другу. Это была просто дурацкая игра соблазнителя и строптивой.

— Между нами ничего нет, — неожиданно произносит он и смотрит на меня пристально.

— Ты о чём? — не понимаю я. Ведь между нами действительно ничего нет. Хотя, может, он про кого-то другого.

— Ты же видела, что я ушёл не один в тот вечер, — безрадостно говорит Николас.

— Видела, — согласно киваю. — Но мне кажется, что ты лжёшь, — провоцирую я его, потому что и правда считаю, что он лжёт. Он был зол и расстроен тем, как я себя повела. Об этом говорил его взгляд, когда он вышел с ней под руку из паба.

— Она ничего для меня не значит, — говорит Николас. И я ему верю, словно уловив в его взгляде некий посыл, что я нужна ему. Только я. Даже если у них что-то было, я не хочу об этом знать, потому что мы не вместе и фактически это не считается изменой. Умом я это понимаю, но эти мысли оставляют горький привкус во рту.

— Тогда почему ты ушел с ней? — в моем взгляде теплится какая-то надежда.

— Я был зол как чёрт, когда ты сбежала от меня. А ещё увидел, как ты с этим... сидела вместе за одним столиком, — признается он. — Вот я и взбесился.

— Мы были не вдвоём, — говорю я. — С нами была Джулия.

— Я знаю, — вновь он опускает глаза. — Просто я заметил, как он близко прижимался к тебе и что-то шептал тебе. Вы ворковали, словно голубки, а меня ты оттолкнула. Это вывело меня из равновесия, — признается он. Я не жду от него этих признаний, но приятно удивлена, что он это говорит. Значит, ему важно, что я о нём думаю.

— Мы с Патриком партнеры по бизнесу и, к тому же, хорошие друзья в обычной жизни, — констатирую я факт.

— Значит, Патрик, — повторяет он. — Вы просто друзья? — вопросительно смотрит он с толикой недоверия. — И ничего больше?

— А что тебя удивляет?

— Он смотрит на тебя не по дружески, поверь мне. Я мужчина и знаю, о чем говорю, — уверенно произносит он эти слова, словно говорил их миллион раз. — Сегодняшняя сцена тому подтверждение.

— Не говори глупостей, Николас. Мы с Патриком только друзья. Уверяю тебя, — мне очень хотелось, чтобы он в это поверил, потому что я не испытывала к Патрику ничего, кроме дружеских чувств. Он не был мужчиной моей мечты, хотя он во многих смыслах идеальный.

— Ладно, — кажется, он успокоился.

— А вот та особа вряд ли тебе просто друг, — начинаю я менять тему, не желая больше говорить о Патрике. Он тут ни при чем. — Кто она?

— Никто. Это неважно, — говорит он сразу же, словно желая избежать упоминания о ней.

— Вот видишь. Откуда я могу знать, что она не твоя девушка? Или, возможно, жена? — почему я раньше об этом не подумала.

— У меня нет девушки, Стелла. И тем более нет жены. Ты это прекрасно знаешь, иначе, зачем бы я приглашал тебя на ужин? — говорит он так, словно мои предположения полный абсурд. Похоже, что так и есть.

— Не знаю. Мне тогда так не показалось. Она так влюбленно на тебя смотрела! — Боже, я мелко какую-то чушь. Я даже не видела толком её лица, не говоря уже о взгляде.

— Она оказалась там случайно, и я её видел второй раз в жизни, — выпалил он. — Она ничего не значит для меня. С ней покончено.

— Хотелось бы в это верить, — не знаю, зачем я все это говорю. Зачем я вынуждаю его все это объяснять.

— А ты просто поверь мне, и всё. Больше ничего не нужно.

Я молчу. Не хочу думать о его бывших пассиях, и не хочу еще раз вспоминать о том вечере в пабе. Я чувствую себя ужасно от одной мысли о том, насколько разным был тот вечер.

Страстный. Станный. Пылкий. Отталкивающий. И, конечно же, полный разочарования.

Я смотрю на часы и понимаю, что через пять минут мне нужно быть на совещании, а я отчет только мельком просмотрела.

— Извини, Николас, мне нужно на совещание, — смотрю я на него со всей

серьезностью.

— А это не может подождать еще пару минут? — с надеждой в голосе говорит он. — Нам нужно поговорить, Стелла.

— О чём? — удивляюсь я, полагая, что извинение — это единственное, о чем он хотел поговорить.

— О нас, — его простой ответ.

— Николас, нет никаких «нас». Разве я не права?

— Нам нужно поговорить. Мы не можем вечно бегать друг от друга, — настаивает он.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Позвони мне завтра, и мы всё обсудим.

Ответом мне был пронзительный взгляд его синих глаз. Это два глубоких океана, от которых невозможно оторвать взгляд. В них хотелось затеряться и остаться навечно.

Но я сейчас у меня была только одна реальность — мне нужно было идти на совещание.

Глава 16. Без конца и края

Николас

Что-то опять пошло не так. Первый вариант — либо я веду себя как полный идиот и всё время говорю что-то не впопад. Второй вариант — Стелла слишком недоступна для меня, словно стена, которую мне не сломать и не преодолеть.

Я всё еще сижу в машине около бизнес — центра, где располагается офис её компании, не желая сдаваться. Мы договорились, что я позвоню завтра. Но я не намерен ждать ещё как минимум сутки, чтобы решить всё между нами, иначе эта недосказанность меня просто убьёт.

Мне нужен её ответ на мой ещё не заданный вопрос. Нужен, как воздух.

Я жду, когда она выйдет, хотя понимаю, что могу так просидеть до ночи, потому что совещание могло затянуться насколько угодно. Мне всё равно, я буду ждать, потому что должен добиться своего.

Возможно, весьма самонадеянно так открыто проявлять свои чувства, потому что мне это несвойственно. Я привык держать свои эмоции под контролем, а вернее под огромным амбарным замком. Но без риска не бывает победы. Побеждать я привык, смакуя этот сладковато — приторный вкус.

Когда я извинялся перед ней, то это было совершенно искренне с моей стороны, поскольку после всего случившегося я чувствую себя грубым животным, что так поступил с ней и с Эвелин. Хотя с другой стороны, мы не встречаемся, и ничем не обязаны друг другу. Пока. Тем не менее, мне не следовало уходить с Эвелин, а нужно было уйти в одиночестве. Если не ради себя, то хотя бы ради Стеллы. Но я этого не сделал, за что корю себя. И пусть она никогда этого не узнает, но эта горечь будет жить во мне и со мной.

Смотрю на часы, которые я замучил своим назойливым взглядом. Уже почти девять вечера. Поднимаю взгляд на выход из бизнес — центра и вижу, как Стелла выходит через вращающиеся двери и куда — то идёт. Мне нужно догнать её, сейчас же.

Выхожу из машины и закрываю её с брелока. Перехожу дорогу к бизнес — центру, стараясь не упустить из вида Стеллу. Пройдя небольшое расстояние налево от входа, она стремительно направляется к металлической двери, расположенной с торца здания. Видимо, это вход в подземную парковку. Почему она, интересно, не воспользовалась лифтом в

здании, чтобы спустить сюда? Странно.

Я ускоряю свой шаг, иначе, если Стелла зайдёт и дверь захлопнется, то я упущу шанс закончить наш разговор. А мне это совсем не нужно. Боже, я чувствую себя каким-то преследователем, сошедшим с экрана кино, который выслеживает свою жертву.

Это мысль заставляет меня немного улыбнуться, вот только эта улыбка не такая уж и радостная.

Стелла открывает магнитным ключом дверь и заходит, широко ее распахнув. Я перехожу на бег и успеваю схватиться за ручку двери, которая не закрывается. Успел.

Ступив в помещение парковки с приглушенным освещением, я слышу раздающийся по периметру отчетливый и громкий стук каблуков Стеллы.

Я лавирую между рядами припаркованных машин, пытаюсь не выпустить из виду Стеллу, которая стремительно подходит к своей черной «Ауди А6». Должен признать, у этой умопомрачительной женщины отличный вкус на машины. Я бы даже сказал — дерзкий и мужской, что мне в ней также очень нравится. Я ускоряю шаг и быстро приближаюсь к Стелле, хватая её за руку, чтобы остановить.

— Ааа, — вскрикивает она, резко обернувшись и замахнувшись на меня своей сумкой. — Николас, чёрт бы тебя побрал! — ругается она на меня. — Ты меня до чёртиков напугал!

— Уф, прости! В мои планы не входило тебя пугать, — защищаюсь я, выставив руки вперед.

— А что входило в твои планы? Вот так подкрасться ко мне на парковке и напасть? — смотрит она на меня недовольно и напугано. — У тебя стиль общения такой?

— Извини, я не нарочно, — оправдываюсь я.

Ну какой же я идиот! Ничего лучше не придумал, как напугать её. Она и так, похоже, не в восторге от моих действия, а я ещё все усугубляю. Придурок — вот мой диагноз, который словно бегущая строка отображается на моём лице.

— Нам нужно поговорить, — говорю я осторожно.

— Я же сказала, позвони мне завтра, — она ещё не сменила гнев на милость.

— Мне нужно *прямо сейчас* с тобой поговорить, — смотрю я на неё со всей серьезностью, какая у меня есть на данный момент. Она молчит и ничего не говорит в ответ, лишь смотрит на меня испуганно и ожидающе в то же время. Чего она боится?

Я не причиню ей зла.

Я быстро оглядываюсь по сторонам и замечаю, что вокруг нас никого нет, а значит можно сказать все, что вертится на языке, потому что свидетелей не будет. Я подхожу к Стелле максимально близко, но не касаюсь её. Она, тем не менее, прижимается спиной к машине, словно её напрягает столько близкое расстояние между нами.

— Что ты делаешь? — смотрит она на меня с сомнением, как будто я собираюсь наброситься на неё, но это не так. Я не повторю ту же самую ошибку.

— Просто подошел к тебе поближе, а то ты опять убежишь от меня, — пытаюсь я пошутить, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— То есть именно так по — твоему выглядит разговор? — пронзает она меня своими зелеными глазами. — Мне нужно немного личного пространства, — касается она рукой моей груди и немного отталкивает меня, а я послушно отхожу, не желая снова с ней конфликтовать. Я пришел не за этим.

— Я не хочу, чтобы ты опять сбежала от меня. От нашего разговора, — оправдываюсь я, хотя на самом деле я всё время хочу касаться её и чувствовать, что мне ещё так толком ни разу и не удалось. — Дай мне еще один шанс показать, что ты мне на самом деле нравишься. Пожалуйста?

Она лишь безмолвно кивает, смотря выжидающе.

Я никогда и ни о чём не просил и не умолял женщин. Никогда. Скорее, все было наоборот. Но сейчас мне было всё равно. Я был готов поступиться своими принципами, чтобы завоевать эту женщину. Мне нужно было пробить её броню, хоть по миллиметру в год, но мне было это нужно. Меня безумно к ней влекло, и я ничем не мог это объяснить. И поэтому я решил действовать так, как чувствую. Так, как подсказывает моё сердце, которое я отказывался слушать все последние годы. Но сейчас я больше не могу не слышать его настолько громкий крик, иначе оно может разорваться. Я чувствую, что Стеллу ко мне тянет, но она всячески пытается это отрицать. Но только почему, никак не пойму.

— Стелла, мы с тобой взрослые люди, — начал я. — Поэтому нет смысла бегать друг от друга и отмалчиваться. Почему ты меня отталкиваешь? Неужели я тебе настолько неприятен? — возмущение и смятение наполняют мои слова.

— Нет, дело не в этом, — вздыхает она, словно груз тяжести на ее плечах, тяготящий ее. — Тебе не понять, почему всё происходит именно так, — спокойно говорит она.

— Тогда объясни, в чём дело? — выпытываю я, а в её глазах проносится миллион сомнений. Похоже, она не знает, стоит ли быть со мной честной. Я хочу, чтобы она была честной, не смотря на то, чем правда может обернуться для меня.

— Мне не нужны отношения и обязательства, — честно признаётся она.

— Так, — только и смог сказать я, опарашенный этим маленьким, но весомым признанием. Хотя это не самое худшее, что я мог услышать. — И? — смотрю на неё вопросительно.

— И... по этой причине я считаю, что не вправе тебя обнадеживать, потому что отношения не для меня. Я не хочу потом причинять тебе боль и страдать сама. — Вау! Я такого ответа не ожидал. Как правило, такая точка зрения по большому счету у закоренелых холостяков, которым не нужны обязательства. Но от женщины я такого не ожидал. Практически все представительницы прекрасного пола поголовно хотят обязательств, замужества и крепкую семью с вросшими корнями в землю. Видимо, я далеко не всё знаю о женщинах.

— Стелла, я не маленький мальчик и не надо бояться и переживать за мои чувства. Если я что-то делаю в этой жизни, то, уж поверь мне, это вполне осознанный выбор и действия.

— Зачем тебе это? — спрашивает она. — Зачем?

— Ты мне нравишься, и я хочу проводить время с тобой, — признаюсь я, словно сегодня какой-то грёбаный вечер признаний. — Что в этом такого?

— Ничего, — ухмыляется она. — Я не уверена, что могу тебе дать то, чего возможно ты ожидаешь от меня.

— Просто позволь быть рядом с тобой. Без обязательств и обещаний, — чувствую себя мастером предложений. Кто такие вещи предлагает?

— Но..., - прикладываю я палец к её губам, не дав договорить.

— Никаких «но». Мы можем просто проводить время вместе, не давая никаких обещаний и ничего не прося взамен. Разве тебя это не устраивает? — заглядываю я ей в лицо, взяв её руками за предплечья. Я хочу, чтобы она почувствовала всю ту нежность и

страсть, что вызывает во мне. Она не отвечает, мучая меня своим молчанием.

— Стелла, скажи мне «да». Или если ничего не хочешь, то просто уезжай. Прямо сейчас. — Она медлит — ничего не говорит и не уезжает. Это мучительно — смотреть в её глаза, в которых со скоростью света проносятся эмоции всех мастей. Это невыносимо.

— Хорошо, — отвечает она едва слышно.

Я с облегчением поднимаю голову вверх, закрыв глаза, бросив небесам кроткое «Спасибо», и, кажется, слишком громко выдыхаю.

— Но...., - начинает она, вернув мое внимание себе. — Никаких обещаний и обязательств. Просто ты и я.

— Просто ты и я, — соглашаюсь я, отпрянув от неё и проведя руками по своим волосам.

— Боже, — закрывает она лицо руками, нервно хихикая. — Не могу себе представить, что у нас состоялся этот разговор. Это какая-то бессмыслица. На что мы подписываемся? Нормальные люди вообще подобные вещи обсуждают? — смотрит она на меня неуверенно, словно испуганная маленькая девочка.

— Поверь мне, в жизни некоторых случаются разговоры абсурднее нашего, — заверяю ее, давая понять, что в этом разговоре нет ничего особенного, и это в порядке вещей. — Это наша жизнь, Стелла, — акцентирую я внимание на её имени, медленно смакуя его. — Только нам решать, как ею распорядиться.

Я подхожу к ней ближе, плотно прижимая её спиной к водительской двери её автомобиля, и наваливаюсь на неё своим телом. Я беру её лицо в свои руки и говорю:

— Просто прими нас как данность. Не строй никаких планов и иллюзий. Пусть будем просто мы, как зима сменяет осень, а весна зиму, следуя по кругу, — распеваю я эти слова, увлекая нас в водоворот чувств и желаний.

— Я боюсь, что у меня ничего не выйдет....я не смогу тебе открыться, — тихо говорит она. — Я крайне закрытый человек и не горжусь этим.

— Я буду рядом и мне достаточно, чтобы ты просто была рядом со мной без каких-либо обещаний. Просто будь, — еще тише говорю я.

«Николас, ты стал долбаным романтиком», — толкует, заливаясь смехом, мой внутренний голос. Но я его посылаю куда подальше и накрываю губы Стеллы своими, нежно и не торопясь раскрывая ее сладкие губы своим языком, и весь мир замирает вокруг нас. Вся Вселенная останавливается, наблюдая за нами. Её губы такие мягкие и приятные, мне не хочется с ними расставаться ни на секунду.

Наш поцелуй дарит мне столько удовольствия, и я понимаю: я не смог бы вытерпеть её отказа. Я поехал бы за ней, если бы она промолчала и уехала, даже если бы при этом выставил себя полнейшим идиотом.

Она не может отрицать, что что-то чувствует, потому что её губы говорят об обратном, отвечая на мой поцелуй. Ее руки говорят об обратном, поглаживая мою спину и притягивая меня ближе к себе, обхватывая мою шею. Ее вздымающаяся грудь и сбивчивое дыхание тоже тому подтверждение.

Я прерываю наш поцелуй, и мы соприкасаемся лбами. Стелла закусывает нижнюю губу и проводит по ней пальцами, будто желает кожей почувствовать следы наших поцелуев.

— Боже, Стелла, я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя в пабе с Патриком. — Мы все еще соприкасаемся лбами, при этом я не открываю глаза, стыдясь своей искренности. Никогда, никогда прежде я не открывался женщине, которую едва знал, но я желаю быть рядом с ней как ни с кем другим. — Лучше бы мне выкололи глаза, как я не хотел этого

видеть. А когда ты меня оттолкнула, я был вне себя. — Я открываю глаза, смотрю на нее, глядя по длинным волосам. — Кто он для тебя?

— Я же сказала тебе, что мы партнеры по бизнесу и просто друзья, — едва слышно и еще слегка задыхаясь, говорит она.

— И ты ему доверяешь? — я, конечно же, все еще сомневаюсь в искренних намерениях этого блондинчика.

— Да, доверяю. Он это заслужил своими действиями, — проводит она пальцами по моей щетине, даря тепло своих рук моей коже.

— Тогда поклянись, что если он переступит вашу дружескую черту, ты скажешь мне, и я всё улажу, — беру я её руку, которой она гладила мою щеку, и целую её ладонь.

— Не переступит, — заверяет она меня. — Мы давно с Патриком разобрались в этом плане.

И я почему-то поверил ей. Впервые за восемь лет я поверил женщине. Впервые, с тех пор, как моя личная жизнь в одночасье рухнула и разбилась на мелкие кусочки.

Глава 17. Ветер перемен

Стелла

Два года назад

Я всегда с удовольствием хожу на работу, потому что моё дело приносит мне радость. Кафе — пекарня «Vanilla Mama» — это моё детище. Я долго шла к тому, чтобы организовать свой маленький бизнес в сфере кулинарии. И наконец-то, мне это удалось. Хотя начало было вынужденным и очень тяжёлым испытанием для меня, тем не менее, мои труды стали приносить плоды. Количество посетителей и покупателей росло с каждым днём, потому что слава нашего маленького бренда разрасталась с огромной скоростью. Заказов было огромное количество, и мы едва справлялись. Я начала подумывать о расширении помещения, либо об открытии второго кафе в одном из соседних городков, или в самом Коутсвилле.

Даже если бы мой бизнес не расширялся, а топтался на одном, но тихом и уютном месте, я всё равно бы его любила, потому что всю себя вложила в это дело.

— Ребята, все м доброе утро, — кричу я, влетая с сумасшедшей скоростью в кафе. И это весьма обоснованно, потому что сегодня у нас ожидается «День открытых дверей».

Наверное, это звучит немного ст аромодно, но так оно и есть. Сегодня у нас ожидается море посетителей, потому что мы будем представлять на дегустации наши новинки — выпечку по новым раздобытым мною, а также придуманным нашей маленькой, но дружной командой, рецептам.

Если честно, часть из них очень необычны, поэтому я дьявольски волнуюсь. Во-первых, мы придумали м ини — пироги на палочке с разными несладкими начинками, которые можно есть, не пачкая руки. Эта новинка для тех, кто любит выпечку, но не сладкую. Для сладкоежек мы припасли другой сюрприз: мини — тортики на палочке, которые уже повсеместно расп ространены в больших мегаполисах нашей огромной страны. Но, я не любила повторяться или воплощать в жизнь чужие идеи, поэтому наши новинки будут готовиться по индивидуальным рецептам, то есть по желанию клиента, учитывая его вкусовые предпочтения. На первый взгляд — это непросто и замысловато, но с другой

стороны, у нас есть отличный кондитер, специализирующийся на этом виде десертов. Я рада, что Коди появился в нашем коллективе, хотя был вынужден переехать в Коутсвилл из Сан-Франциско. Для Коди так сложились обстоятельства, а мне безумно в этих обстоятельствах с ним повезло.

Готовясь к сегодняшней ярмарке вкусов, мы молниеносно наполняли подносы угощениями в миниатюрных версиях для дегустации. Мне доставляло удовольствие украшать всякими мелочами наши новоиспеченные шедевры. В их создание была вложена вся наша любовь и страсть к выпечке.

Я рада, что для нашего городка это большое событие. А самое главное, что это именно я организатор всей этой суеты. Выпечка и общение с людьми — это у меня всегда получалось на ура.

По периметру кафе были расставлены столы с пробными образцами нашей выпечки в мини — версии, которые можно было попробовать совершенно бесплатно, после чего была возможность любую выпечку приобрести уже за деньги.

Я смотрю на часы и понимаю, что уже через пять минут открытие, и около нашего заведения стали скапливаться люди. Слава Богу, почти всё готово.

— Ребята, готовность номер один — через пять минут мы открываемся, — подбадриваю я своих сотрудников и, подходя к столу каждого го, смотрю на подготовленные шедевры.

— Боже, какая прелесть! — восклицаю я, восхищаясь всей этой красотой. — Коди, ты не перестаёшь меня удивлять, — хлопаю я его одобрительно по спине.

— Сам восхищаюсь своими талантами, — весело усмехается он.

— Не зазнайся, — смеюсь в ответ, грозя ему пальцем. — Всё, ребята. Мы открываемся, — говорю я и направляюсь на выход, где приличное количество людей пытаются разглядеть через широкие ставни, что же мы приготовили.

Распахнув массивные в ходные двери, я говорю:

— Добро пожаловать в «Vanilla Mama»! — и улыбка расплывается на моём лице, потому что моему счастью нет предела.

За прошедшие несколько часов мы приняли такое количество гостей, что я сбилась со счёта. Мы раздали, наверное, тысячу дегустационных образцов, при этом заказов после этого было ещё больше, и мы едва справлялись. Я радовалась и умирала от этого одновременно.

Расставляя новую партию пробных мини-тортиков, я слышу беседу мужских голосов:

— Для провинциальной пекарни просто высший класс! — восхищается мужской голос. Надо заметить, весьма приятный.

— Согласен, — вторит ему другой. Что это за важные птицы обсуждают мои труды? Очень любопытно, но я слишком занята, чтобы посмотреть на этих собеседников.

— Ох, просто объеденье... эти мини — тортики, — говорит первый голос. — Невозможно оторваться, ничего лучше не ел.

Ну, кто же это?

Я не выдерживаю и выхожу из кафе, чтобы увидеть двух сногшибательно привлекательных мужчин. Выглянув, я обнаруживаю, что раньше их не видела.

Они оба оборачиваются и смотрят в упор на меня, я же им улыбаюсь в ответ. Мы переглядываемся, но не говорим ни слова. Я отвожусь взгляд и ухожу, потому что мне становится неловко, что я вот так пялюсь на них. Наверное, заехали из соседнего городка,

почему — то делаю я вывод.

Надо признаться, что сегодня о нашей стряпне я получила уже массу восхищенных отзывов, обрамлённых в различные фразы и обогащенные пёстрыми эпитетами. Но с большинством гостей я была уже знакома, потому что мы жили в одном маленьком городке.

Отзывы незнакомцев меня затронули до глубины души, учитывая, что это мужчины, больше похожие на жителей мегаполиса, избалованных дорогими ресторанами и изысканными блюдами. Поэтому их слова были эликсиром для моих ушей.

День близится к закату, и силы на исходе. Мы поработали сегодня максимально продуктивно, и нет сил стоять на ногах. Я ещё долго размышляю, раскладывая заказы и приводя в порядок кассу, потому что мы готовы к закрытию, когда слышу голос, который уже сегодня слышала:

— А как можно поговорить с хозяином заведения? — поднимаю глаза и вижу перед собой од ного из тех двух незнакомцев. Очень привлекательный светловолосый мужчина с ярко-голубыми глазами. Он, конечно, хорош собой — весь такое дорогой и привлекательный, настоящий породистый самец.

— Что, простите? — говорю я, понимая, что не совсем расслышала его вопрос.

— Кто хозяин заведения? — повторяет он свой вопрос.

— А в ч ё м дело? Какие-то проблемы? — уточняю я.

— Вовсе нет, — говорит блондин. — У меня есть предложение, от которого просто невозможно отказаться.

— Правда? — удивленно восклицаю я. — Тогда я вся во внимании.

— Это вы? — говорит он, вздымая свои брови. — Не ожидал.

— Стелла Картер, к вашим услугам, — говорю я, стараясь выказать всю свою доброжелательность и деловито сложив руки на груди.

— Патрик Кендал, — протягивает он мне руку и одарив ает меня своей умопомрачительной улыбкой. — Я думаю, что это разговор не для посторонних ушей.

— Тогда пойдёмте в мой кабинет, — говорю я, предлагая ему следовать за мной.

* * *

— Привет, — говорю я, когда Джулия снимает трубку.

— Привет — привет. Ну и толкучка сегодня была у тебя в кафе, — констатирует она неоспоримый факт. — Поздравляю тебя с успехом, подруга.

— Спасибо, что т ы была со мной в этот день, — благодарю я ее. — Это было важно для меня.

— А куда бы я делась? — хихикает она. — Ты от меня не отделаешься, даже если очень захочешь.

— Что-то мне подсказывает, что именно так и есть! И вообще, з вучит как угроза, — подхватываю я ее смех.

— И даже больше, — не унимается Джулия.

— Ммм, — замолкаю я, не зная, как сообщить ей известия. — Джу лс, у меня у мо помрачительная новость, — заливаюсь я радостным смехом . — Аааа, — начинаю я вопить, потому что у меня сводит скулы от радости и неизведанности того, что меня ожидает .

— В ч ё м дело, Стел? — спрашивает она. — Ты прямо вся на взводе.

— Так и есть, уффф, — говор ю я, задыхаясь от собственных эмоций . — Ты не поверишь в то, что я тебе сейчас скажу.

— Ну же, не тян и — выкладывай, а то с ума сойду, — тараторит Джулия.

— Даже не знаю, с чего начать...

— Ты идёшь на свидание? — не дослушав, перебивает меня подруга. — Кто он?

— Вовсе нет, — прерываю ее я. — Почему сразу свидание? С чего ты взяла? — засыпаю я и о друге вопросами, потому что опять всплывает эта тема, и я не желаю об этом говорить. Не сейчас, когда моя жизнь более — менее стала налаживаться.

— Просто подумала, что может, ты приглянулась какому-нибудь красавчику, их был полно и... тебя могли пригласить на свидание, — заговорщически проговорила она.

— Так, стоп! — прерываю я ее. — Не я приглянулась, а мой бизнес, — выпаливаю я как на духу.

— Что? — спрашивает Джулия.

— Мне сегодня сделали предложение по бизнесу. Я надеюсь, что ты сидишь? — спрашиваю я подругу.

— В шикарном мягком кресле и вся во внимании, — заявляет она.

— Ты неисправима, — ухмыляюсь я. — В общем, сегодня нашу ярмарку посетил один бизнесмен из Филадельфии, которому очень понравилась наша продукция, и он предложил открыть под моим же брендом кафе-пекарню в Филадельфии. Ты можешь в это поверить?

— Вау! — удивляется подруга. — Я так рада за тебя. Вот только ему то что с этого?

— Ну, у него есть много денег, которые нужно куда — то вложить, чтобы они работали и приносили еще больше денег. Если кафе-пекарня приобретет популярность в Филадельфии, то можно будет организовать целую сеть в самой Филадельфии, а потом и во всём штате Пенсильвания, — излагаю я подробно суть предложения.

— Ничего себе! Это просто невероятно! — восхищенно восклицает Джулия. — Я надеюсь, что ты согласилась?

— Я пока не дала согласия, по обещав подумать и рассмотреть его предложение, потому что столько подводных камней во всём этом. Не знаю, как совместить такой крупный бизнес и свою жизнь. У меня же Райли, я должна о ней думать в первую очередь.

— Ничего не бойся, Стелла! Тебе нужно обязательно принять это предложение, иначе вдруг другой возможности может не быть. Ты же всегда этого хотела, — убеждает меня Джулия, а она умеет это делать.

— То, что я хотела, у меня уже есть. А это предложение выходит далеко за мои планы, — настаиваю я на своём.

Н а самом деле, я и рада, и в то же самое время растеряна. Мой маленький бизнес даёт мне всё необходимое — средства к существованию и является способом моего самовыражения. Готова ли я к большему?

— Решать тебе, подруга, — говорит Джулия. — Но я искренне верю, что ты справишься, и что этот человек не зря появился в твоей жизни, да ещё с таким предложением. Хватайся за него и ничего не бойся. В любом случае, что ты теряешь? — ставит она под сомнение мою неуверенность.

— Наверное, ничего, — мямлю я, потому что радость начала меня отпускать и куда-то улетучиваться, уступив место глупым сомнениям. — Я боюсь, что ничего не получится в Филли, и я вернусь к разбитому корыту. Я боюсь потерять свою дочь, если буду уделять ей недостаточно внимания, и потерять нашу связь как матери и дочери. Ты же знаешь, она всё, что у меня есть.

— Дорогая, не забывай, что ты очень хорошая мать — у тебя этого не отнять.

Никогда не забывай об этом. Думаю, что вряд ли это помешает твоему успеху в бизнесе, у тебя всё получится! — снова и снова Джулия вдалбливает эту истину в мою голову.

— Спасибо, что поддерживаешь меня, Джулс! — я искренне благодарна подруге за это.

— А как же иначе?

* * *

— Боже мой, поверить не могу, что сегодня открываем кафе, — говорю я, меряя шагами свой новый кабинет.

— А ты поверь, Стелла, это реальность, — говорит Патрик, облокотившись о спинку массивного кожаного кресла и наблюдая за моими метаниями по кабинету.

— Я так волнуюсь, словно в первый класс иду, — сжимаю руки в кулак и, пытаюсь не обращать внимания на свои вспотевшие ладони.

— Не переживай, всё будет отлично, — успокаивает он меня, широко улыбаясь. Я рада, что судьба свела меня с Патриком, потому что он не просто талантливый бизнесмен, но и к тому же очень позитивный и спокойный человек, вселяющий надежду на успех. Видимо, по этой причине у него всё и всегда получается, и все благодаря чертовски хорошему самообладанию.

— Ладно, пора идти, — говорю я, смотря на настенные часы.

Патрик выпрямляется во весь рост и подходит ко мне. Взяв меня за руки, он пристально смотрит на меня своими глазами цвета неба и говорит:

— Всё будет хорошо, — разделяя каждое слово. И я ему верю.

* * *

— Знаешь, я словно в сказке оказалась, — говорю я Патрику, когда мы идём в мой кабинет после закрытия кафе. — Я не ожидала, что будет столько народу! — Восклицаю я, как маленький удивленный ребёнок.

— А я знал, что так и будет, — идёт он уверенной походкой рядом со мной, закинув пиджак своего безупречного костюма на плечо.

— Откуда? — смеюсь я и толкаю его локтём в бок.

— Это всё его проделки, — лучезарно улыбаясь, тычет он указательным пальцем в потолок, имея в виду Всевышнего.

— Неужели? — делаю удивлённое выражение лица.

— Абсолютно, и плюс твои таланты, — обольстительно он смотрит на меня. Я ничего не говорю, а просто смущённо улыбаюсь ему в ответ.

Мы молча поднимаемся по лестнице на второй этаж. Мои ноги так устали целый день бегать на этих высоких шпильках, что, кажется, распухли и стали на два размера больше. Я понимаю, что больше не смогу пройти ни метра, иначе просто упаду.

Остановившись на середине лестницы, я снимаю одну туфлю. Когда я тянусь, чтобы снять вторую, то теряю равновесие и понимаю, что сейчас распластаться прямо на лестнице и что-нибудь себе сломаю. Но неожиданно меня подхватывает Патрик, не дав упасть. Несколько секунд помедлив, он разворачивает меня лицом к себе и прижимает к своему телу вплотную, прожигая меня пронзительными голубыми глазами. Он смотрит то мне в глаза, то переводит взгляд на мои губы.

От его идеального мужественного тела исходит тепло, от которого мне становится комфортно и уютно. Я понимаю, что он хочет выказать этим же стом, но не могу ему

ответить в за и м ностью . Я чувствую, словно попала в объятия своего брата, который хочет меня защитить. У меня ничего не ёкает от его прикосновений, не смотря на то, что Патрик во всех смыслах потрясающий мужчина. Красивый, умный, обходительный и, к тому же, очень состоятельный. Но для меня он только друг или брат. Или то и другое вместе.

— Никогда больше так не делай, — говорю я, нарушая наше молчание.

— Почему? — едва слышно спрашивает он, не отрываясь от меня.

— Просто потому, что я тебя прошу об этом, — говорю я со всей серьёзностью.

— А если я не послушаюсь? — говорит он.

— Тогда пеняй на себя, — пытаюсь я перевести всё в шутку, но ни один мускул на его лице даже не дрогнул.

— Ты мне нравишься, Стелла. Дай мне шанс — сходи со мной на свидание. — У меня в прямом смысле чуть не отпала челюсть прямо до земли. Какого чёрта?

— Не надо, Патрик, — едва я собираюсь с мыслями, чтобы возразить ему. — Не усложняй всё, прошу тебя. Мы можем быть только друзьями, но не более того. Так я решила, — объясняю я ему.

— А вдруг я когда-нибудь смогу растопить твоё ледяное сердце? — пристально смотрит он мне в глаза, и е отпуская, словно хочет припечатать к себе и зацеловать до потери пульса. Об этом говорит его голодный взгляд.

— Ты мой друг и соратник, и я не хочу ничего портить, меня вс ё устраивает, — продолжаю я.

— А если я не хочу быть твоим другом? — его брови вопросительно взлетают вверх.

— Ты можешь быть моим другом, и я обещаю тебе самую преданную дружбу на свете. Но также, ты можешь не быть моим другом, а просто оставаться партнёром по бизнесу. Выбор за тобой, — высвобождаюсь я из его объятий и пытаюсь собраться в кучу, чтобы как-то закончить этот разговор.

— У меня нет выбора, — говорит он, усмехаясь и качая головой, словно не вер я в происход ящее. — Боже, не могу в это поверить. У меня нет выбора! — вновь повторяет он. — Поэтому я согласен на всё — быть другом или братом, главное, чтобы ты была частью моей жизни.

— Обещаю, что буду, только не переступай черту, — беру я его за руку, чтобы выказать всё своё доверие к нему.

— Обещаю, Стел, — губы Пат рика изображают грустную улыбку, потому что я не оставила ему свободы выбора в наших взаимоотношениях.

Глава 18. На показ

Николас

— Ты выглядишь просто сногшибательно, — говорю я Стелле вместо приветствия, когда она подходит к автомобилю. Сегодня на ней простое чёрное платье с высоким горлом, которое облегает её стройную фигуру и подчеркивает аппетитные формы. Оно без рукавов и открывает плечи. Её бархатистая кожа мерцает под вечерним освещением, шикарные волосы собраны, но лицо обрамляют выпущенные пряди. Я мог бы ею любоваться вечно — этой

сдержанной, сексуальной элегантностью, такой манящей и зовущей меня.

— Спасибо, ты тоже ничего, — прерывает она мои мысли, хитро улыбаясь. Я открываю ей дверь, и она усаживается на пассажирское сиденье. Я, захлопнув дверь с её стороны, оббегаю машину и сажусь за руль.

Удобно устроившись и пристегнув ремень безопасности, я поворачиваюсь к Стелле, беру её руку в свою и прижимаю к ней своими губами, запечатлеваю лёгкий поцелуй и вдыхая аромат её парфюма — свежий, приятный и обворожительный, такой же, как она сама.

— Может, нам не стоит никуда ехать? А то боюсь, что тебя украдут, — шепчу я, заворожённый её красотой.

— Шутишь? Я сто лет не была на выставках, а ты хочешь меня этого лишить? — изучает она меня вопросительно своими зелёными глазами.

— Вот так всегда, — тяжело вздыхаю я и отпускаю её руку, демонстрируя обиду. — Ладно, поехали.

Я завожу машину и выезжаю с парковки, направляясь в только что открывшуюся галерею моего приятеля Алехандро Флореса. Получив медицинское образование, он пару лет помучил себя практикой, открыв свой кабинет, но после решил уйти и заняться творчеством. Это на самом деле было его призванием, потому что работы Алехандро просто восхитительны. Его картины необычны, современны и в то же самое время целомудренные, несущие в себе какой-то тайный смысл — для каждого свой. Этим они и были прекрасны.

Когда я рассказал Стелле об открытии галереи, то она сразу же уцепилась за возможность посетить первую выставку. Как оказалась, она большая поклонница современного искусства. Я был рад этому, потому что сам с детства увлекался живописью, хоть я не умею рисовать, да к тому же у меня не было возможности посещать выставки и музеи.

Зато в студенческие годы я наверстал с лихвой всё упущенное, частенько пропадая в Музее искусства Филадельфии, где впервые я побывал вместе с Алехандро. А потом мы водили туда девчонок на свидания. Глупо было, но мы — юнцы — пытались выглядеть интеллигентами.

Спустя десять минут мы заходим в галерею, и нас со Стеллой поражает то, насколько помещение светлое и просторное. Белые стены и глянцевые потолки создают эффект нескончаемого пространства, словно внутри полностью отсутствуют зримые разделители.

Стены украшают работы Алехандро — яркие пятна в этом стерильно белом помещении. Каждая картина, наполненная разными красками и необычными силуэтами, обрамлена в плоский багет белого цвета. По всему периметру стоят узкие, но высокие белые тумбы, на которых размещены прозрачные вазы, наполненные яркими букетами цветов — кроваво-красных, розовых, фиолетовых, жёлтых, голубых.

— Боже, как здесь всё стильно оформлено, — восхищается Стелла. — А картины безумно интересные и необычные. Мне потребуется целая вечность, чтобы полюбоваться и разглядеть каждую.

— Согласен, — киваю я. — Только не забудь про меня, милая, — обнимаю её за талию и едва касаюсь губами виска. — Ты затмеваешь всю красоту, поверь, — говорю я восхищенно ей на ухо и замечаю, как лёгкий румянец появляется на её щеках.

Она смотрит на меня довольными и смущёнными глазами.

— Тогда любуйся сегодня только мной.

— Что я и делаю, — отвечаю, довольный её предложением.

— Или просто стой рядом и любуйся картинами, собственно, зачем мы сюда и пришли, — переводит она своё внимание на картину перед нами.

— Первый вариант мне больше подходит, — хитро я улыбаюсь. Она, в свою очередь, легонько толкает меня локтём в бок, тихо посмеиваясь.

— Не хочешь что-нибудь выпить? — спрашиваю я, ища глазами официанта, после перевожу взгляд на Стеллу.

— Наверное, — пожимает она плечами.

— Может, шампанского? — предлагаю я. Она согласно кивает мне в ответ.

— Тогда оставлю тебя ненадолго, — говорю я и иду, чтобы найти официанта и взять шампанское своей прекрасной спутнице и себе.

* * *

Мне, безусловно, нравится этот вечер, хотя бы по одной простой причине — я его провожу со Стеллой. Она одаривает меня своей красотой, очарованием и вниманием. Хотя, надо признать, она ко мне более холодна, нежели я к ней. Скорее всего, она просто открыто не демонстрирует свои истинные чувства. По крайней мере, я знаю, что не безразличен ей, и это успокаивает и греет мою душу. Иначе, зачем она здесь со мной?

На протяжении пары часов мы со Стеллой смотрели работы моего приятеля, пили шампанское и живо обсуждали картины, которые были перед нашими глазами. Любовь к живописи немного сблизила нас сегодня вечером.

Конечно же, я представил Стеллу своему приятелю Алехандро как свою спутницу и подругу, а как уж он понял всё на самом деле, меня меньше всего волнует. Это только между мной и Стеллой, и больше никого не касается.

Мне пришлось ненадолго оставить Стеллу, чтобы обсудить с глазу на глаз несколько важных вопросов с Алехандро — в его кабинете, без посторонних глаз и ушей. Быстро закончив разговор с приятелем, я решил найти свою прекрасную спутницу. Я не хотел, чтобы она заскучала или, тем более, убежала раньше времени без меня. Обойдя половину выставки, я нашел её рассматривающей одну из картин из серии «Женщины и краски».

Стелла внимательно рассматривала одну из картин, на которой был изображен профиль женщины с огненными волосами, обращенный к небу. К выгнутой шее изображенной огненной женщины приникли губы брутального мужчины, руки которого обвивали её голову, а её руки касались его мускулистой спины. Их тела были нарисованы крупными мазками разных цветов, что создавало иллюзию, словно эти два тела созданы из разных предметов и составляющих.

Задумчиво разглядывая картину, Стелла маленькими глотками потягивала шампанское из бокала в своей руке.

Я сегодня немало выпил бокалов, стараясь не думать о том, что Стелла рядом со мной и никуда не убежит, даже если не подпустит слишком близко. Эта мысль искушала и пьянила меня. А прямо сейчас, завороченный этой картиной и этой женщиной, я понимал, что горю от желания обладать ею.

«Да, старик. Искусство и алкоголь ударили тебе в голову», — смеётся надо мной мой разум.

Эта женщина действовала на меня словно опий, дурманя и застилая пеленой мой разум, лишая возможности думать о чём — либо. Все мои мысли были лишь о ней.

Я тихой поступью подхожу к Стелле со спины, беру её за руку и разворачиваю медленно к себе. Я чувствую, как её тело затрепетало, но ее глаза настолько прекрасны и невинны, что

мне становиться стыдно и совестно пожирать её своими голодными глазами. Потому что я действительно голоден, и мой голод зовётся «Стелла».

— Пойдем, я тебе что-то покажу, — говорю я ей на ухо. Она ничего не отвечает, а просто согласно кивает. Я веду её по галерее, сам не знаю, что ей собираюсь показать и, пытаюсь прямо на ходу придумать какой-то план действий.

Мне просто нужно уединиться с ней, поэтому я решаю, что нужно найти потаенный уголок, где бы нас никто не заметил. Заметив один из них, я делаю два шага назад, ступая в темноту, и увлекаю за собой Стеллу. Оказавшись вдалеке от посторонних глаз, я разворачиваю Стеллу лицом к себе и прижимаю её спиной к стене, надвигаясь на нее, словно тень. Мы оказываемся в темноте, лишь лёгкая светотень пробирается к нам, но не выдаёт нашего присутствия в этом закутке.

Не теряя ни секунды, я обхватываю её лицо руками и провожу большим пальцем по её губам. Она молчит и лишь выпускает едва различимый стон. Я впиваюсь в её губы, не спрашивая разрешения, потому что мне безумно хочется её целовать, и она не отталкивает меня.

Её губы вкуса шампанского и шоколада, которые я хочу ощутить ещё сильнее, поэтому углубляю наш поцелуй, пробираясь сквозь её сладкие губы, и она мне отвечает. Мы целуемся страстно и неистово, словно у нас могут отобрать этот момент — каждую секунду.

Стелла обхватывает меня руками за шею, а я ещё сильнее прижимаюсь к ней своим телом, сообщая о своем желании обладать ею прямо здесь и сейчас. Хотя я понимаю, что этого не произойдёт. Увы. Но у нас есть этот поцелуй, и мы теряемся в нем всё сильнее и глубже, пока не слышатся приближающиеся к нам шаги. Я вынужденно отрываюсь от неё, чтобы не поставить, прежде всего, её в неудобное и глупое положение.

В темноте я различаю, что глаза Стеллы закрыты, и она едва дышит. Я чувствую то же самое, поэтому обхватываю её голову руками и начинаю осыпать её короткими поцелуями, покрывая ими её щеки, губы, лоб — каждый кусочек ее кожи, который мне открывается.

Она тяжело дышит, но не просит прекратить. Это для меня словно зеленый сигнал светофора, означающий её податливость мне. Или как минимум желание быть со мной, а не бежать без оглядки.

— Наверное, нам стоит вернуться в галерею, — говорю я Стелле, когда она открывает глаза и сжимает свои распухшие от поцелуев губы. — А то я за себя не ручаюсь, — честно признаюсь я ей.

Уголки её губ поднимаются, расплываясь в довольной улыбке.

— Я тоже, — говорит она, быстро притягивая меня к себе и целуя быстро, но страстно. После она берёт меня за руку и, выглянув из закутка, где мы находимся, тянет меня и заставляет тем самым выйти на свет.

— Идём! — говорит она.

Я подчиняюсь ей, потому что не могу сопротивляться, как бы сильно мне не хотелось остаться с ней наедине.

* * *

Ещё примерно около получаса мы находимся в галерее и поздравляем Алехандро с успешным открытием, потому что большая часть картин была куплена и ждала своего часа, чтобы отправиться к новоиспеченным владельцам.

— Как ты посмотришь, если мы поедем ко мне? — спрашиваю я Стеллу, когда мы уже простились с моим приятелем и идём на выход. — У меня есть бутылочка хорошего

шампанского.

— Не стоит, — говорит она тихо. — К тому же, шампанского на сегодня уже хватит.

— Что-то первая причина меня не очень убедила, — настраиваю её на положительную волну.

— Николас, перестань. Ты же знаешь, чем это закончится, — она смотрит на меня так, будто всю жизнь училась противоречить другим.

— Если я тебя приглашаю на шампанское, то это не равняется горячему сексу в моей постели, — от моих слов у Стеллы открывается рот, но она не говорит и слова. — В чём проблема, Стелла? Я хочу провести с тобой вечер, и мне бы хотелось сделать это у себя дома — в более непринуждённой обстановке, ведь в ресторане или баре уже не то.

— Конечно, там нет кровати, — подкалывает она меня, иначе не скажешь.

— Обещаю, что и на шаг не подпущу тебя к спальне, — восклицаю я. И я на самом деле намерен сдержать своё обещание, чего бы мне это не стоило. — Хотя знаешь для некоторых людей спальня и кровать необязательные составляющие хорошего секса, — заверяю я её тоном знатока.

— Угу, — мычит она. — Тебе ли не знать.

— Ну, спасибо на добром слове, — отвечаю я, уличённый в своих похождениях. — Подумай, тебя же это ни к чему не обязывает. Просто поболтаем, выпьем и по домам.

— Не знаю, — обдумывает она моё предложение, потому что её лицо выдает наличие у неё сомнений.

— Решайся, угрюмая, — поддеваю я её, высмеивая чересчур напористый нрав.

— Как ты меня назвал? — тыкает она в меня пальцем.

— Соглашайся, другого шанса не будет — больше не приглашу, — так-так, перехожу на шантаж. — Ну?

— Чёрт с тобой, согласна, — говорит она, качая головой, словно сама не веря своим словам. — Зачем мне все это?

Я не отвечаю на её вопрос, а просто беру за руку и веду её к такси. Я чётко знаю, что после выпитого не должен садиться за руль. Я привык следовать правилам везде и во всём.

Внутренне я весь ликую, потому что когда Стелла согласилась поехать со мной, я одержал свою вторую маленькую победу.

Глава 19. Решись

Стелла

Признаться честно, мне было до жути интересно попасть в холостяцкую берлогу Николаса и посмотреть, как он живёт. Мне почему-то казалось, что побывав в его квартире, я смогу узнать, какой он человек. Хотя бы немного. Я, конечно же, не собиралась лезть в его жизнь и вносить какие-то коррективы по той простой причине, что мы решили не пересекать черту личного. Хотя это, наверное, очень глупо, потому что наши отношения, так или иначе, носят личный характер и переступить черту, за которой находится сокровенное каждого из нас, чем мы не хотим делиться, очень просто. Ох, не знаю, сможем ли мы оба сдержать это обещание, потому что эта грань очень тонка, и мы ступили с Николасом на тонкое лезвие ножа.

— Пока осматривайся, а я принесу шампанское и бокалы, — говорит Николас, оставляя

меня одну в просторной гостиной. Я ничего не успеваю ответить, а только смотрю ему вслед, когда он выходит из комнаты. У меня закрадывается мысль, как много женщин уже побывало в его квартире за так называемым бокалом шампанского, но я отгоняю эти рассуждения, понимая, что он не монах и до меня у него была личная жизнь и отношения. Я не вправе его ревновать к прошлому, тем более, попрекать им. Такого права у меня нет и не будет, а даже если было бы, то это выглядело крайне странно — словно ревновать к стене в квартире, в которой он жил до встречи со мной.

Его квартира поражает меня в хорошем смысле — в обстановке нет и намека на беспорядок. Она не стерильная, но в то же время убранная, и в ней царит запах свежести. Хотя каждая деталь интерьера говорит о том, что здесь живёт одинокий мужчина, тем не менее, находиться здесь приятно и уютно.

В дальнем конце гостиной, у красно-коричневой кирпичной стены, я нахожу огромный угловой диван тёмно — коричневого цвета. Подойдя ближе, мне удаётся разглядеть, что стена не кирпичная, а лишь отделана декоративной плиткой под кирпич. На ней висит картина в чёрно-белых тонах, словно нарисованная карандашом. Про себя я отмечаю, что вероятно это работа Алехандро, очень сюжет похож на его работы, хотя исполнение совсем другое. Я просто бесповоротно влюблена в его стиль и в его творения.

Рассмотрев картину, я поворачиваюсь и падаю спиной в мягкие объятия этого божественно удобного дивана, раскинув руки в стороны, пока Николас меня не видит. Улыбнувшись своей мысли о том, как мне не хочется расставаться с его уютными лапищами, я озаряюсь по сторонам. Слева от дивана моё внимание привлекают два огромных окна, с видом на ночную Филадельфию. Как же я люблю подобные городские пейзажи, любовалась бы ими вечно. Вероятно, в дневное время всё помещение гостиной заполнено светом, потому что эти два огромных окна занимают почти всю стену. Я очень люблю просторные и хорошо освещенные помещения, в которых так и хочется купаться в свете солнечных лучей.

Между окнами стену украшают встроенные полки из тёмно-коричневого дерева с различными декоративными предметами, среди которых я замечаю рамки с фотографиями. Я поднимаюсь с дивана, желая лучше их рассмотреть. Меня привлекает одна из них, с которой на меня смотрит совсем другой Николас, которого я сначала даже не узнала. Я беру рамку в руки и подношу ближе, чтобы не упустить ни одну деталь.

На фотографии изображен профиль Николаса, повернутый вполборота. Он смотрит исподлобья своим пристальным взглядом. Его волосы длиннее, чем сейчас, и на лице легкая небритость, но выглядит он очень молодо. Я бы сказала, что здесь ему не больше двадцати пяти лет. Его торс и руки обнажены, но через шею перекинута смятая белая рубашка. На этой фотографии я вижу взгляд молодого и грустного парня, словно ему сильно насолили или обидели, но он это пытается тщательно скрыть, разъядая фотографа пронзительным взглядом. Крича своими темно-синими глазами: «Не трогай, а то я тебе крепко врежу».

В принципе, он ничуть не изменился. Он по-прежнему такой же привлекательный, пробивной и настойчивый, как на этом фото. Наверное, именно этим он меня зацепил.

— Я здесь совсем еще юнец, — говорит Николас, прерывая мои мысли.

Я вздрагиваю, испугавшись его внезапного появления, и практически роняю из рук рамку с фото.

— Хорошая фотография, — говорю я первое, что приходит мне в голову, и быстрым движением ставлю рамку на полку.

— Спасибо, — он смущённо улыбается, будто не ждал моей похвалы. — Я, на самом

деле, не очень фотогеничен, просто меня удачно подловили в не очень удачный день, — объясняет он, подтверждая мои догадки.

— Тогда зачем ты хранишь её? — спрашиваю, потому что мне на самом деле интересно знать, зачем он поставил фото на виду, если оно вызывает неприятные воспоминания. Люди всегда избегают неприятных моментов прошлого, не желая сталкиваться с ними вновь, не говоря уже о выставлении напоказ другим.

— Чтобы помнить, — говорит он, сглатывая, и опускает глаза вниз, избегая зрительного контакта.

— Что помнить? — неуверенно спрашиваю я, не желая его обидеть или причинить ему боль. Вряд ли он захочет отвечать.

— Что любые отношения, даже идеальные на первый взгляд, совсем неидеальны, — поднимает он на меня глаза, в которых, мне кажется, я вижу боль, и она поражает меня, словно молния. Значит, в его жизни всё далеко не так просто, как мне могло показаться. Вот только что всё это значит? Что означают его слова? Я в смятении, ведь не знаю, что и думать. Но я не собираюсь развивать эту тему и спрашивать, почему он хочет помнить. Почему не хочет забыть?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Прости, — выдыхаю едва слышно. — Я не хотела...

— Всё нормально, — не даёт он мне договорить до конца. — Всё нормально.

Но так ли это на самом деле? Его погрустневшие глаза говорят мне обратное, хоть он и пытается улыбнуться. Это игра, а улыбка — всего лишь красивая маска на искаженном болью лице.

Однако, я должна отпустить эти мысли, потому что дала себе обещания не копать в его прошлом и в личном. Ведь я сама не готова и не хочу полностью открывать ему свою подноготную, поэтому я должна играть честно.

Я беру бокал шампанского из рук Николаса.

— Как у тебя настроение? — тянется он своим бокалом к моему, заставляя их соприкоснуться и слегка зазвенеть.

Я пожимаю плечами, подбирая правильные слова.

— Спасибо тебе за сегодняшний вечер, — кручу я бокал в своих руках.

— Не за что. Я правда надеюсь, что тебе понравился наш вечер и выставка, — говорит он с надеждой в голосе.

— И ты, — нерешительно произношу я. Мне показалось, что Николас смутился, и мне при этом очень неловко. Я хочу быть откровенной с ним, но в то же самое время каждый раз боюсь его реакции.

— Что.... ты имеешь в виду? — заикаясь, спрашивает он.

— Ну..., - начала мямлить я, не в силах подобрать нужные слова, чтобы не выставить себя полной идиоткой. — Мне было комфортно с тобой и очень хорошо, — откровенничаю я.

— Разве ты не этого ожидала? — искренне удивляется он.

— Я вообще не строю никаких иллюзий по поводу нас с тобой, — признаюсь я. — Просто считаю, что даже если между людьми есть симпатия, им не всегда бывает просто на первых порах. Тем более, наши с тобой отношения с самого начала очень... странные, — нервно усмехаюсь я.

— Странные? — теперь на его лице появляется широченная улыбка, которая с первого

взгляда сразила меня наповал. Она такая красивая и обезоруживающая, просто невозможно держать свои мысли в порядке.

— Ты так не думаешь? — неужели только я одна считаю наши отношения не то, чтобы странными, а весьма нетипичными. В них столько борьбы и сопротивления. По крайней мере, для меня. Я вынуждена каждую минуту своей жизни бороться за что-то или сама с собой.

— Возможно, — говорит он. — Но ты хотя бы перестала меня избегать, это уже радует. Я театрално надуваю губы, пытаюсь выказать свою обиду, хотя Николас во всём прав. Мне нравится, что мы разговариваем откровенно, и это частично облегчает задачу, хотя иногда мне это даётся с трудом.

— У тебя очень уютно, — говорю я Николасу, желая сменить тему разговора.

— Наверное, — пожимает он плечами. — Особо не задумывался над этим. Старался обставить квартиру так, чтобы мне было комфортно, — обводит он гостиную рукой. — Ничего лишнего, сама видишь.

— Вижу, — соглашаюсь я и иду к дивану, стораю от желания присесть. Мои ноги отваливались от усталости. Николас устраивается рядом со мной, оставляя между нами небольшое расстояние.

— Какой у тебя шикарный диван, я бы осталась на нём жить, будь моя воля..., — шепчу я от удовольствия. Так не хочется никуда вставать и идти, но нужно домой.

— Так не уходи! — говорит Николас.

— Ты играешь нечестно, — прищуриваю я глаза, указывая пальцем на Николаса. — Еще час назад ты пел совсем по-другому.

Николас начинает хохотать в голос, запрокинув голову назад.

— Ты неисправима.

— Также как и ты, между прочим, — спорю я с ним.

— Иди ко мне, — говорит он, притягивая меня к себе и нежно обвивая своими мощными руками. В объятиях Николаса мне спокойно и уютно, и в то же самое время меня будоражат его прикосновения, оставляя легкое покалывание на моей коже. Меня к нему тянет, и я не властна над своими чувствами. Мне крайне тяжело ему сопротивляться, и сейчас я не хочу никакой борьбы.

— Останься сегодня со мной, — шепчет Ник мне на ухо, прижав плотнее к себе и утопив меня в своих крепких, но нежных объятиях. Нет, он не пытается меня поцеловать или к чему-то принудить. Просто мягко и нежно обнимает, словно любимый плед, в который хочется закутаться и утонуть.

— Я не знаю, что тебе ответить, — честно признаюсь я. — Должна ли я...

— Ничего не будет, — говорит он, прерывая мои сомнения. — Я просто хочу быть с тобой рядом этой ночью, — продолжает он меня уговаривать, а я почти готова согласиться.

— Я не могу оставить Райли, — меня начинает мучить совесть. — Она не уснет без меня, — и видит Бог, что это сущая правда.

— Но она же не одна, а с няней, — напоминает мне Николас. — Разве она никогда не оставалась с няней на ночь?

— Оставалась, — подтверждаю я его догадки. — Когда я работала ночами. — Раньше случалось, что на работе был полный завал, когда мой бизнес только развивался. Мне приходилось работать ночами, и не было возможности вырваться домой. Темп был бешеный.

— Позвони сейчас няне и попроси остаться с Райли, — предлагает мне Ник, не

выпуская из объятий.

— Но это неправильно, — терзаю я сама себя. — Это будет ложью, а я не люблю и не привыкла лгать своему ребёнку. Она — всё, что у меня есть. Она — моя маленькая семья.

— То есть ты можешь не придти домой только из-за работы? — заглядывает мне в глаза Ник. — А ради себя ты что-нибудь хоть иногда делаешь? Ты сама для себя можешь стать хоть раз уважительной причиной?

Я лишь тяжело сглотнула, посмотрев на Николаса в замешательстве. Ведь не смотря на то, что мы мало знаем друг друга, Николас порой своими вопросами загоняет меня в угол. И все потому, что он абсолютно прав. Последние несколько лет я лишь жила ради других — сначала ради мужа, потом ради матери и дочери, а также ради работы. Иногда мне казалось, что я в столь молодом возрасте чувствовала себя как выжатый лимон, словно прожила целую жизнь и старость не за горами. Но, в конечном счете, я ничего не делала для себя. Я разучилась себя баловать, потому что меня всегда начинала грызть совесть, что это неправильно. Я всегда чувствовала себя обязанной своим временем другим. А когда же хотя бы пару минут могут стать моими и для меня?

— Нет, не знаю, — опускаю я глаза.

— Сделай хоть что-то для себя, — берет он меня руками за плечи, словно собирается вытряхнуть из меня всю нерешительность. — Если ты на самом деле хочешь остаться сегодня, то останься со мной.

— Хорошо, я сейчас позвоню няне и узнаю, сможет ли она остаться с Райли, — говорю я тихим голосом и покидаю объятия Николаса, чтобы сделать звонок.

* * *

— Ты знаешь, у меня кое-какая проблема, — говорю я Николасу с грустным лицом, закончив телефонный разговор с Мартой. — Ничего не выйдет.

— Стел, мне так жаль, что не получится остаться, — разводя руками, отвечает Николас, явно расстроенный моими словами. Его грустные глаза выдают это.

— Даже и не знаю, во что же мне переодеться? — смотрю я вопросительно на Николаса, внезапно сменив грустное выражение лица на улыбку. — Не могу же я спать в вечернем платье?

Его лицо выдает тысячи эмоций одновременно. Даже и не знаю, какой реакции ждать на свои слова.

— Наверное, в наказание тебе придется спать голой, — выдает Николас, хитро прищутив глаза и закусив нижнюю губу, словно в его голове уже была нарисована какая-то соблазнительная картина.

— Даже не думай, — тычу в него указательным пальцем, пытаюсь казаться грозной.

— Не будешь меня так разыгрывать, — подходит он ко мне вплотную одним движением и, обвив руками мою талию, начинает кружить. — Как же я рад, что ты сегодня остаешься у меня, — выдыхает он прямо мне в ухо.

— Но с одеждой что-то придется решить, — все еще не могу отпустить эту мысль.

— Думаю, что это меньшая из бед. Что-нибудь придумаем, — заверяет он меня, продолжая кружить по комнате.

Меня в этот момент переполняют беспокойство, неизвестность и восторг. Я не знаю, как будут развиваться события сегодняшнего вечера. Но я вся трепещу от близости Николаса ко мне. Мои спутанные мысли прерываются, когда он опускает меня на ноги.

Прижав меня к себе и пристально смотря в глаза, он говорит мне:

— Я рад, что ты сегодня со мной.

Я ничего не говорю, потому что чувствую, словно земля уходит у меня из под ног. Но я не боюсь упасть, потому что меня держат руки сильного мужчины, которому я пока не могу полностью доверять, но он, по крайней мере, внушает это самое доверие.

Это именно та нить, которая тянется от него ко мне, за которую я хватаюсь, как за спасательный круг.

Глава 20. Пристально

Николас

Мы в моей квартире. Это мое секретное место, где никто и никогда из женщин не бывал. На этот раз было исключение — только для Стеллы.

Раньше, когда я хотел провести время с женщиной, то всегда снимал один и тот же номер в отеле «Palomar», так как был постоянным клиентом. Не было смысла приглашать к себе домой особу, с которой я больше никогда не планировал встречаться.

Все было для меня предельно ясно и просто: девушка, номер в отеле, секс, который был разный, и неприятное прощание, конечно же, для моих спутниц. Я к этому был всегда готов и включал на полную свою хладнокровность, потому что эмоции дают нам пищу для сомнений и слабости. Эмоции нас обезглавливают и делают тряпкой, а вот безразличие — совсем другое дело. Оно замораживает наше сердце и охлаждает разум.

Но Стелла спутала все мои карты, и теперь я не знаю, почему же все изменилось с момента знакомства с ней. Что в ней есть такого, что все изменилось для меня? Почему я не хочу поступать с ней так же, как с другими? Разве она особенная? Знаю лишь одно — она мне нравится, а в остальном мне еще предстоит разобраться.

Иду в свою комнату и нахожу футболку и шорты еще со времен колледжа, которые теперь мне совсем малы, но я зачем-то храню эти вещи. С тех пор я успел возмужать и обзавестись мускулами.

— Вот, нашел кое-что для тебя, — говорю я Стелле, протягивая аккуратно сложенные вещи. Она смотрит на меня пристально и молчит. — Прости, запасного пеньюара у меня для тебя нет.

— Все в порядке, — заверяет она меня, лучезарно улыбаясь.

— Можешь воспользоваться моей ванной комнатой, чтобы переодеться.

— Спасибо, — говорит она и исчезает за дверями моей спальни.

Я страстно желал, чтобы Стелла была сегодня со мной. Я на самом деле ни на что не рассчитываю, у меня нет никакого хитрого плана. Впервые за последние годы я хочу, чтобы все шло своим чередом. Без лишних напрягов и настойчивости. Без глупых игр в соблазнение. Просто так, как и должно быть в конечном счете. Если чему-то суждено произойти, то оно обязательно произойдет.

Через несколько минут Стелла появляется в спальне в моей одежде, которая ей, конечно же, велика.

— Отличный костюмчик, — не могу оставить без комментария ее внешний вид. Она же осматривает свое одеяние и пожимает плечами.

— Что выдали, — разводит она руками. — А ты не будешь переодеваться? — указывает она на меня, когда я понимаю, что сам все еще в костюме и даже не подумал о том, чтобы переодеться.

— Вообще-то обычно я сплю голым, — смущенно почесываю пальцами свою бровь.

— Что? — округляет Стелла глаза. — Мы так не договаривались.

— Не волнуйся, — выставляю я руки вперед, собираясь остановить ее нападки на меня. — Сегодня день исключений, и я переоденусь в пижаму.

— Так-то лучше, — складывает она свои руки на груди. — Ну? Ты идешь, или так и будем стоять? — сверлит она меня своими красивыми глазами. Мне хочется в них смотреть вечно, чтобы разглядеть и запомнить каждую деталь, изгиб и каждую мелочь. От её красоты просто невозможно оторваться.

Я откашливаюсь в руку и иду в гардеробную, чтобы взять новую пижаму, которую я так ни разу и не надел. Я живу один, поэтому могу спать в чем угодно, хоть в чем мать родила. В моей квартире никогда не бывает лишних глаз, поэтому за мной некому наблюдать. Эта мысль наводит на меня грусть, потому что для многих среднестатистических жителей нашей планеты это не является нормальным — в тридцать два года жить одному и даже ни с кем не встречаться. Но с другой стороны, кто сказал, что моя жизнь нормальная, и я должен жить так же, как и другие? Я всегда был настырным во всем и выбирал свой путь. И в этом случае это мой выбор, и мне жить с этим одиночеством.

Натянув на себя пижамные штаны и футболку, иду в ванную и подхожу к раковине, чтобы почистить зубы перед сном. Сегодня это занятие не отнимает у меня много времени, потому что я спешу быстрее вернуться к Стелле, чтобы ей не пришлось долго быть одной. Мне хочется, чтобы в моем доме ей было максимально уютно и комфортно.

Умывшись и обтерев лицо полотенцем, я захожу в спальню и нахожу Стеллу, которая сидит у изголовья кровати, прижав к себе ноги и обхватив их руками. Она сосредоточенно смотрит перед собой, куда-то в пустоту, словно она не здесь.

— Ты почему еще не в постели? — спрашиваю я весело, прервав ее размышления.

Она вздрагивает и переводит взгляд на меня.

— Тебя жду. — Я подхожу к свободной половине кровати.

— Не хочешь забраться под одеяло? — говорю я, откинув край и забравшись под одеяло, рядом со Стеллой.

— Да, конечно, — отвечает она напряженно, словно находится не в своей тарелке. Она поднимается, чтобы откинуть свой край одеяла, после чего ложится лицом ко мне, укрывшись по пояс. Она ложится головой на свою подогнутую руку и пристально смотрит на меня. В ее глазах читается испуг и тревога.

— Чего ты боишься? — спрашиваю я. Она сейчас здесь, передо мной и никуда не убежит, поэтому я не боюсь напугать её откровенными вопросами.

— Всего, — тихо отвечает она. Я удивленно вздымаю брови.

— Чего именно? Меня? — начинаю допытываться я.

— Нет, тебя нет, — отрицательно качает она головой. — Я боюсь, что с нами будет дальше, — признается она.

— А ты не думай об этом, Стел, — протягиваю руку к её лицу и провожу пальцами по бархатистой коже. — Пусть у нас будет пока только сегодня. А завтра мы посмотрим, что будет дальше, — спокойно говорю я. — Нет смысла думать о том, что нам не дано узнать и предугадать раньше времени. Нельзя жить завтрашним днем, иначе можно упустить реальность, сегодняшний день.

На несколько секунд между нами устанавливается тишина, мы оба молчим, а Стелла смотрит на меня. В ее глазах все ещё отображается тревога и тысячи вопросов, словно она

обдумывает только что мною сказанные слова.

— Наверное, ты прав, — вздыхает она. — Просто... я всегда забегаю вперед. Люблю сложности, словно простые радости не для меня, — ухмыляется она, удивляясь, кажется, сама себе.

— Это свойственно многим людям, — убеждаю её. — Давай просто ляжем спать, у нас был сегодня насыщенный день, — желаю я сменить тему и отогнать дурные мысли от Стеллы.

— Обещаешь не приставать ко мне? — уже улыбаясь, спрашивает она. Я просто не успеваю за её переменчивым настроением, но эта черта притягивает меня. Никогда не знаю, какой реакции ждать от неё, что подстегивает меня ещё сильнее.

— Мне важно, чтобы ты просто была рядом со мной, остальное может подождать. Я хочу, чтобы ты мне доверяла..., — озвучиваю свои мысли, которые давно крутятся в голове.

Стелла поворачивается ко мне спиной, я прижимаюсь к ней плотнее. Выключив ночник, я обнимаю её своей рукой и нахожу её руку под одеялом. Мы переплетаем наши пальцы, и я зарываюсь лицом в ее волосы, исходящий от них запах одурманивает меня и наполняет желанием.

Я не знаю, смогу ли уснуть рядом с этой потрясающей женщиной сегодня ночью. Но я должен это сделать, не нарушив своего обещания. Мне нужно, чтобы Стелла доверилась мне и не опасалась, что я её обману. Я не собираюсь использовать с ней свои нечестные приёмы. Она достойна большего. Больше всего я боюсь, что не достоин её, и что она слишком хороша для меня.

Стелла

Я просыпаюсь от того, что чувствую легкие поглаживающие движения по моим волосам. Открываю глаза и вижу очертания лица Николаса. Он не спит, а гладит меня по волосам — медленно, нежно и очень приятно. Видимо во сне я повернулась, потому вечно кручусь как уж, и мы с Николасом оказались лицом друг к другу.

— Ты не спишь? — хриплым голосом произношу я.

— Нет, — тихо отвечает он.

— Почему? — не знаю, видит ли он в темноте мой вопросительный взгляд.

— Как я могу уснуть рядом с тобой? — говорит он с грустной улыбкой, которую я едва различаю в темноте, но которую я уже научилась чувствовать по его голосу. — Это просто пытка.

— Всё так плохо? — я прекрасно понимаю, что ему нелегко сдержаться, и его горячее тело, от которого исходит жар, говорит мне об этом.

— Да, — отвечает он просто, начиная касаться руками моего лица.

— И нам не сдержаться? — зачем спрашиваю, я же сама начинаю заигрывать с ним, хотя сама хотела этого избежать. Рядом с этим мужчиной я становлюсь другим человеком, который не может сдержать перед собой ни одного обещания. Я не могу сопротивляться этому магнетизму, который присутствует между нами. Я сама навлекаю на себя беду. Стелла, что ты делаешь?

— Ничего не будет, если ты не захочешь, — говорит он более чем серьезно, и берет мое лицо в ладони. — Это против моих правил.

— У нас есть какие-то правила? — задаю я вопрос, на который знаю однозначный ответ.

— Во взрослых играх всегда есть правила, — словно он вслух озвучивает мои мысли.

— А какое твое правило? — не унимаюсь я, закусив при этом свою нижнюю губу.

— Ничего не произойдет против твоего желания, — озвучивает он свой пунктик.

Я молчу и на секунду закрываю глаза, когда он проводит пальцем по моим губам, заставляя меня дрожать от этих приятных прикосновений.

— А что, если я хочу? — шепчу я, поджав свои губы. Я понимаю, что сама себя загоняю в эту ловушку, но рядом с Николасом я не могу больше с собой сражаться. Это просто невыносимо — мое тело горит и требует на себе его рук, его губ и его самого. Это битва, в которой я готова проиграть самой себе. Мне не нужна эта победа, я хочу ему проиграть, обретя немного удовольствия. Так нельзя дальше жить, лишая себя всего на свете.

— Тогда это все меняет, — нарушает мои раздумья Николас и впивается в меня своими губами, жадно и страстно меня целуя. Слово у него сильная жажда, и только моими губами он может напиться. Его губа такие горячие, но меня вдруг пронзает молния, когда я чувствую исходящий от него вкус мяты, поэтому, не размыкая своих губ, я отодвигаюсь от него.

— Что случилось? — вскрикивает Николас.

— Мне нужно в ванную, — говорю я, вскакиваю с кровати и быстро выбегаю из спальни.

— Я что-то сделал не так? — слышу слова Ника вслед и его шаги, он идет за мной. Быстро забегаю в ванную и закрываю за собой дверь на защелку.

— Стелла? Что случилось? — говорит Ник через дверь. Я прижимаю руки к лицу, стыдясь своего глупого поведения.

— Мне нужно почистить зубы, — еле слышно произношу я, покраснев как рак. Хорошо, что он меня сейчас не видит.

— И поэтому ты убежала, как ошпаренная? — слышу хохот Ника. — Ты забавная, — добавляет он после непродолжительного молчания. — Можешь взять запасную зубную щетку в шкафчике над раковиной, — инструктирует он меня.

— Спасибо, — отвечаю я стыдливо. «Какая же ты дурочка, Стелла», — ругаю я себя. Моя голова была так забита мыслями перед сном, и я забыла почистить зубы. Я — помешанная на чистоте полости рта и вообще чистоте, забыла почистить зубы. Наверное, Николас почувствовал это, хотя наш поцелуй вряд ли можно было назвать проникновенным. Я даже не успела разомкнуть губы, просто убежала.

Я мысленно веду сама с собой беседу, пока чищу зубы, и так проходит несколько минут. Прополоскав рот водой, я смотрю на себя в зеркало и понимаю, что макияж я тоже забыла снять, хотя мне нечем было это сделать, ведь я с собой не ношу весь арсенал косметики. Беру мыло, чтобы снять косметику с лица, надеюсь, что Николас не заметит большой разницы. Хотя я себе очень нравлюсь без макияжа, потому что у меня яркая внешность, косметика лишь подчеркивает черты моего лица. Поэтому я ни капли не стыжусь быть естественной.

Умыв лицо, решаю, что было бы неплохо быстро принять душ, чтобы освежиться. Прюделав быстро все процедуры, открываю дверь, надеюсь, что Николас не ждет меня около двери. Все процедуры заняли у меня некоторое время.

Но распахнув дверь, вижу Николаса, который стоит напротив двери, прислонившись к стене.

— Ты, наверное, почистила зубы на год вперед? — посмеивается надо мной Николас, когда я выхожу из ванны.

— Перестань, мне и так жутко неловко, — краснею я как первоклассница и не двигаюсь

с места.

— Я бы поцеловал тебя, даже если бы ты только что съела горстку чеснока, — весело говорит он, задев пальцем кончик моего носа. — Ты прекрасна, и сейчас ты выглядишь даже лучше, чем вчера вечером. Твоя естественная красота может затмить всё вокруг, — тихо говорит он. Меня приятно удивляют его слова, и я мигом багровею.

— Перестань, — закрываю я лицо руками. — А то зазнаюсь.

— Я тебе не позволю, — говорит он и тянет руки ко мне, подходя ближе и прижимая меня к стене спиной. Прижавшись ко мне своим телом, он берет мои руки и заводит их наверх, пригвоздив их к стене.

Он приближается своим лицом к моему, наши глаза и губы напротив, но мы не касаемся друг друга, просто пожираем друг друга глазами. Я не выдерживаю, касаюсь своими губами его губ и закрываю глаза, Николас сразу же отвечает мне и углубляет наш поцелуй, проникая в мой рот своим языком. Наш поцелуй упоенный и страстный одновременно, он меня опьяняет и расслабляет мое тело, наполняя его желанием. Николас отпускает мои руки и забирается своими руками мне под футболку, я же не прерывая наш поцелуй, обнимаю его за шею. Он гладит меня по животу, покрывая всю мою кожу мурашками и раскаляя меня до умопомрачения.

Руки Николаса переходят к моей спине, и он движется медленно вниз, после чего хватает меня за ягодицы, подсаживает меня, и я обхватываю его своими ногами. Крепкие руки Николаса держат меня, и он несет меня к кровати. Я возвышаюсь над ним и начинаю изучать его шею. Его запах опьяняет меня, усиливая мое головокружение. Из его губ вырывается стон, когда я покрываю его шею поцелуями.

Уложив меня на кровать, Николас сразу же стягивает с меня всю одежду, оставляя меня обнаженной лежать перед ним. После он сразу же избавляется от своей одежды, представая своим прекрасным обнаженным телом передо мной. Он невероятно красив, словно греческий Бог — широкоплечий и подтянутый, с мощными руками. Я не могу дождаться его нового прикосновения ко мне, от одного его вида у меня сводит все тело от разливающегося жара внутри. Он нависает надо мной, не дав мне полюбоваться им всласть, и начинает ласкать мое тело, касаясь моей пылающей кожи.

— Иди ко мне, — нежно придвигает он меня к себе, прижимаясь своим телом ко мне. — От тебя так хорошо пахнет, — целует он меня за ухом и покрывает все мое тело поцелуями, не пропустив ни один сантиметр кожи. Я вся дрожу от желания и страха от единения с ним. Хочу и боюсь, но не время отступать — не позволю себе развернуться и убежать. Не сегодня. Не сейчас.

Когда наши тела сливаются, из меня вырывается громкий стон, словно я кричу всему свету, что я еще жива и желанна как женщина. Словно сообщаю всему миру, что я не хочу быть одна и хочу быть счастливой.

Наша страсть нарастает, и Николас то и дело произносит вслух мое имя. Мы пробуем все поцелуи на свете, которые знаем — нежные, страстные, горячие. Мне так хорошо, что кажется, никогда ничего лучше со мной не происходило при близости с мужчиной. Я останавливаю наш поцелуй, продолжая двигаться вместе с ним, и смотрю в глаза Николасу, который пожирает меня пристальным взглядом. В его синих глазах бушует самый настоящий шторм. Именно в этот самый момент я понимаю, насколько он прекрасен и насколько восхитительные вещи он сейчас творит со мной. Я обхватываю его лицо своими руками и прикасаюсь пальцами к его губам. Он закусывает губами кончик моего пальца.

— Какая ты сладкая, — в его голосе слышится хрипотца, но он продолжается двигаться во мне. Я ничего не отвечаю, а просто закрываю глаза, продолжая наслаждаться нашими движениями, прикосновением наших рук и губ, нашим прерывистым дыханием, нашими стонами в унисон, пока мы не падаем обессиленные на кровать. Я чувствую на себе тяжелое и горячее тело Николаса, но ничего другого мне и не хочется ощущать в данный момент. Все просто идеально и даже лучше, чем я могла себе представить.

— Спасибо, — тяжело говорит Николас, его голова лежит на моей груди.

— За что? — задыхаясь от неги, спрашиваю я.

— За то, что ты сегодня моя! — поднимает он голову и смотрит пристально на меня. Я вижу, что это искренне с его стороны, но эти слова меня пронзают током, как напоминание событий почти десяти лет давности. Это было так давно, но это невозможно забыть или похоронить в своем сердце. Некоторые воспоминания остаются с нами навсегда, оставляя свой след словно шрам, словно рубец.

Почему он снова и снова возвращается в мою жизнь, хотя по собственному желанию исчез из неё? Я сейчас чересчур эмоциональна. Я получила такую дозу удовольствия, и не хочу терять то хорошее, что у меня сейчас есть с Николасом. Поэтому пытаюсь внутренне бороться с наплывающими воспоминаниями и отгоняю непрошенные слезы, умоляя их не портить этот момент.

Николас, словно почувствовав перемену в моем состоянии, поднимается, снова возвышаясь надо мной, и начинает снова и снова, в тысячный раз, покрывать мое тело поцелуями, заставляя меня терять голову и забыть то, что мне так не хочется вспоминать.

Глава 21. Моя

Стелла Девять лет назад

Сегодня очень ответственный день. Я иду устраиваться на свою первую настоящую работу, и поэтому очень волнуюсь.

«Все будет хорошо», — твержу я себе. Не смотря на то, что я с раннего детства готовлю и просто обожаю выпечку и десерты, я очень переживаю, что от волнения скажу что-нибудь не то или могу ляпнуть какую-нибудь глупость.

После собеседования я сейчас тливая выхожу из офиса компании, радуясь как ребенок, что меня приняли в качестве помощника кондитера. Я, конечно же, одна из многих, но для меня это уже очень большая честь. Мне нужно с чего-то начинать, ведь я собираюсь однажды стать королевой десертов. Это я твердила себе с самого детства, поэтому сейчас иду и улыбаюсь своим глупым мыслям. Радуюсь, что хотя бы муравьиными шажками, но мои мечты начинают сбываться.

— Девушка, вы так красиво улыбаетесь, — вдруг слышится голос сбоку, и я вижу, как со мной поравнялся какой-то незнакомец.

Увидев его, я сразу же перестаю улыбаться, потому что, не смотря на свое поразительно симпатичное лицо, выглядит он как настоящий хулиган. Таких парней меня мама учила сторониться и не приближаться на расстояние ближе полумили. Я на самом деле всегда себя чувствовала скованно рядом со смелыми ребятами.

— Улыбайтесь, вам это очень идет, — расплывается он в широкой улыбке, от которой я вздрагиваю. Теперь я понимаю, что значат мамины слова. Плохие парни ничего не боятся и потому так завораживающе улыбаются.

— Что вам нужно? — хмур юс ь я, не понимая, что такой симпатичный и, судя по внешнему виду, взрослый парень хочет от такой , как я. Про себя отмечаю, что ему наверняка не меньше двадцати одного года.

Я самая обычная девушка восемнадцати лет, которая сразу после школы решила не идти в колледж, а начать работать и остаться в своем маленьком, но таком родном Коутсвилле. Я одеваюсь очень просто, без излишек, потому что у нас с мамой нет денег на роскошные наряды и частые покупки, поэтому я привыкла довольствоваться тем, что есть, пока сама не начну зарабатывать. К тому же, у меня хоть и яркая внешность, но косметикой я почти не пользуюсь.

А этот парень — он весь такой модно одетый, взрослый и к тому же с обалденной белоснежной улыбкой. От его карих глаз невозможно оторваться, поэтому мне кажется, я слишком долго на него смотрю и начинаю пялиться.

— Ваша улыбка освещила мой день, — говорит он, по-прежнему шагая рядом со мной и держа руки в карманах.

— Не могу же я вам отдать свою улыбку, — усмехаясь я, неловко пожимая плечами.

— Тогда ходите со мной на свидание, — говорит он, а у меня глаза лезут на лоб. Я, конечно, была раньше на свиданиях, но ни с кем старше себя. Я опасалась парней постарше, потому что им нужно только одно. Они чувствуют неопытных девушек как я за версту.

— Я? — мямлю я. — Но ведь мы даже не знакомы, — стеснительно говорю я.

— Мы уже знакомы с тобой целых..., — смотрит он на часы, — две минуты, что гуляем вместе.

— Мы не гуляем, а просто идем рядом, — кажется, что мое лицо четко отражает выражение замешательства от самой ситуации.

— Я практически все о тебе знаю, — начинает он, то ли усмехаясь, то ли улыбаясь. — Так ведь...? — показывая на меня рукой. — Ты бы облегчила мне задачу, если бы назвала свое имя.

— Гм... Стелла, — говорю я, краснея, потому что не поняла, что нужно было ему подыграть, судя по всему.

— Точно, Стелла — указывает он на меня. — Такое красивое имя, как и твоя улыбка.

Боже, и зачем он меня снова смущает?

— А меня зовут Кевин, — представляется он, протягивая мне руку. Когда я протягиваю ему свою руку в ответ, то он обхватывает ее своими руками и подносит к своему сердцу, сражая меня наповал своим признанием:

— Ты просто покорила мое сердце, Стелла! Ты — моя удача!

* * *

Семь лет назад

Держась за руки, мы с Кевином выходим из церкви, и нас ослепляет яркое июльское солнце. Все наши родственники и друзья радостно кричат и посыпают нас рисом и лепестками роз. Я сегодня такая счастливая и не могу поверить, что это на самом деле происходит со мной. Спустившись по крыльцу вниз, Кевин берет меня на руки и начинает кружить, я верещу от неожиданности. Но потом мы начинаем в голос смеяться, когда он отпускает меня и привлекает к себе, чтобы обнять. Он наклоняется ко мне, и мы соприкасаемся лбами.

— Моя жена, — говорит он так тихо, что слышу только я.

— Мой муж, — отвечаю я ему, ка са ясь ладонью его щеки.

Этот нежный момент прерывают наши близкие, которым не терпится нас поздравить с днем рождения нашей семьи.

Я рада, что все наши родственники и друзья пришли порадоваться за нас. Для меня это очень важно, и я всем неизмеримо благодарна, что в самый лучший день эти люди рядом с нами — разделяют наше счастье, которым я хочу поделиться с каждым жителем этой планеты.

— Я так рада за тебя, моя девочка, — крепко обнимает меня мама, и когда я отстраняюсь и смотрю на нее, то вижу у нее слезы на ее щеках. — Я так рада, что ты обрела свое счастье.

— Не плачь, мамочка, — вытираю я ее слезы и еще раз прижимаюсь к ней. — Я правда очень счастлива с Кевином.

— Я знаю, — шепчет она. — Знаю и вижу это.

— Стелла! — нас прерывает миссис Картер — мать Кевина. — Девочка моя, как я рада за вас, — бросается она меня обнимать.

— Спасибо, — еле выдавливаю я, задыхаясь в ее крепких объятиях.

— Мама, прекрати! Ты сейчас задушишь ее, — говорит ей Кевин.

— Радовался бы, — ворчит она, оглядываясь на него. — Она лучшее, что случилось с тобой в этой жизни! — говорит она ему, грозя пальцем.

— Я знаю, — отвечает он ей спокойно. — И ценю это. Дайте мне хоть немножко побыть с моей женой, — отгоняет он всех от меня, оберегая меня, словно я хрустальная и могу разбиться от излишка внимания. Кевин всегда был собственником — во всем.

Наши родители лишь пожимают плечами и уходят в сторону к остальным гостям.

— Зачем ты так с ней? — я сержусь на него, потому что считаю, что мы не имеем права грубить либо вымещать злость на своих родителях. Они самое дорогое, что у нас есть.

— Я видел, что она тебя чуть не задушила в своих благодарных объятиях, — гримасничает он.

— Прекрати! — смеюсь я и задеваю его кулаком по груди, имитируя удар. Кевин заключает меня в нежные объятия, и я утыкаюсь ему в грудь. Он намного выше меня.

Кевин целует меня в висок и говорит ласково:

— Я так люблю тебя, детка!

— И я тебя люблю, милый! — отвечаю я сразу же, наслаждаясь самым счастливым и важным днем в нашей жизни. Кевин наклоняется ко мне и целует меня в губы — нежно и проникновенно. Оторвавшись от меня, он смотрит мне в глаза и говорит с самым серьезным видом, что я видела:

— Еще в самый первый день, когда я тебя увидел, то понял, что ты моя!

Мое сердце пело и плакало от счастья в тот самый момент и в тот самый день, когда я была так счастлива обрести семью. Обрести свою половинку. Обрести любовь своей жизни. Навсегда.

Глава 22. Не сбегать.

Стелла

Я просыпаюсь от дикого желания выпить воды. Ощущения, словно мой рот набит песком. Я открываю глаза и понимаю, что нахожусь в уютных объятиях Николаса. Его теплые и заботливые руки меня собственнически обвивают.

Я умираю от жажды, но мне так хочется насладиться этим моментом. Когда мой муж Кевин был жив, то мы почти всегда так просыпались. Он крепко обнимал меня своими сильными руками, которые давали надежду на лучшее — на лучшую жизнь, на совместное будущее, на большую и крепкую семью. Но, к сожалению, он своим странным и трусливым поступком все перечеркнул.

Вчера, когда Николас сказал фразу «ты моя», то я ощутила удар молнии, которая меня сразила ощущением дежавю. Словно все это было со мной, хотя обстановка и человек рядом со мной совсем другие. Я сразу же вспомнила Кевина. Единственного мужчину, которого я любила и боготворила.

Кевин всегда был плохим парнем, но при этом очень отчаянным и храбрым, заботливым и любящим. Так я думала до того момента, пока он не умер. Хотя правильно было бы сказать, пока он сам себя не убил.

Конечно же, Кевин не был глупым и старался все подстроить так, словно это был несчастный случай, на который все и списали. Но я-то знала, что это было чистой воды самоубийство. Мне пришла эта мысль в тот момент, когда я сложила все известные одной лишь мне факты воедино, словно пазл сложился в общую картинку. Я никому об этом не сказала, да и надо ли? Решила оставить все как есть, а свои выводы и правду оставить при себе.

Опять же, я до истины дошла не сразу, посему могу сказать, что многих ему удалось убедить в этом, но отнюдь не меня.

Из-за него я больше никогда не смогу довериться и доверить свою жизнь мужчине, даже если он будет самым идеальным на планете. А тем более, доверить жизнь своего ребенка. Я обожглась очень сильно, да так, что мне было чертовски больно.

Пытаясь высвободиться из объятий Николаса, я поворачиваюсь к нему лицом, и мой взгляд так и манят его соблазнительные губы, идеальной формы и пропорции для мужчины. Они не слишком тонкие, но и не чересчур пухлые. Просто идеальны. А если представить то, как они умеют целовать, то можно потеряться от одной мысли о соприкосновении с ними.

«Стелла, о чем ты думаешь?» — пытаюсь я вернуть себя в реальность. — «Это всего лишь мужчина, с которым ты провела ночь. Ну, ладно, хорошо, не просто провела ночь. Перестань себя обманывать — ты просто *отлично* провела ночь, но не зацкливайся на этом».

Это был способ просто развлечься, но на этом все. Пора уходить, пока он не проснулся.

По всей комнате были следы нашей страстной ночи: разбросанная одежда, смятая простынь, разорванные обертки. Но это все лишь визуальные, предметные следы. Что же мне делать с внутренним следом? Мне очень понравилось то, что с нами вчера произошло, но я пока не решила, что мне делать дальше.

Этот мужчина однозначно что-то во мне перевернул, но я не хочу снова ошибиться, отдавшись этим чувствам всей душой. Я не полезу в омут с головой. Теперь необдуманные поступки не для меня. Я уже не юная девчонка, которую можно очаровать хорошими манерами и страстными поцелуями. Я уже совсем не та, что была раньше.

Прокручивая события этой ночи в голове, я поднимаюсь с кровати и, подняв с пола

футболку, натягиваю ее через голову на себя. Зайдя на кухню, наливаю себе стакан воды и наслаждаюсь каждой прохладной каплей, которая освежает и придает мне сил.

Меня настигают воспоминания о выставке, где мы замечательно провели время. Никогда бы не подумала, что Николас может увлекаться живописью. Меня это удивило и одновременно порадовало. У нас намного больше общего, чем я могла предположить. Значит, у него не только похоть на уме.

Когда я споласкиваю стакан и ставлю его на место, то никак не могу договориться с собой, что же мне делать. Уйти, не попрощавшись, или же дожидаться, пока Николас проснется? Я же не маленькая, чтобы просто-напросто сбегать. Стыдиться нечего — мы все решили, приоритеты расставлены и правила соблюдены.

Мне не удастся принять решение самой, потому что раздающиеся вдалеке шаги делают это за меня. Я разворачиваюсь и вижу, как заспанный Николас входит на кухню, в одних пижамных штанах, которые низко висят на его бедрах, открывая напоказ его упругий торс. Я краснею, когда понимаю, что снова пялюсь на его невозможно прекрасное тело. Нужно быть просто слепой, чтобы не заметить, как он хорош собой.

— Слава Богу, ты здесь, — вздыхает он облегченно и проводит руками по волосам, поправляя их.

Я озадаченно смотрю на него, размышляя над тем, что он только что сказал.

— Я думал, что ты ушла, — быстро объясняет он.

— Почему? — спрашиваю я.

— Просто..., — замолкает он на секунду. — Ты всегда от меня убегаешь.

— Разве? — смущенно улыбаюсь я. Неужели я так часто его отталкивала, что он все время боится, что я куда-то сбегу.

— Этим утром ты можешь заставить меня поменять свое мнение, — расплывается он в улыбке, подходя ко мне ближе. Он обнимается меня за талию, притягивая ближе к себе. Он возвышается надо мной, но не целует. Я чувствую, как его руки опускаются вниз по моим бедрам и поднимают края футболки.

Черт! У меня же ничего нет под ней!

Я поднимаю глаза на Николаса, который удивленно и в то же время озорно смотрит на меня.

— Вот так сюрприз, — мурлычет он, словно кот.

Я заливаюсь краской и быстро поворачиваюсь к нему спиной, но он лишь еще крепче заключает меня в свои объятия и начинает жадно покрывать мою шею поцелуями, не пропуская ни сантиметра кожи. Я таю, когда его руки касаются моих обнаженных бедер и идут выше, обжигая ласками мою кожу, обжигая мои внутренности от вспыхнувшего удовольствия, заливающего всю меня.

Я тяжело дышу, чувствуя спиной возбуждение Николаса. Он быстро двигается руками вверх от моего живота, касаясь груди, доводя меня до исступления, наполняя эти сладостные секунды всеми красками и цветами радуги. В его руках и в его поцелуях я бы хотела потеряться навсегда, разделив с ним все лучшие моменты своей жизни. Мне так с ним хорошо, и в данном случае я не имею в виду только постель. Это важная составляющая, но не самая главная. Есть вещи намного важнее — способность понять, защитить, довериться, помочь в любой ситуации, не говоря уже об уважении и понимании.

Пока его руки блуждают по моему телу, миллион важных мыслей всплывает в моей голове, так несвоевременно. Иногда мне кажется, что я привыкла слишком много думать по

любому поводу, лишив себя умения отключаться и отпускать ситуацию хотя бы ненадолго.

Я мучаюсь от мысли о том, во что я ввязываюсь? Я сама не могу ответить на этот вопрос. Несколько лет назад я дала себе обещание, что больше никогда не стану доверять мужчинам. Всё потому, что меня очень сильно ранили и предали.

Но если я буду с Николасом, то это не говорит о том, что я собираюсь его подпускать к себе слишком быстро. Я собираюсь получить от него лишь необходимое, дав ему взамен дозированную информацию о своей жизни. Я не собираюсь подпускать его настолько близко, чтобы потом страдать. Страдания не та вещь, которая входит в мои жизненные планы. Нет, я больше не повторю вновь своих прошлых ошибок.

Я больше не в силах думать, когда последняя мысль совпадает с кульминацией моего тела, которое содрогается от умелых рук Николаса. Боже! Да он просто мастер любовных утех. Не могу с этим поспорить.

— Доброе утро, детка, — шепчет он мне на ухо, когда я расслабляюсь в его руках.

Секунду помедлив, я спрашиваю, еще задыхаясь от удовольствия:

— Что ты предпочитаешь на завтрак?

— Я уже его получил! — все еще продолжает он шептать соблазнительным голосом.

— И все же? — не унимаюсь я, разворачиваясь к нему лицом и одергивая футболку.

— Иди в душ, я обо всем позабочусь, — говорит Николас, целую меня в макушку, и подходит к холодильнику. Я, довольная и смущенная нашим непринужденным и откровенным утренним приветствием, направляюсь в ванную.

* * *

— Какие у тебя планы на сегодня? — спрашивает Николас, когда мы поедаем роскошный завтрак, который он приготовил для нас. Ник все больше и больше открывается мне в обычных вещах и простых мелочах, что приятно удивляет и радует.

— Пока не знаю, — пожимаю плечами, увлеченно поедая яичницу с хрустящим беконом. Надо признаться, я очень люблю не только готовить, но и вкусно поесть.

— Давай я вас с Райли свожу куда-нибудь, проведем день вместе, — предлагает он. Я замираю, прекращая жевать, и мое лицо застывает как маска. Это очень неожиданное предложение.

— Не думаю, что это хорошая идея, — прервав свое замороженное состояние, говорю я первое, что пришло в голову.

— Почему? Мы можем сходить в парк развлечений, поесть мороженное, погулять. Давай, будет весело, — с воодушевлением в голосе и с легкой улыбкой на лице говорит Николас. От этой улыбки можно потерять разум или даже умереть. Но, не смотря на это, я не готова так быстро впускать его в свою жизнь, а тем более в жизнь своего ребенка. «Не нарушай правила, Николас. Не надо», — мысленно шепчу ему, словно уговаривая.

— То, что мы вместе завтракаем, еще не говорит о том, что мы будем проводить вместе все свободное время, — зачем-то говорю я, не желая на самом деле обижать его.

— Понял, — едва слышно бормочет он, поменявшись в лице. Мне так жаль, что пришлось это сказать. Я знаю, что он это предложил из добрых побуждений, но я пока к этому всему не готова.

— Прости, мне нужно больше времени уделять Райли, — пытаюсь я исправить ситуацию. — Есть дни только для матери и дочери, и никаких посторонних глаз.

Он лишь согласно кивает с печальным выражением лица, продолжая уплетать сэндвич.

Я знаю, что обидела его. Но я не хочу настолько сильно сблизиться с Николасом, чтобы избежать дальнейших страданий. Я понимаю, что чересчур жестока с ним, но по-другому не могу — это для меня непозволительная роскошь.

— Позволишь хотя бы довезти тебя до дома? — с надеждой в глазах спрашивает он.

Я киваю в знак согласия и делаю глоток божественного кофе, который сварил Николас. Боже, ответь мне, ну почему он настолько идеальный?

А я совсем не идеальна, и даже ни на шаг не близка к совершенству, потому что знаю, что не должна с ним так поступать. Я прекрасно осознаю, что мы очень часто раним самых близких людей, не боясь причинить им вред, при этом неоправданно бываем вежливыми и милыми с чужаками, от которых не знаешь, чего ждать.

Мы — люди, слишком глупы и чересчур верим в свою правоту, порой слишком сильно заблуждаясь в истинном положении вещей.

Глава 23. Устами младенца

Николас

После нашей первой ночи со Стеллой прошло уже несколько недель. Тогда, проснувшись и не обнаружив ее в постели, я подумал, что она сбежала. Подумал, что со мной расплатились той же монетой, что я всегда расплачивался с другими женщинами, с которыми проводил ночь. У меня на лице застыла горькая улыбка от осознания того, что только тогда я осознал, что могло произойти. Как омерзительно я себя вел с другими, хотя никогда не скрывал изначально перед ними своих намерений. Все было по обоюдному согласию.

Но, по какой-то неизвестной мне причине, судьба и Господь Бог смиловались надо мной, и Стелла не сбежала. Она провела утро со мной и позволила ее отвезти домой.

Сейчас на календаре уже конец октября. Погода по-прежнему теплая, хотя ночами город окутывает осенняя прохлада — такая освежающая и бодрящая. Мы со Стеллой созваниваемся, перекидываемся сообщениями и несколько раз встречались. Наши встречи по-прежнему такие же горячие и проникновенные. Я стараюсь быть с ней предельно откровенным, не стесняясь выказывать свои чувства к ней. Она тоже безразлична ко мне, хоть и пытается держать дистанцию.

Конечно, я понимаю, что не могу быть центром ее вселенной и объектом постоянного внимания, но мне хочется видеться чаще, держать ее в объятиях и всегда найти нужное слово, чтобы поддержать в любой ситуации. Я понимаю, что начал скучать в наших коротких разлуках, меня это беспокоило и радовало в то же самое время.

Невозможно выразить словами те чувства радости и певучести внутри, когда ты понимаешь, что встретил прекрасную женщину, со всеми качествами, которые ценишь в людях. И хотя я каждый день сомневаюсь в том, что это женщина моя, всё же у меня есть маленькая надежда на то, что я ей не безразличен. Эта надежда окрыляет меня как влюбленного мальчишку и дает мне сил просыпаться каждый день и жить. Просто жить в надежде, что у меня будет хотя бы мгновение рядом с ней.

Боже, я становлюсь слюнзявым романтиком, давно я себя таким не помню. Это не плохо, и не хорошо, это просто моя суровая реальность.

Я понимаю, что Стелла пытается меня впустить в свою жизнь, но она все еще от меня

слишком далеко, держит меня на расстоянии, особенно, что касается ее семьи и дома. Эта территория для меня запретна, надеюсь, что лишь пока и в ближайшем будущем все изменится.

— Мистер Ланкастер, — слышу я отдаленно голос Миранды, моего секретаря. Я поднимаю на нее свой взгляд и словно замороженный молчу.

— С вами всё в порядке? — настороженно спрашивает она.

— Эм, — откашливаюсь я. — Да, все нормально. Почему спрашиваешь?

— Просто я вам звонила несколько раз, а вы не брали трубку.

— Прости, был занят, — отвечаю, как ни в чем не бывало. Хотя понимаю, что чересчур сильно погрузился в свои мысли, даже не слышал телефона. Мне это несвойственно, и это начинает меня беспокоить.

— Так в чем дело? — открываю свой ежедневник, чтобы посмотреть расписание на сегодняшний день.

— Хотела Вам напомнить, что через час будет встреча всех старших партнеров компании по поводу решения вопроса о закупки оборудования для новых кабинетов и рассмотрения кандидатур новых врачей.

— Спасибо, Миранда, — изображаю что-то похожее на улыбку и ищу на столе документы по оборудованию и резюме потенциальных подчиненных, чтобы, как всегда, быть во всеоружии на совещании.

Просматривая бумаги, понимаю, что не могу сосредоточиться на работе. Все мои мысли только о Стелле. Сегодня утром со мной что-то неладное, я не могу выбросить ее из головы. Чем бы я ни занимался, я начинаю думать о ней, вспоминать моменты, проведенные с ней. Наши разговоры, взгляды, прикосновения. Это продолжается уже не первый день, и не первую неделю.

Чем больше я о ней думаю, тем сильнее убеждаюсь, что хочу лучше ее узнать. Хочу больше времени проводить с ней, чтобы стать частью ее жизни. Частью ее судьбы. Я знаю, что у меня есть силы побороться за свое счастье, сколько бы она этому не сопротивлялась.

* * *

Я резко открываю глаза от вибрации, которая наполняет все пространство моей спальни. Смотрю на часы, сейчас два часа ночи. Кто может звонить так поздно?

Провожу пальцем по дисплею телефона, на котором высвечивается «Стелла».

— Привет, — говорю сразу же, приложив трубку к уху.

— Привет, Николас, — с придыханием говорит Стелла. Ее голос тихий, она явно чем-то расстроена.

— Что случилось? — выпаливаю я.

— Не знала, кому позвонить, — пауза. — Решила, что только ты сможешь помочь, — ее взволнованный тон меня просто убивает.

— Что случилось, Стелла? Скажи мне, — отрывисто и требовательно говорю я.

— У Райли сильная зубная боль, она все время плачет, — тон голоса повышается. Я чувствую по ее голосу, что она в панике. — Сейчас ночь, не знаю, что делать.

— Уже выезжаю, — говорю я, одеваясь на ходу. — Буду через пятнадцать минут, поедem в мою клинику, — не дав ей договорить, кладу трубку.

Завожу машину и выезжаю из гаража. На сборы мне хватило всего три минуты, за которые я в спешке оделся, умылся и почистил зубы. Когда очень припрет, могу быть очень

собранным и быстрым.

Спустя десять минут я подъезжаю к дому Стеллы. Она уже на улице с Райли на руках.

Я пулей выскакиваю из машины и открываю заднюю дверь, куда она усаживается вместе с дочерью, которая хнычет.

— Ты что на вертолете прилетел? — удивленно спрашивает она, потому что обычно дорога до ее дома занимает чуть больше времени. Но я мчался с бешеной скоростью, до замирания сердца.

— Ехал по зеленому коридору, — вру, чтобы не расстраивать ее. Знай она, с какой скоростью я ехал, то не погладила бы меня по головке.

Всю дорогу до клиники мы молчим, потому что Райли постанывает от боли, Стелла ее успокаивает, укачивая и целуя в макушку. Я не хочу прерывать их связь, поэтому не говорю ни слова, изредка поглядывая на них в зеркало заднего вида.

Сняв с охраны здание и отперев двери, мы заходим в клинику. Я провожу Стеллу с Райли в кабинет, который по-прежнему остался за мной, хотя практики сейчас у меня мало, только старые клиенты, не желающие ничего слышать о том, чтобы поменять дантиста.

— Не знала, что ты лечишь зубы детям, — говорит Стелла, пока я надеваю халат и перчатки.

— Я начинал как детский дантист, так что поверь, опыт есть, — заверяю, давая понять, что ее дочь в надежных руках

— Я рада, — облегченно вздыхает Стелла.

Когда я усаживаю Райли в детское кресло, то она как-то насуплено и сердито смотрит на меня.

— В чем дело, Райли? Что у тебя болит? — спрашиваю я, улыбаясь, чтобы расположить к себе юного пациента.

— Я тебя знаю, — говорит она тихо, вздыхая тяжело, словно ей очень и очень больно дается каждое слово.

— Конечно, знаешь, — отвечаю я утвердительно. — Мы с тобой однажды встречались. Это ты у нас любитель стейков? — подмигиваю ей, чтобы расположить ее к себе и приободрить.

Она сначала подозрительно смотрит на меня, потом кивает и улыбается, обнажая свои белые зубки.

— Ой, — морщится она.

— Что случилось?

— Больно зубик, — касается она своим крохотным пальцем щеки.

— Сейчас все исправим, не переживай, — успокаиваю я ребенка. — Покажи мне, какой у тебя зубик болит.

— Вот этот, — открывает она рот и показывает пальцем на зуб справа.

— Хорошо, — киваю я. — Я сейчас включу тебе мультик, смотри на экран, а я пока полечу жучка, который забрался тебе в зубик.

— Жучка? — удивленными глазами смотрит она на меня. — Правда?

— Я его уберу и зубик не будет болеть, только тебе нужно немножко потерпеть, хорошо?

— Хорошо, — кивает она согласно.

— Возьми своего мистера Бонни, — Стелла дает Райли кролика, посмотрев на которого, я вспоминаю наш инцидент с ним. Райли крепко обнимает своего кролика, и на ее

лице отражается спокойствие, словно эта игрушка и есть ее дом. Она смотрит на экран, где проигрывается мультик, а я берусь за свое дело.

Спустя двадцать минут я заканчиваю. Пломба поставлена, Райли начинает улыбаться, увлеченно смотря мультик. Стелла тоже довольна, что ее дочь больше не вынуждена страдать.

— Не думала, что ты ладишь с детьми, — говорит она, пока я убираю все инструменты на место.

— Я и сам не знал, — отвечаю я непосредственно, говоря чистую правду. — Почему-то дети сами ко мне тянутся, хотя я иногда совершенно не знаю, как себя вести и что говорить.

— Наверное, в душе ты добрый человек, — заключает Стелла. — Дети всегда чувствуют искреннее отношение к себе.

* * *

— Приехали, — говорю я, когда спустя полчаса мы подъезжаем к дому Стеллы. Девочки расположились на заднем сиденье, и Райли мирно посапывает у Стеллы на коленях, крепко обняв мистера Бонни.

— Детка, просыпайся, — будет она дочь.

— Не буди ее. Если хочешь, я могу отнести ее в дом, — предлагаю я.

— Похоже, иного выхода у нас нет, — соглашается Стелла, потому что Райли крепко спит и никак не просыпается.

Я открываю заднюю дверь автомобиля и беру Райли на руки. Она такая маленькая и легкая, как пушинка. Она мирно посапывает на моих руках. Вдруг начинаю думать о том, что у меня в мои тридцать два года уже могла бы быть дочь ее возраста, и я, наверное, мог бы быть самым счастливым отцом на свете, растя такого ангелочка.

Мы подходим к дому, заходим в здание и поднимаемся на третий этаж, где располагается квартира Стеллы, где я нахожусь впервые.

— Сюда, — показывает Стелла дорогу к спальне Райли, когда мы уже находимся в квартире. Пока я несу ее в комнату, то Райли неожиданно для меня открывает глаза и вздрагивает.

— Где мама? — сводит она свои тоненькие бровки.

— Я здесь, солнышко, — берет ее Стелла за руку.

Я укладываю Райли в постель, Стелла снимает с нее туфли и укрывает одеялом.

— Скажи спасибо и попрощайся с Николасом, — инструктирует Стелла свою дочь.

— Спасибо и до свидания, — щебечет Райли и машет мне рукой.

— Пока, Райли, — отвечаю я. — Пусть твои зубики больше не болят. Договорились?

— Хорошо, — согласно кивает она, а я выпрямляюсь в полный рост и направляюсь к двери. Сделав пару шагов, я слышу тоненький заспанный голос девчушки, обращенный ко мне:

— А ты придешь к нам в гости, Николас? — вижу изумленный взгляд Стеллы, предназначенный своей дочери.

— Если пригласите, — помедлив, отвечаю.

— Мама, мы пригласим Николаса в гости? — поднимает она голову и смотрит на Стеллу. Она немного молчит и говорит:

— Конечно, — после чего переводит взгляд на меня. — Подожди меня в гостиной, я сейчас, — говорит мне Стелла.

Я выхожу из комнаты, скрываясь за дверью, и направляюсь в гостиную, где обращаю

внимание на то, что комната очень уютная. В ней много приглушенных тонов и комнатных цветов. Комната выглядит такой живой, что каждому захотелось бы поселиться в такой.

— Езжай, тебе, наверное, рано вставать, — говорит Стелла, появляясь в гостиной. Она стремительно подходит ко мне и ласково целует меня своими сладкими губами, не дожидаясь моего ответа. Наш поцелуй настолько сладостный, словно я ем клубничное варенье, а не целую самую желанную женщину на земле.

— Все нормально, — выдыхаю я, оторвавшись от ее губ. Обнимаю Стеллу за талию и притягиваю ее к себе, не желая отпускать. — Ради тебя и твоей дочери я готов не спать хоть всю ночь, — смотрю в ее глаза, выражающие смесь удивления и благодарности. — Мне не жалко для вас времени.

— Спасибо, — шепчет она, закусив свои пухлые губы, как — будто боится сболтнуть лишнего. Но мне достаточно одного этого слова. Оно для меня целая вселенная, весь мир в данную секунду.

— Я скучал по тебе, — пауза. — Очень. Не мог дождаться нашей встречи. Зачем ты так меня испытываешь? — с мученическим взглядом смотрю на нее.

Она расплывается в улыбке.

— Больше не буду, обещаю. — Молчит она несколько секунд, на протяжении которых я не могу оторвать от нее своих глаз. Перевожу взгляд на ее губы и снова впиваюсь в них, теряясь в нашем поцелуе и углубляя его, готовый съесть эту женщину, так сильно она мне нужна. Сейчас, завтра, всегда.

— Пора ложиться спать, — прерывает Стелла наш поцелуй.

— Конечно, — отвечаю спокойно и, высвобождая ее из своих объятий, иду к двери. Взявшись за ручку, я уже готов был выйти, когда, Стелла развернула меня своими словами, в очередной раз застав меня врасплох:

— Ждем тебя завтра на ужин к восьми, не забудь, — и заговорщически улыбается.

Я лишь киваю и выхожу за дверь, где, словно вкопанный, стою на месте, не ожидая, что лишь словом ребенка мы стали намного ближе. Так неожиданно и так желанно для меня.

Глава 24. Белый шифон

Стелла

На следующий день, после той беспокойной ночи, Николас пришел к нам на ужин. Я, конечно, очень давно хотела пригласить его к себе, но боялась, как отнесется к этому Райли. Она еще маленькая, и ее реакция может быть непредсказуема при виде незнакомого мужчины. Но то, что она сама инициировала его приход к нам, для меня было полной неожиданностью.

С каждым прожитым днем, с каждой неделей я все сильнее привязываюсь к Николасу. Меня магнитом тянет к нему, но я, наученная горьким опытом, все же знаю, когда стоит дать себе притормозить. Когда нужно держать себя в рамках. Мне ни в коем случае нельзя забывать, что слишком близкая привязанность может однажды мне выйти боком.

Я знаю и понимаю, что Николас в отношениях с женщинами игрок. Он не раз мне об этом говорил, намекал своим поведением, хотя по сути ничего плохого мне не сделал. Просто я сделала свои выводы.

Не могу не признать, что ужин прошел на ура. Райли и Николас подружились, это я могу сказать по поведению своего ребенка, не кривя душой. Я очень боялась того, что она

себя будет вести совершенно непредсказуемо, ревновать меня к нему, но мои нехорошие ожидания, слава Богу, не оправдались. У меня растет общительный, позитивный и всем интересующийся ребенок. Она полвечера мучила Ника расспросами о видах жучков, которые заводятся в зубах у детей. Стоит отдать должное ему, он выкрутился, придумав такую цепочку, что мне и не снилось. Мы смеялись весь вечер, сгибаясь пополам от смеха. Для меня всегда было ценным, когда мужчина может рассмешить, при этом сам не боясь казаться забавным или смешным. Эта черта характера меня всегда очаровывала.

Беру телефон и набираю номер Джулии, с которой мы давно не болтали. Я, конечно же, скучаю. Раньше мы часто виделись, а сейчас, хотя я живу не первый год вдали от родного города, все никак не могу привыкнуть, что наши дома отнюдь не на одной улице.

— Привет, подруга, — Джулия практически с первого гудка отвечает на мой звонок.

— Привет — привет, — вторю ей. — Слышу, у тебя отличное настроение?

— Твой звонок для меня всегда праздник, — тараторит она.

— Намекаешь, что я тебе редко звоню? — возмущаюсь, постукивая пальцами по столу. — Могла бы и сама в таком случае мне чаще набирать.

— Так, стоп! Я без претензий, Стел, — успокаивает меня подруга. — Я же знаю, что ты до жути занята. У тебя вечно совещания, встречи. Я все понимаю, не надо так говорить, — ее тон словно у миротворца, пытающегося погасить конфликт на Ближнем Востоке.

— Ладно, проехали, — замолкаю. — Какие новости?

— Да, в общем-то, никаких. Все как всегда, — спокойно излагает подруга. — Подготовка, стирка, садик, магазин, занятия с Анной Мей. Сплошная бытовуха, — тяжело выдыхает Джулия.

— Приезжайте всей семьей к нам, развеемся немного, — предлагаю я. — Мы с Райли по вам очень соскучились.

— Ммм, отличная идея, — Джулия замолкает. — Может, в этот уикенд?

— Ох, прости, Джулс, не получится, — начинаю оправдываться, вспомнив, что у нас уже есть кое-какие планы. — Я Николасу обещала провести вместе эти выходные.

— Шутишь? Это же здорово! — задорно восклицает подруга. — Значит, тебя этот красавчик прямо в оборот взял. Вот так новости!

— Перестань, — смеюсь я. — Никуда он меня не взял. Просто нам хорошо вместе, почему я должна от него бегать?

— Конечно, не должна, — соглашается она. Но, кажется, кто-то втюрился по самые уши, — поддевает меня подруга, а я чувствую, что начинаю краснеть, хоть никто и не видит этого.

— Не говори так, — краснею я до кончиков своих ушей, словно школьница, отгоняя от себя подальше слова Джулии.

— Ладно, не смущайся. И куда вы собираетесь? — интересуется подруга.

— Николас предлагает съездить в дом у озера в горах Поконо. Кажется, он там родился, — вот и вся информация, что мне известна о его прошлом. Нужно ли мне знать больше?

— Обалдеть! Слышала, там нереальная красота, — Джулс искренне восхищается, как дитя. — Ну, ты и счастливая, — растягивает она на распев слова.

— Будто ты нет, — ставлю я под сомнение свое счастье.

— Это совсем другое, — отмахивается она. — У нас всюю семейная жизнь, мы уже притерлись друг к другу, а у вас только все зарождается. Это просто прекрасно, —

взвизгивает она от радости, словно ей показали что-то невиданное.

— Ты как всегда все преувеличиваешь, — пытаюсь быть спокойной.

— Как знаешь, хорошо вам отдохнуть. И набери мне, как вернетесь. Я жажду подробностей, — мысленно представляю, как Джулия по-деловому тычет в меня пальцем, а глаза ее горят огнем от любопытства.

— Спасибо, милая, — улыбаюсь я подруге, хоть она и не видит меня. — Передавай привет Анне Мей и Брендону. Я люблю вас.

— И мы тебя, Стел, — и мы разъединяемся.

* * *

Николас забирает нас рано утром, и мы вчетвером: я, Николас, Райли и няня Марта выдвигаемся на его огромном внедорожнике в дом у озера, расположенный в живописных горах Поконо. Я никогда там не бывала ранее, но видела эти места на фотографиях. Красота этих гор, окруженных извилистыми реками, впадающими в озера, и заповедником, завораживает даже на фотографиях. Боюсь представить, какие пейзажи будут открываться воочию, хотя мое тело и разум нуждаются в таком естественном отдыхе, подальше от каменных джунглей, и поближе к природе.

Спустя пару часов мы с легкостью преодолеваем чуть более ста миль и оказываемся на месте.

Вокруг красота неопишуемая. Разномастные по окраске деревья, от желтых до ярко-красных, покрывают склоны гор Поконо, отражаясь в прозрачной лазури озер и рек, сливающихся с чистейше-голубым небом, заполненным кораблями белых воздушных облаков. Это разнообразие красок наполняет взор, умиротворяя все тело и заставляя задуматься, насколько природа непредсказуема и прекрасна, и все это вокруг нас, стоит только начать эту красоту замечать и ценить.

Внедорожник Николаса останавливается у двухэтажного темно-коричневого дома, который издалика казался крошечным, но вблизи он просто огромный. Видно, что дом далеко не новой постройки, но очень ухоженный и уютный даже снаружи. Надеюсь, что и внутри не хуже.

— Идемте, — говорит Николас, вытаскивая сумки с вещами и продуктами из багажника. — Я покажу вам дом, а потом погуляем по окрестностям. Вам понравится.

— Николас, — радостно верещит Райли. — А мы пойдем к озеру?

— Обязательно, — кивает он.

Райли широко улыбается, сложив свои кулачки вместе. Я давно не видела ее в таком предвкушении, и ее счастливая улыбка меня окрыляет.

Мы располагаемся в доме, при этом Николас выделяет мне отдельную комнату, чтобы я не чувствовала себя неловко перед дочерью и няней. А Райли с няней достается самая большая комната, которую дочь выбрала сама, потому что в ней она увидела огромный стол и мягкое кресло. Сказала, что будет рисовать. И почему-то я ей верю, потому что ее вообще трудно в чем-то переубедить. Николас потакает моему чаду, а я бессильна в этом.

Распаковав вещи, мы направляемся к озеру, где Николас на гриле жарит овощи и рыбу, которую мы купили у местных жителей по пути сюда. Когда я спросила Ника, любит ли он ловить рыбу, то он как-то уклончиво ответил, сказав, что из него неважный рыбак. В общем, кто знает, может ему не доставляет это занятие удовольствие.

Довольная Райли бегаёт у кромки прозрачной воды, проверяя ее температуру рукой.

Самостоятельно убедившись, что вода прохладная для этого времени года, она все-таки отказывается от идеи искупаться, как мы не пытались ее до этого переубедить, и начинает бросать в воду камушки, заставляя их вибрировать по воде и оставлять цепочки кругов, как ее научил Николас.

Ближе к вечеру, после пикника, мы возвращаемся домой, уставшие и безумно счастливые. Пока Николас принимает душ, а Райли рисует в своей комнате, где с ней также находится Марта — любительница скоротать вечерок за книжкой, я решаю осмотреть дом.

Собрав в конский хвост еще слегка влажные волосы, я набрасываю на себя толстовку с капюшоном и выхожу на балкон, с которого открывается бесподобный вид на горы, покрытые лесами и освещенные вечерним солнцем, которое так стремится быстрее спрятаться за горизонт, но знает, что пока рановато, поэтому греет своими оранжево-красными красками окрестности гор Поконо.

Свежий воздух наполняет мои легкие, а пейзаж успокаивает. Я начинаю жалеть, что раньше не побывала в этих местах, но благодарю судьбу за то, что мне все же удалось выбраться сюда со своим маленьким счастьем — Райли, и мужчиной, который делает меня счастливой последние несколько недель.

Мои размышления нарушает Николас, которые незаметно подкрадывается ко мне сзади и заключает в объятия, прижав меня еще крепче к своей груди.

— О чем задумалась, детка? — мурлычет он мне на ухо, пуская волну мурашек по моему телу. Его дыхание такое теплое, и от него исходит приятный аромат свежести и цитруса.

— Наслаждаюсь видом, — тихо-тихо говорю я. — И размышляю обо всем.

— Не думай ни о чем, — говорит он своим низким и спокойным голосом. — Мы же на отдыхе, а не на работе.

Я улыбаюсь.

— Ты же знаешь, что мой мозг все время работает. Не умею отдыхать, — отвечаю честно.

— У меня для тебя сюрприз, — Николас продолжает меня завораживать своим голосом. — Но сначала мне нужно, чтобы ты не подсматривала.

— Вот как, — оборачиваюсь вполоборота в объятиях Николаса, он целует меня в щеку. — Не знаю, смогу ли я не подглядывать, — ухмыляюсь.

— Это очень просто решается, — отпускает он меня и демонстрирует черную повязку для глаз. Я на него вопросительно смотрю, сгорая от нетерпения узнать, что же он мне приготовил. — Не переживай, нам недалеко идти, — заверяет он меня.

Николас завязывает мои глаза и ведет за руку, от страха неизвестности я еле передвигаю свои ноги, потому что привыкла все контролировать из-за нелюбви к сюрпризам. Воздух наполнен ароматами осени, такими настоящими и необыкновенными. Мы останавливаемся, я ничего не вижу, но слышу как тихо и умиротворенно вокруг, издалека лишь доносят крики птиц и легкий шум воды, что неудивительно, ведь рядом находится озеро. Именно в данную секунду я решаю отпустить все свои страхи, понимая, что я вижу намного больше с повязкой на глазах, чем с широко открытыми глазами.

Николас стоит за моей спиной, прижав к своей горячей груди. Он медленно стягивает повязку с моих глаз, я не решаюсь открыть глаза. Еще несколько секунд наслаждалась освежающим, прохладным воздухом и приятным ветерком, который ласкает мою кожу, пока Николас не говорит:

— Детка, открой же глаза, — и я их открываю. У меня захватывает дыхание от

увиденного, и я начинаю жадно глотать воздух.

Мы стоим на террасе, украшенной в бело-коричневых тонах: коричневый пол и перила идеально гармонируют с белой скатертью и белой драпировкой, которой украшены перила и навес. По периметру терраса украшена цветами, размещенными на стене и на перилах, которые создают летнюю атмосферу в осеннее время года.

На террасе везде расставлены маленькие свечи в прозрачных маленьких вазочках, создавая особую теплую атмосферу этим осенним вечером.

С террасы открывается вид на озеро, которое, если смотреть именно с этой точки, плавно переходит в оранжево — розовые тона, сливаясь в одно единое с небом.

Я ожидала, наверное, увидеть, что угодно, но не то, что сейчас перед моими глазами. Это чересчур романтично и просто великолепно в то же самое время. Кажется, что ничего прекрасней в жизни я не видела, а может просто не замечала? Я поняла, что на всю жизнь влюблена в это место и хочу сюда вернуться ни один раз, потому что это любовь с первого взгляда.

Я медленно поворачиваю голову к Нику.

— Спасибо, это...непередаваемо! — заикаюсь. — Просто ВАУ!

Он нежно целует меня в шею, как всегда делая мою кожу гусиной от удовольствия, и шепчет:

— Для тебя все что угодно, милая, — разворачивает он меня к себе. Секунду мы смотрим друг другу в глаза и сливаемся в поцелуе, подобном райскому напитку, такому вкусному, но, кажется, его чересчур мало, чтобы напиться. С трудом оторвавшись, мы соприкасаемся лбами.

— Можем поужинать, если хочешь, или сразу к десерту? — игриво спрашивает он.

— Думаю, тот десерт, который ты хочешь, пока может подождать, — разрушаю я его надежды. — А вот настоящий десерт я бы съела. — Заявляю, замечая краем глаза, что на столе стоит что-то из еды.

Он наигранно стонет от недовольства:

— Вот всегда ты так.

— Не хнычь как мальчишка, зато так будет еще вкуснее, — дразню я его.

— Я же шучу, ты ведь знаешь, — говорит он.

— Знаю, — это наша любимая словесная игра.

— Тогда давай присядем за стол, — берет он меня за руку и ведет к столу, установленному у самих перил, прямо с видом на воду. На столе, конечно же, белая посуда — все соответствует этой девственной красоте. Ник отодвигает стул и помогает мне присесть.

— Итак, сегодня в меню нашего ресторана, как видишь, только шампанское и клубника в шоколаде, — начинает он. — И, — замолкает, что-то ища в карманах своих джинсов, — эта маленькая прекрасная деталь, — заканчивает он свою речь, ставя прямо передо мной на тарелку бархатную коробочку темно-синего цвета.

Я сбита с толку и смотрю на эту коробку, прикрыв рот своей рукой. После перевожу свои глаза, полные ужаса, на Ника.

— Только не говори, что это то, о чем я думаю, — еле выдавливаю я из себя. Чувствую, что бледнею, и мои руки холодеют.

— Откуда мне знать, о чем ты думаешь? — кажется, он подтрунивает надо мной, потому что на его лице медленно расплывается улыбка.

— Ты же не собираешься....

— Просто открой ее, — перебивает он меня. Я сглатываю, чтобы смочить пересохшее от ужаса и страха горло, после поворачиваюсь и с минуту смотрю на идеально красивую коробочку, не решаясь ее открыть.

— Ну, же! Давай! — подталкивает меня к действию Николас.

Только не это! Только не это! Только не это! — твержу я сама себе.

Когда я все же собираюсь с духом и открываю ее, то обнаруживаю, что на меня смотрят два зеленых изящных изумруда.

— Стел, это всего лишь серьги, — закрываю глаза и выдыхаю от облегчения. — Я, конечно, от тебя без ума, детка! — пауза. — Но пока не готов делать предложение.

Я вздыхаю, сбросив камень с плеч.

— Спасибо, — говорю я Нику, смотря на бесподобные и изящные серьги. — Они... такие красивые.

— Когда я их увидел, — садится он рядом со мной на стул и берет за руку, — то сразу подумал, что они идеально подойду к твоим изумрудным глазам. — Подносит он мою руку к своим губам и целует ее. — Чего ты опять боишься? — спрашивает он.

— Что все происходит слишком быстро, — тихо говорю я, взяв его руки в свои.

— Знаешь, Стел. Жизнь слишком коротка, чтобы страшиться каждого момента, который может случиться с тобой, и которого ты не ждешь, или считаешь, что он несвоевременен. Для жизни никогда не бывает рано, Стел. Никогда.

— Наверное, ты прав, — соглашаюсь я с ним. — Мне кажется, что я просто боюсь начать по-настоящему жить, хотя жизнь идет и не ждет меня, пока я одумаюсь и вспомню, что я тоже часть ее, понимаешь? — спрашиваю его я, с грустью осознаю сказанные им слова.

— Понимаю, — подтверждает он мои сомнения. — Каждый человек рано или поздно приходит к этим мыслям, это лишь вопрос времени.

Мы несколько минут молчим, пьем шампанское и наблюдаем за солнцем, которое все ниже клонится к горизонту, подводя итоги этого дня, в ожидании следующего. После пересаживаемся на диван — качели, которые расположены в дальнем углу террасы, вдали от посторонних глаз. Мы сидим рядом, близко друг к другу, и я кладу голову Нику на плечо.

— Я не хочу, чтобы этот день заканчивался, — говорю я, нарушая нашу уютную тишину. — Никогда, — и прижимаюсь к нему, снова и снова вдыхая осенний воздух, дающий мне больше сил и дурманящий мой разум от счастья.

— Значит, не закончится, — заверяет меня Николас.

— Откуда ты знаешь? — едва шепчу я, поднимая украдкой глаза на него.

— Все зависит от нас, Стелла. Наше счастье — всегда в наших руках, — уверенно говорит Николас. И мы оба понимаем, что речь идет не только о сегодняшнем дне.

Речь идет *о нас*.

Глава 25. Немного правды или неудачное предложение

Николас

— Неужели за тридцать два года жизни у тебя не было серьезных отношений? — тихо спрашивает Стелла, когда мы посреди ночи лежим в постели и разговариваем. Для меня эта тема не из приятных. Еще в ранней молодости я отчаянно хотел семью и думал, что, будучи

молодым, женюсь и обзаведусь семьей. Но жизнь расставила приоритеты по-иному.

— Были, но очень давно. Кажется, что это было даже не со мной.

— Почему? Что произошло? — не унимается Стелла. Я удивлен, что она задает подобные вопросы, потому что сама же говорила о том, что нам не следует ворошить прошлое и ни к чему обнажать скелеты в наших шкафах. Хотя ей, вероятно, как любой женщине просто любопытно, и я не могу ее за это винить. Рано или поздно мы бы все равно пришли к этому разговору. Почему бы не сейчас?

— Это было много лет назад, мы познакомились на последнем курсе колледжа. Мы были влюблены, как мне тогда казалось, я хотел крепкой семьи и побыстрее, пока все не пошло немного не по тому сценарию, как я предполагал. До сих пор не хочу вспоминать, — начал я распространяться о прошлом слишком стремительно. Притормози, Николас.

— Время лечит, — говорит Стелла. — Нужно просто подождать.

— Нет, оно не лечит, — качаю я отрицательно головой. — Оно лишь притупляет чувства и стирает частички воспоминаний, но не вылечивает полностью. Разве у тебя было не так?

Она не отвечает, а опускает глаза и задумчиво смотрит на свои руки.

Наверное, пришло время с кем-то этим поделиться и уже отпустить. Ведь передо мной та женщина, которая может изменить мою жизнь навсегда. Я очень боюсь ошибиться еще раз. Это окончательно может сломать мою веру, и тогда я точно превращусь в моральное чудовище.

Но если не попробуешь, то никогда не узнаешь. Ведь так?

8 лет назад

Сегодня хороший день, который обещает стать самым лучшим и запоминающимся днем в моей жизни. В нашей с Аmandой жизни. Наконец-то я решился на этот серьезный шаг, осознав, что мы уже не студенты, оба работаем. Еще немного и я накоплю достаточно средств на первый взнос для покупки дома. Дальше будет только лучше — я из кожи вон лезу, поэтому самое время подумать о семье.

Это решение далось мне непросто, но в тоже время легко. Я люблю Аманду и не представляю свою жизнь без этой любящей меня женщины, поэтому хочу остепениться.

Я еду домой на своем «Мерседесе», а на пассажирском сиденье красуется бархатная коробочка, которая обещает большие перемены и еще больше счастья. Воздух в салоне наполняет аромат цветов, которые заняли все заднее сиденье машины. Я превращаюсь в грёбаного романтика, это так на меня не похоже. Но что не сделаешь ради любимой женщины, которая сводит с ума, в объятиях которой хочется тонуть и только с ней просыпаться каждое утро. Ради неё одной я готов на всё.

Я сегодня пораньше отпрашиваюсь с работы, зная, что Аманда будет целый день дома. Хочу сделать ей сюрприз.

Подъезжая к апартаментам, где мы снимаем с Амандой квартиру, я так волнуюсь, что, кажется, мое сердце сейчас выпрыгнет из груди. Как бы скорую не пришлось вызывать. Я всего лишь несколько раз испытывал в жизни подобные приятно — волнительные чувства. А вдруг что-то пойдет не так? Вдруг она не готова? Я мотаю головой, не желая думать о плохом. «Старик, успокойся и перестань себя накручивать», — уговариваю я себя и начинаю широко улыбаться, предвкушая, как моя малышка ответит

мне простое и короткое «да».

Закрываю автомобиль, поднимаюсь по лестнице на третий этаж и подхожу к двери нашей квартиры. Подходя все ближе и ближе к двери, слышу доносящееся стучи, ритмичные и становящиеся все громче и отчетливее слышны ми.

Опять кто-то из соседей делает ремонт. Двухлетний ремонт Хендриксов, живущих этажом выше, у меня встал поперек горла. Еще одной ремонтной эпопеи я не вынесу.

Достаю ключи из кармана и, аккуратно вставив ключи в замок, открываю неслышно дверь. Стук в моих ушах становится все громче и громче. Я переступаю разбросанные у входа палатки и, обведя взглядом пустую гостиную, направляюсь в спальню. Кажется, оттуда доносятся эти гулкие стучи, которые начали сопровождаться стонами. Это не очень похоже на ремонт.

Какого черта происходит?

Зайдя в спальню, я замираю в дверях, и все плывет у меня перед глазами. Сквозь пелену боли я вижу, как мой лучший друг Дилан со спущенными штанами лежит сверху на моей Аманде, и они трахаются, изнывая от удовольствия.

Какого черта тут происходит? — этот вопрос все повторяется и повторяется в моей голове.

Они не видят меня, потому что их глаза закрыты от удовольствия. Я не могу это видеть, это нужно срочно прекратить. Замахиваясь букетом, ударяю с силой по голой спине Дилана, и шипы впиваются ему в спину.

— Что за..? — начинает он орать, что есть мочи, но обернувшись, замирает. Аманда начинает истошно кричать и умолять простить ее, пытаюсь прикрыть свою наготу рядом лежащей простыней.

Я продолжаю хлестать букетом Дилана, нанося ему увечья шипами. Как хорошо, что Аманда любит розы. Просто хренова удача.

Я бросаю в сторону измочаленный букет цветов и начинаю наносить удары кулаками Дилану, истошно дыша и задыхаясь от гнева. Я не обращаю внимание на его мольбу прекратить. Из моих глаз сыплются искры гнева, и я не могу произнести ни слова.

Я наношу ему удары прямо по лицу, из его носа начинает хлестать кровь, но я не могу остановиться. Я слишком зол, чтобы взять себя в руки.

Боковым зрением вижу, что Аманда накинула на себя одежду и подбегает к нам пытаюсь оттолкнуть меня от друга:

— Ты же убьешь его, Ник, перестань. — Я замираю, услышав её слова. Ее больше интересует его физическое состояние, нежели то факт, свидетелем какой сцены я только что стал.

Мне хочется задушить её или избить до полусмерти, но я и пальцем к ней не прикоснусь. Я не поднимаю руку на женщину, это не по — мужск и. Я, сверля ее гневным взглядом, молча достаю футляр с кольцом и бросаю в ее сторону. Он, ударяясь о ее сложенные руки, падает на пол. У Аманды изумленный взгляд, она прикрывает рот ладонью, и слезы катятся по ее щекам.

Я надеюсь, что она осознала, что только что натворила. Что они оба натворили с нашими жизнями.

Не произнеся ни единого слова, я выхожу из квартиры и иду, куда глаза глядят.

— Николас, подожди, — кричит вслед Аманда, но я не оборачиваюсь. — Нам нужно поговорить, — продолжает она.

«О чем нам теперь говорить?» — задаю я мысленно вопрос, который не произношу вслух. Я все еще не произнес ни единого слова вслух. У меня просто нет на это сил.

Я выхожу из здания и иду на автомате к своей машине. Однако, замечаю, что за моей машиной припаркован синий пикап моего теперь уже бывшего лучшего друга Дилана. Какой я болван! Как я мог не заметить, когда подъехал? Хотя... чтобы бы это изменило, ведь я в любом случае ничего подобного и не мог предположить.

Конечно, этот засранец собирался к нам заехать за палатками и спрашивал меня, будет ли кто-то из нас сегодня дома днём. Удачно устроился, урод хренов.

Почему это с нами произошло?

Почему сегодня? В тот день, который я собирался с делами особенными. Хотя теперь я понимаю, что он стал особенным, но совершенно в другом смысле. Вряд ли я когда-то забуду это полнейшее фиаско.

А что, если бы это произошло после свадьбы или рождения детей? Даже не могу этого представить. Мысли осаждали мою голову, пока я словно в тумане ехал по городу, не зная, что делать и куда податься.

Было лишь одно место, способное мне помочь. Я приехал в бар, напился до беспамятства, заливая свое горе алкоголем, словно он сможет решить все мои проблемы. Но мне было настолько горько, что я верил в его исцеляющую силу.

Именно этот день и стал точкой отсчёта жизни нового Ника Оласа Ланкастера. Безжалостного, холодного и непреклонного игрока. Игрока этой жизни, который любит устанавливать свои правила игры, не позволяя никому вмешиваться в свои планы.

Но всё не вечно. Даже наши самые стойкие убеждения.

** * **

Я вижу, что Стелла смотрит на меня ошарашенным взглядом, а ее глаза наполняются крупинками слез.

— Боже, — прикрыв лицо руками, шепчет она. — Я такого не ожидала.

— Такого никто никогда не ждет, — констатирую я факт. — Особенно, собираясь сделать предложение.

— И тогда ты решил, что не хочешь отношений? — она все глубже забирается в мою душу.

— Вовсе нет. Я решил, что мои отношения не будут длиннее одной ночи, — честно признаюсь о своем решении, которое тогда принял. — Никаких привязанностей. Никаких обязательств. И никаких чувств.

— Но это жестоко по отношению к твоим спутницам, — начала она снова загонять меня в угол.

— Они всегда знали, на что идут, — заключил я. — Поверь мне, я никогда никого не обманывал. Ничего не обещал и не скрывал это.

Стелла ничего не отвечает, лишь смотрит вновь на свои руки, поджав губы, словно что-то хочет сказать, но боится меня обидеть.

— Осуждаешь меня? — не выдерживаю нашего неловкого молчания.

Она поднимает на меня свои красивые глаза, наполненные болью, которую она поделила вместе со мной, когда я рассказывал ей о событиях восьми лет давности.

— Вовсе нет, — качает она головой. — Николас, ты просто пытался быть счастливым. По-своему, но счастливым. За это я не смею тебя судить.

— Спасибо тебе, — я предельно искренен.

Она ничего не отвечает. Просто подходит ко мне и садится на мои колени сверху, словно желая оседлать меня, как неподатливого жеребца. Приблизившись лицами, мы соприкасаемся лбами, глядя друг другу в глаза. Я хочу утонуть в этих зеленых глубинах навсегда, лишившись дыхания от их красоты.

Я медленно провожу языком по ее нижней губе, из ее рта вырывается стон. Она запускает руки в мои волосы, и я впиваюсь в ее губы. Они слаще сахара и вкуснее любого деликатеса на свете.

Она касается руками моей груди, и от каждого ее прикосновения я воспаляюсь все сильнее, не в силах больше сдерживаться. Мне достаточно лишь одного ее взгляда или прикосновения, и я уже хочу обладать ею.

Покрывая ее лицо и шею поцелуями, я встаю с кресла и поднимаю Стеллу, она обхватывает меня ногами за талию, и я подхожу к софе.

Уложив ее на спину, я расстегиваю шелковый халат, под которым на ней ничего не надето. Она обнажена, и ее нагота такая красивая и совершенная, ей можно любоваться вечно. Ее тело извивается на софе, приглашая меня к этому ритмичному танцу наших тел. Я, конечно, не в силах устоять, потому что все мое тело горит, словно изнутри и снаружи меня касаются языки пламени, которое может разжечь и потушить только эта женщина.

* * *

Прижавшись к Стелле, я пристально смотрю в ее измученные и удовлетворенные глаза:

— Ты — единственная, с кем я хочу быть снова и снова, не ограничиваясь одной ночью.

— Я знаю, — отвечает она, и игривая улыбка озаряет ее лицо. — Но не забывай про нашу договорённость.

— Не хочу никаких договоренностей, — чеканю я слова, словно отбойный молоток стучит по металлу.

— Ник, правила есть правила. Мы сами их придумали и нам их соблюдать, — все еще убеждает она меня.

— Хватит разговоров! Ты сегодня сама нарушила свои же правила, — продолжаю я. — Так что прости, если я отклонюсь от наших договоренностей, — ухмыляюсь я, Стелла открывает рот от удивления, но я закрываю его грубым поцелуем, чтобы показать, кто из нас сейчас хозяин положения. Я хочу, чтобы сегодня он подчинялась мне, хочу с ней делать все или позволить ей сделать с собой все, что она сама захочет. Я не хочу с ней расставаться.

Глава 26. Озеро воспоминаний

Стелла

Мы не спали практически всю ночь и отрубались уже ближе к рассвету. Но я привыкла рано просыпаться, поэтому мой организм работал уже как часы.

Пролежав в постели несколько минут, наблюдая за мирно спящим Николасом, я поняла, что больше не смогу уснуть. В окно пробирались лучи солнца, поднимающегося над горизонтом и оповещающего о начале нового дня.

Я решила не лежать в кровати, а пройти подышать свежим утренним воздухом и встретить рассвет. Мне нужно было побыть наедине со своими мыслями и раздумьями.

Перед выходом из дома я заглянула в комнату Райли. Дочь мирно посапывала, крепко прижав к себе мистера Бонни. Я поправила ее одеяло и вышла из дома, направившись к манящей мой взор воде.

Из-под навеса я взяла несколько пледов, чтобы не сидеть на прохладном песке, и направилась к кромке озера, в котором отражалось утреннее восходящее солнце, заполняя пространство вокруг яркими красками, заряжая новый день новыми эмоциями и предвещающими событиями.

Воду я люблю с детства. С того самого момента, как научилась ходить. Особенно я любила океан, его синева и прозрачность всегда завораживала меня.

Помню, когда я была совсем маленькой, и мои родители еще были вместе, мы ездили к родственникам отца в Майами. Я просто обожала, когда мы с родителями ходили на пляж, где меня не могли отогнать от воды. Это были последние радостные воспоминания, связанные с моим отцом. После, когда он нас бросил, мы с мамой больше никуда не ездили дальше своего штата, где, кстати, тоже были пляжи и вода.

В детстве я любила океан, как способ развлечься. Но, став взрослее, я разглядела в нем что-то особенное. Когда его воды волнуются, и пенистые волны бегут к тебе, то кажется, они спешат что-то сказать. Мне всегда казалось, что если придти к нему со своими проблемами, то он может забрать все твои тревоги, помочь найти решение или выход из трудной ситуации.

Что касается озера, то его воды меня умиротворяли и говорили, что просто нужно успокоить свой поток мыслей. Нужное решение придет ко мне, когда наступит подходящий момент и не стоит волноваться, тревожиться зазря, без повода.

В эту самую минуту я понимаю, что мне очень хорошо с Николасом и я хочу, чтобы он был в моей жизни, причем все время. Каждый день. Он единственный человек на данном этапе моей жизни, кто может вселить в меня уверенность, рассмешить и разозлить одновременно до бешеного состояния! Но именно поэтому мне с ним интересно и спокойно. Я не хочу его никуда отпускать, но меня все время беспокоят мои страхи и неудачи прошлого. Возможно, я слишком боюсь их отпускать, поэтому приросла к ним корнями, и это моя большая ошибка. Просто вселенского масштаба. Я понимаю отчетливо, что не хочу никаких правил, никаких договоренностей. Пусть наши отношения развиваются так, как и должно быть — естественно и без надуманных проблем. «Пусть все идет своим чередом», — убеждаю себя, отдавая нас с Ником в руки судьбы.

— Ты почему тут сидишь одна? — слышу я за своей спиной заспанный голос Николаса, прерывающий мой внутренний диалог с собой. Я оборачиваюсь и вижу, как он идет ко мне, приглаживая руками свои растрепавшиеся ото сна волосы.

— Не могла больше спать, — говорю тихо. — И мне нужно было подумать.

— Вот как, — вздыхает брови Николас. — То есть отключить голову на уикенд — это не твой вариант? — в его голосе слышится издевка, или мне все же показалось?

— Перестань издеваться и иди уже ко мне, — тяну я к нему свою руку, желая, чтобы он присоединился ко мне. Николас охотно принимает мое приглашение и усаживается на плед позади, обвив меня, словно паук, своими длинными руками и ногами.

— Значит, ты у нас ранняя пташка? — спрашивает он.

— Привычка, — просто отвечаю я.

— Да уж, детка, с тобой не выспишься.

— Ну, знаешь, если ночью спать, а не делать кое-что другое, то вполне можно

выспаться, — говорю я деловым тоном.

— Ты же знаешь, я не могу просто спать рядом с тобой, — оборачиваюсь к нему и вижу, что он довольно улыбается и начинает залезать руками под мою кофту.

— Сэр, держите свои грязные ручонки при себе, — насуплено говорю Нику, отдергивая его руки.

— Эй, ты чего дерешься? Плохая девчонка! — наигранно обижается он.

— Давай просто посидим и насладимся рассветом, — призываю я расслабиться нас обоих, это нам очень нужно.

— Как скажешь, — Ник целует меня в щеку и еще сильнее прижимает к себе. Мне так хорошо вот так сидеть в его объятиях, наслаждаясь каждой минутой ничегонеделания вместе с человеком, который стал мне близок за последнее время.

— Здесь очень красиво, — прерываю наше молчание. — Спасибо, что привез нас сюда.

— Не за что, мне тоже здесь очень нравится.

— Часто сюда приезжаешь? — пытаюсь выведать, как часто он тут бывает, потому что всем сердцем хочу вернуться в это прекрасное место.

— Не очень, если честно. Много разных воспоминаний..., - что-то не договаривает он. Я ничего не спрашиваю, потому что, возможно, Николас не хочет об этом говорить, а мне неудобно самой спрашивать, что произошло, и какого рода воспоминаниями наполняет его это место. — Их чертовски тяжело снова впускать в свою жизнь.

— Почему? — едва слышно спрашиваю я, не надеясь получить ответ, если честно.

— Это связано с моим отцом, — сразу же отвечает он. — Знаешь, у меня никогда не было примера взаимоотношений отца и сына, — начинает неожиданного говорить он. — И все не от того, что у меня не было отца. Он был физически на этой планете, и мы даже жили в одном доме. Но его никогда не было рядом со мной. Не было ни одного момента в моей жизни, чтобы он сказал «Сынок, ты молодец» или «Сынок, давай погоняем вместе мяч». Это все, увы, не про мое детство и не про меня. Поэтому, сейчас мне отчасти странно находиться здесь и видеть тебя и Райли, у которых настоящие отношения матери и дочери, как и должно быть. Это большое счастье для вас и, прежде всего, для нее, — говорит он и говорит, не ожидая, что я присоединюсь к этой беседе, не ожидая моих вопросов, которые я, конечно же, не буду задавать. Мне достаточно того, что он сам хочет мне рассказать. Я понимаю, что ему нужно выговориться, и даю ему такую возможность, не суюсь к нему с расспросами. Просто слушаю.

— Помню, я любил приходить на озеро, не сюда, на другое, которое чуть дальше от нашего дома. Моей мечтой всегда было порыбачить. Не в смысле подурачиться вместе с ребятами моего возраста и соревноваться, кто первым поймает рыбешку или кто из нас поймает рыбу побольше. Я приходил на озеро один воскресными днями, все лето напролет, и с завистью наблюдал, как отцы со своими сыновьями вместе рыбачат. И им было неважно, кто первым поймает рыбу. Нет, вовсе нет. Это был особенный ритуал отца и сына — вылазка парней двух поколений семьи, когда старший передавал свой опыт и навыки младшему, давая тем самым пример, что всегда и во всем нужно держаться вместе. Что мужчины — это оплот и крепостная стена семьи. Я завидовал, — продолжал он, — и мне становилось грустно. Каждый раз я уходил оттуда со слезами на глазах. Но однажды мой ритуал прекратился, конечно же, не по моей воле. — После этих его слов у меня вообще отпали всякие вопросы по поводу рыбалки. Это были еще одни непрошенные воспоминания на его голову, которые возможно я разбудила.

— Мне было одиннадцать лет, — продолжал он, как ни в чем не бывало. — В очередной раз я возвращался домой с воскресной «рыбалки», когда, подходя к дому, меня за ворот рубахи схватил мой отец, от которого разило дешевым пойлом. Я видел по его глазам, что он был пьян в стельку и, как обычно бывало в таком состоянии, он был зол. Лишь повзрослев, я понял, что он заливал бурбоном свою никчемность и свои неудачи. А на меня, как на маленького мальчишку, который не способен дать ему отпор, он выливал всю свою злость. Спускал на меня всех собак. Бил меня, калеча мое тело, все же избегая моего лица. Видимо, не хотел, чтобы кому-то были очевидны его методы воспитания.

У меня на глазах начали наворачиваться слезы, потому что я в красках приставляла его рассказ, видя, как взрослый пьяный амбал избивает своего собственного сына. Это просто мерзко и недопустимо. Я обернулась в его объятиях и увидела на лице Ника горькую улыбку.

— Когда я уже не мог терпеть его ударов, то начинал тихо стонать, обливаясь слезами. Он же начинал орать на меня, говоря «Ну что ты плачешь как девка? Веди себя как мужик, хватит распускать слюни». Кажется, я всегда буду помнить эти слова, которые иногда так и крутятся в моей голове. Я молчал и ничего ему не отвечал. Я был настолько им запуган, что просто предпочитал его тихо ненавидеть, нежели распалять его гнев еще сильнее. Я боялся, что однажды он может забить меня до смерти, поэтому просто стал его избегать после того случая и не попадаться вообще на глаза.

Николас замолчал, тяжело вздохнув.

— Иногда мне кажется, что я просто смотрю какой-то фильм в своей голове, и все это было не со мной. Физически я не чувствую этой боли на своем теле, но в душе раны по-прежнему еще слегка кровоточат. Такое невозможно забыть.

Теперь я понимаю, почему не смотря на весь ужас случившегося, он пытается не забыть это, хотя бы частично вспоминать. Никому не захочется вновь пережить повторно предательство, испытав однажды предательство своего родителя, который дал тебе жизнь и в то же самое время не давал тебе жить. Это просто какая-то дурацкая ирония. Боже, взрослые бывают такими ублюдками по отношению к своим детям.

— И как ты это терпел? — спросила я, стараясь не выдать, что я тихо оплакиваю его горькие воспоминания.

Николас громко вздохнул: — Когда мне было тринадцать лет, то отец умер, и меня забрали к себе родственники матери в Филадельфию. Они состоятельные, но у них никогда не было детей, так уж случилось, поэтому они помогли мне стать тем, кем я сейчас и явлюсь. Я им очень благодарен. Жаль, что сейчас они уже не с нами, упокой Господь их души.

— Зачем ты сюда приезжаешь, если столько плохих воспоминаний вызывает это место, это озеро? — вновь оборачиваюсь и смотрю на него, желая получить искренний ответ.

— Я тебе уже говорил, что стараюсь бороться со своими страхами, смело глядя им в лицо, а не прячась под кровать и не забиваясь в угол, как делал, будучи маленьким. Это полностью заслуга моего отца, я таким остался навсегда и во всем. Это как напоминание мне о том, что я никогда не буду обращаться подобным образом со своим сыном или дочерью, неважно. Я хочу быть достойным примером для своего ребенка, а не жалкой тенью для подражания. Я не хочу быть как он, понимаешь?

— Понимаю, — киваю я и полностью поворачиваюсь к нему, освобождаясь от его объятий и вытирая пальцем слезы, что стекают по щекам, не желая, чтобы Николас видел, что я расстроена его детством. В таких красивых местах такое уродливое, искалеченное

детство. Это просто ужасно. Дети не виноваты в грехах своих родителей, но к сожаленью жизнь иногда так несправедлива.

— Ты хорошая мать, — утверждает Николас. — Райли очень повезло, она просто замечательный ребенок и так похожа на тебя.

У меня вырывается смех сквозь слезы: — Что ты. Она копия своего папочки. И, вообще, не захвали меня.

— Это чистая правда, — говорит он. — Ваша особая связь видна невооруженным глазом.

— Кажется, ты ей нравишься, — излагаю Николасу свои наблюдения. Он смотрит удивленно на меня, словно ожидал от меня услышать все что угодно, только не эти слова. Он ничего не говорит некоторое время, что, кажется, прошло уже несколько часов.

— А тебе я нравлюсь? — испытывает он меня серьезным взглядом.

— Станный вопрос, — мое лицо в данную секунду должно явно выражать просто крайнюю нелепость его вопроса, ведь я здесь, с ним. — Ты даже не представляешь, насколько сильно нравишься.

Он молчит и смотрит на меня.

— Я очень хочу, чтобы ты был как можно чаще рядом со мной и моей дочерью.

Николас склоняет голову, смотря на свои ноги в турецкой позе.

— Не думал, что когда-нибудь дождусь от тебя этих слов.

— Наверное, пришло время признать очевидное, — слегка улыбаюсь.

— Мамочка! Мамочка! — прерывает наш разговор радостный голос Райли, которая бежит к нам со всех ног и бросается меня обнимать.

— Доброе утро, солнышко, — обнимаю дочь в ответ и целую в макушку. — Проголодалась? — спрашиваю ее.

— Очень! — воодушевленно восклицает дочь. — Слона бы съела! — похлопывает она себя по животу по-деловому, мы же с Николасом переглядываемся и взрываемся от смеха.

— Пойдём тогда завтракать и будем собирать вещи, — говорю, утирая слезы с глаз. Это утро выдалось богатым на эмоции: то я плачу от горечи за Ника, то от смеха над своим находчивым ребенком.

— Мы уже уезжаем? — Райли сводит разочарованно свои бровки. — Так быстро?

— Милая, ты же знаешь, мне и Николасу завтра на работу, ничего не поделаешь, — успокаиваю своего ребенка.

— Я вас сюда еще обязательно привезу, — заверяет ее Николас, когда видит, насколько она расстроилась. — Обещаю.

— Правда? — лицо Райли снова озаряет воодушевленная улыбка. Похоже, не только я сегодня полна разных эмоций, но и моя дочь поспекает за мной.

— Идемте завтракать! — восклицаю, поднимаясь с пледа, и беру Райли за руку.

— Идите, я сейчас соберу пледы и приду следом за вами, — говорит Ник, когда я поворачиваюсь к нему.

— Уверен, что справишься? — предлагаю свою помощь.

— Определенно! — утвердительно кивает он, быстро целует меня в щеку, и мы уходим в дом.

По пути я оборачиваюсь и наблюдаю, как Николас, держа собранные пледы в руках, застыл на минуту и смотрит на озеро. Я гадаю, о чем же он может думать. Мне хочется верить, что он оставляет в этот момент там свои худшие воспоминания. Мне очень хочется,

чтобы он освободился от дурных воспоминаний, которые не всегда нужно хранить при себе. Порой они нам слишком мешают и делают озлобленными к своему прошлому, которое давно пора отпустить с миром.

Я еще раз оглядываюсь на него, и наши взгляды встречаются на секунду. Его глаза слишком серьезны, словно я оторвала его от чего-то крайне важного, запретного для меня, но когда он начинает улыбаться, я понимаю, что он не пытается закрыться от меня, а наоборот — готов поделиться со мной всем, что у него есть на душе. Так подсказывает мое сердце, а оно не может мне лгать. Оно — самый верный друг и помощник.

Этот мужчина меня заставляет поверить в лучшее. Заставляет меня саму отпустить все напоминания прошлых неудач, обид, тревог, предательств. Они тянут меня назад, не давая двигаться вперед. А я страстно хочу идти, шагать, бежать вперед, причем рядом с этим человеком.

Порой мне кажется, что я так запуталась, что каждый новый ответ порождает во мне еще больше вопросов, что, кажется, я никогда не найду нить истины, своей *личной* истины. Но эти выходные дали мне понять, что сейчас я как никогда к ней близка.

Глава 27. Мороженное сближает

Николас

После нашей поездки в горы Поконо между мной и Стеллой что-то изменилось. Это невозможно отрицать и с этим не стоит спорить. Причем эти изменения в лучшую сторону, они меня окрыляют и подпитывают, заставляя радостно трепетать все мои внутренности перед каждой нашей встречей. Мне даже на секунду показалось, что я наконец-то подобрал ключ к этой женщине-загадке. Вот только так ли это на самом деле?

По неизвестно причине мне было очень легко открыться Стелле и рассказать о своем детстве. Слова полились из меня, и я не хотел останавливаться, хотел говорить и говорить, словно в попытке избавиться навсегда от воспоминаний, которые отчасти сделали меня тем, кем я сейчас являюсь.

Сколько себя помню во взрослой жизни, я всегда был суровым, иногда жестоким, временами озлобленным. Уж поверьте, повод всегда находился. Иногда я никого и ничего не щадил на своем пути. У меня не было иного примера, лишь пример озлобленности и ненависти родом из детства. Идти напролом и не сдаваться. Я хорошо выучил этот урок.

Пережив все издевательства своего отца надо мной, уже освободившись от всего этого после его смерти, я решил раз и навсегда для себя: все будет по моим правилам и никак иначе.

К сожалению, у меня не было примера крепкой семьи, только жалкое подобие из отца-алкоголика, который избивал меня и матери, которая, кстати, не выдержала всего этого и сбежала. Я её не виню, она все же делала некоторые попытки забрать меня с собой, но отец силой отобрал меня у неё. Не знаю, почему она решила не бороться дальше, не обращалась в органы опеки, да и вообще, где были глаза всех моих других родственников? С тех пор ни я, ни моя родня ничего не слышали о ней. Где она теперь? Жива ли она?

Иногда на меня накатывали воспоминания, порождающие борьбу желания и боязни создавать семью, потому что во мне течет *его* кровь. Я боюсь, что не смогу стать достойным примером для своих детей, не смогу их чему-то научить и указать верный путь.

Но эти выходные, проведенные в горах Поконо со Стеллой и Райли, дали мне пищу для размышлений. Мне было чертовски уютно и комфортно с ними двоими, что заставило меня

поменять свое мнение. Сейчас я полон сомнений и думаю, что все мои табу на семью были какой-то самолично сфабрикованной глупостью, ограниченностью.

После поездки я стал частым гостем в доме Стеллы, и в последнее время совсем не ночевал в гостевой спальне, словно комната Стеллы стала моим вторым домом. Такое частое времяпрепровождение в её доме для меня значило очень много. Она стала мне доверять и перестала заморачиваться по поводу и без.

В одну из таких ночевок я просыпаюсь от звука детского плача, который нарастает и становится все громче и отчетливее слышным. Открыв глаза, я ничего не могу различить в кромешной тьме. Так темно, что хоть глаз выколи. Я протираю глаза, пытаюсь привыкнуть к темноте, и вижу силуэт Райли, которая стоит у изножья кровати и плачет навзрыд.

Быстро отогнав от себя сон, я соскакиваю с постели, потому что совершенно не знаю, что делать. Я ещё не отошел ото сна и мне неизвестна причина, по которой она расстроилась. Я никогда не был в подобной ситуации. Один в доме с ребенком, который к тому же плачет.

Я пытаюсь собрать все свое мужество в кулак, опускаюсь на корточки, приблизившись к Райли, и беру ее за маленькие ручки.

— Что случилось? — осторожно спрашиваю. — Тебе приснился кошмар?

— Не-е-ет, — протяжно сипит она, всхлипывая.

— Не плачь, скажи мне, в чём дело? — недоумеваю я. Она высвобождает свою руку, вытирая ей свои слезы, которые льются ручьями из глаз.

— Мамочка, — ноет она, — моей мамочки нет, — снова продолжает хныкать она.

Я в замешательстве и не знаю, что сказать. Меня всегда немного пугал детский плач, поэтому оставаясь один дома с Райли, я просто надеялся на удачу и на то, что ничего особенно не произойдет. Но вот тебе и пожалуйста: я смотрю как болван на маленькую девочку, которая ростом чуть выше метра, и не знаю, что сказать и как её успокоить.

— Её, наверное, забрали инопланетяне, — смотрит она на меня, сдвинув бровки. — Это я во всем виновата, потому что не хотела засыпать, — всхлипывает она и начинает почти задыхаться от слез. Надо срочно что-то предпринимать, иначе я сойду с ума.

— Райли, почему ты так говоришь? — беру её за руки и заглядываю в её карие глаза, наполненные горошинами слез. — Ты ни в чем не виновата. Мама уехала на работу.

Глаза Райли замирают на мне. Ее выражение лица тотчас меняется с расстроенного на удивленное.

— Её не забрали плохие инопланетяне? — вытирая маленькими ладошками свои мокрые щёки, едва слышно вырываются у неё слова.

— Нет, — облегченно вздыхаю, радуясь внутри тому, что она, кажется, начинает успокаиваться. — Ей пришлось уехать на работу, когда ты уснула, а я остался дома, с тобой.

Райли, перестав плакать, смотрит на меня уставшими глазенками:

— Правда? — словно сомневается она в правдивости моих слов.

— Конечно, правда, — киваю я. — Зачем мне тебя обманывать? Давай я тебя уложу спать, — предлагаю ей дружелюбно, встав на ноги и протянув ей руку. Она смотрит на неё, будто не зная, пойти со мной или нет.

Райли качает отрицательно головой:

— Я не усну без мамочкиной сказки, — очень по — взрослому вздохнув и надув свои разругавшиеся щечки, изрекает она.

— И что тогда будем делать? — я не знал, что еще сказать и пошел ва-банк, решив

предоставить ей выбор. Лицо девчужки внезапно озаряет широкая улыбка.

— Давай есть мороженное! — восклицает она со шkodливым лицом, не задумавшись ни на секунду.

— Думаешь, это хорошая идея? — сомневаюсь, что стоит заняться именно этим. Кажется, не очень правильно кормить ребенка посреди ночи мороженным.

— Я никому не скажу об этом, — хитро она смотрит на меня, поджав свой ротик.

— Ну...,ладно, — сдаюсь, немного помедлив. — Только не говори маме, а то нам попадет, — пытаюсь я подговорить ребенка. Да уж, я не лучший воспитатель, кругом нарушаю все правила и устои.

Райли молчит, продолжая хитро улыбаться, и проводит сложенными пальцами по сомкнутым губам, показывая, что ее рот на замке, и наша тайна останется только с нами.

— Так, давай посмотрим, какое мороженое у нас есть, — заглядываю в морозильную камеру. Райли усаживается за стол, подперев подбородок руками.

— Так, здесь есть клубничное, ванильное, шоколадное и... сырное. Боже, кто может любить сырное мороженое? — разговариваю сам с собой вслух, вспоминая весьма странный вкус этого сорта мороженого.

Райли подозрительно молчит, поэтому я оборачиваюсь и смотрю на её серьезное выражение лица.

— Ты чего? Какое мороженое будешь? — демонстрирую ей коробку клубничного и шоколадного лакомства.

— Сырное! — говорит она. — Моё любимое!

— Вот как? — мои брови вздымаются вверх. — Серьёзно? — недоумеваю я. Только я мог так облажаться, раскритиковав именно тот сорт мороженого, который любит расстроенный ребенок, находящийся под моим контролем. Ещё минус один бал мне как няньке.

— Угу, обожаю его. Надо еще посыпать орешками, — говорит она, как ни в чём не бывало, словно не слышала мой неуместный комментарий.

— Так, где лежат орехи?

— В крайнем шкафу справа, — инструктирует она меня. Я беру миски из шкафа, решив тоже охладиться этой странной ночью. Кладу специальной ложкой два шарика мороженого для Райли и посыпаю размельченными грецкими орехами.

— Пожалуйста, мисс! — словно официант, подаю ей лакомство. Она хихикает и начинает есть мороженое.

Пока мы едим лакомство, то молчим и переглядываемся. У Райли довольное выражение лица. Я задумываюсь, насколько этот ребенок удивляет меня каждый раз. Никогда бы не подумал, что можно не любить клубничное или шоколадное мороженое, но, оказывается, не такой уж я спец в детских вкусах. Сейчас дети совсем другие, совершенно не похожие на нас.

— Так, ребенок, а сейчас идем спать! — говорю, помыв после нас миски и ложки, вытерев их и поставив на место, заматаывая следы нашего ночного преступления. Оглядываюсь на Райли, она лишь согласно кивает.

Перед сном я читаю ей несколько страниц её любимой сказки, после иду в спальню Стеллы и ложусь сам. Посмотрев на часы, понимаю, что прошло уже пару часов с тех пор, как Стелла уехала в пекарню, и она до сих пор не звонила.

Беру с тумбочки телефон и набираю её номер.

— Привет, — она почти сразу же снимает трубку.

— Привет, — вторю ей. — Всё в порядке?

— Уфф, — вздыхает она. — Уже практически всё уладили. Оказывается, произошло возгорание на кухне, одна плита была не выключена и завтра кто-то за это поплатится, — по голосу слышно, что она вымоталась из-за всех этих событий.

— Может, нужна, какая помощь от меня?

— Нет, Ник, всё нормально. Ты и так мне помогаешь, оставшись с Райли дома. Мы с Патриком уже всё здесь уладили, — услышав это имя, у меня автоматически сжимается челюсть. Я бы хотел быть рядом с ней, чтобы во всём разобраться, а не этот убудок. Почему-то я не переношу его на дух. Словно он тот, кто пытается у меня украсть внимание Стеллы. «Успокойся, Ник, — говорю себе. — Он просто друг и партнер по бизнесу и ничего более».

— Ты не звонила, и я начал волноваться, — говорю спокойно, стараясь не выдать своего раздражения от упоминания имя Патрика.

— Спасибо, что переживаешь за меня.

— Приезжай скорей, без тебя так холодно спать, — смотрю на пустую половину кровати, на которой всегда спит Стелла, и провожу рукой по простыни.

— Скоро буду, поспи пока, — говорит она тихо-тихо.

— Не смогу. Мне нужно, чтобы ты меня убаюкала. Только ты можешь это сделать, — хнычу как маленький, чувствую, что стал гребанным романтиком. Скоро сам себя перестану узнавать. Но этой женщине я готов говорить нежности и свои искренние чувства двадцать четыре часа в сутки, и никогда не устану.

— Похоже, я прямо сейчас всё брошу и примчусь к тебе, — флиртует она со мной своим сладким голосом.

— Жду — не дождусь, — подыгрываю, желая, чтобы она оказалась рядом со мной прямо сейчас, подальше от этого напыщенного Патрика.

— Скоро буду, милый, — кладет она трубку, не давая мне возможность продолжить наш телефонный флирт. Чёрт возьми, она меня просто невероятно заводит. И, кстати говоря, Стелла крайне редко называет меня не по имени. Эти ее обращения «милый» или «дорогой», которые она произносит своим непревзойденным голосом, затуманивают мой мозг.

Так и не дождавшись Стеллу, я всё же уснул и проснулся только утром, обнаружив её рядом с собой. Решив не будить её после напряженной ночи, я отправился на кухню, чтобы приготовить завтрак.

Я провозился на кухне целый час и, в результате, стол заставлен разной едой: бекон, яичница, блинчики, оладьи. На любой вкус и цвет.

— У нас сегодня просто пир, а не завтрак, — говорит Стелла, когда я поворачиваюсь, неся к столу две чашки кофе, и замираю от неожиданности на месте, пытаюсь не расплескать кофе в чашках. И как она так неслышно пробралась на кухню?

— Уф, — выдыхаю я. — Ты меня до чертиков напугала, я чуть кофе не разлил по всему полу, — говорю я.

— После того, что ты приготовил, я бы с удовольствием убралась, даже если бы ты залил полы всей квартиры. Ты — мой герой! — хвалит она меня и быстро целует в щёку.

— Просто было нечем заняться с утра, — скромничаю, усаживаясь за стол напротив нее. — Райли еще спит? — закидываю в рот кусочек хрустящего бекона, который обожаю есть по утрам.

— Уже одевается, — Стелла потягивает черный кофе без сахара. — Райли сказала, что

вы ночью ели мороженое. Она пошутила? — смотрит она испытующе на меня. Я, замерев на секунду, продолжаю жевать, не зная, то ли признаться, то ли всё отрицать.

Я молчу, не желая раскрывать наш маленький секрет.

— Николас, ты мне можешь сказать, — говори она, пленяя меня своим взглядом. Ох, чертовка! Как ей можно не поддаться?

— Ох, уж эти женщины! — восклицаю театралью я. — С вами нельзя сохранить ни один секрет.

— Ну, Райли предупредила, что это ваш секрет и просила меня тоже никому не говорить, — посмеивается Стелла над проделками дочери.

— А ты взяла и всё мне рассказала. Ай-яй-яй, Стел, не хорошо, — грозно машу ей пальцем.

— Не могу держать язык за зубами. Грешна! — поднимает она руки, давая понять, что сдаётся.

Мы смеемся, и эта искренняя радость наполняет всё пространство вокруг. Я чувствую, что безумно счастлив здесь и сейчас, с ней и больше ни с кем. И мне не нужно больше ничего, лишь всегда ощущать эту полноту внутри — в душе и в сердце, когда я рядом с ней.

На данный момент я даже не могу себе представить иной жизни.

Глава 28. Тысячи иголок

Стелла

Я просыпаюсь, не способная открыть глаза.

Нос заложен, словно в него напихали несколько упаковок ваты. Голова гудит, а тело пронзают тысячи иголок, заставляя его содрогаться и трястись.

В общем, чувствую я себя крайне паршиво. Мой диагноз — я заболела. К моему счастью, Райли гостит у Джулии в Коуствилле, поэтому она хотя бы не заразится от меня. А то два больных человека дома — это уже перебор.

На часах шесть часов утра, мне уже давно пора вставать, чтобы собраться на работу, но я понимаю, что едва могу подняться, чтобы дойти до туалета.

«Заболела, не могу подняться!!! Проведи совещание вместо меня», — пишу сообщение Патрику, чтобы он решил все рабочие дела.

Иду в ванную, беру из шкафчика градусник и жаропонижающее, чтобы потушить пожар, который устроил вирус в моем организме.

Выпив лекарство и взяв кувшин с водой, я возвращаюсь в спальню, где меня уже ждет новое сообщение от Патрика.

«Приехать к тебе?», — ответил он сразу же, как только я ему отправила своё смс.

«Все в порядке, мне нужно отлежаться денек», — надеюсь, что так и будет.

«Если что, сразу звони. Я примчусь!», — снова молниеносно отвечает Патрик.

«Ок», — у меня не остается сил, чтобы написать хотя бы на одно слово больше. Кладу телефон на прикроватную тумбу, поставив его на беззвучный режим. И, укутавшись одеялом с головой, закрываю глаза. Мое тело по-прежнему ломает, веки моментально тяжелеют, и я стремительно проваливаюсь в такой уютный сон.

* * *

Люди в широких разноцветных одеяниях ходят вокруг костра, делая при этом причудливые движения. В их руках некие предметы, похожие на бубны. Они в них истошно стучат, слишком громко, чтобы этот звук могло воспринять человеческое ухо. Я вижу, как открываются их рты, но не слышу их звуков, только стук, исходящий от бубнов в их руках. Они барабанят, не переставая, хочется инстинктивно закрыть руками уши. Я начинаю ладонями дотрагиваться до своих ушей и вздрагиваю, проснувшись.

Широко открыв глаза, я понимаю, что это был сон, и кто-то барабанит во входную дверь, словно произошел потоп. Тело по-прежнему ломит, но мне нужно встать, даже если нет сил. Я не знаю, сколько я проспала. Я находилась в забытьи, потеряв всякий счёт времени.

— Иду, — сиплю я своим большим голосом, еле поднимаясь с кровати. Вряд ли меня мог услышать неожиданный гость. И кто бы это мог быть? Может, Патрик?

С трудом отыскав халат, набрасываю его на себя, надеваю попутно тапки и иду к двери.

— Хватит уже так барабанить, — сморщиваю лицо я от этого ужасного звука и открываю дверь.

На пороге стоит Николас, который сразу же бросается ко мне обниматься.

— Слава Богу, с тобой всё в порядке, — говорит он, отпустив меня и схватив за плечи.

Я покачиваюсь от его крепких объятий, потому что едва стою на ногах. Ник сразу же подхватывает меня на руки, я даже не успеваю ничего ответить. У меня просто нет сил.

— Что с тобой? — говорит он, касаясь губами моего лба. — Милая, да ты вся горишь.

— Я знаю, — еле слышно говорю я.

— Тебе срочно нужно в постель, — говорит он взволнованным голосом. Кажется, Ник серьезно обеспокоен. Только от чего, не понимаю.

— Мысли только об одном, — мямлю я, обмякнув у него на руках, пытаюсь пошутить.

— Ничего смешного, Стел, — практически рывкает он на меня. — Я вообще-то говорю о постельном режиме. Лежи и не вставай, — командует он, укладывая меня в кровать и накрывая одеялом. — Где у тебя аптечка?

— В ванной, в шкафчике над раковиной, — хриплю, закашливаясь.

— Ты разболелась, милая. Боже, почему не позвонила мне? — спрашивает он, глядя меня по волосам. Я вижу по его глазам, как он обеспокоен и расстроен моим состоянием. Никогда бы не подумала, что Ник на такое способен.

— Я спала и даже не знаю, где мой телефон, — говорю я.

— Я тебе звонил миллион раз. Уже подумал, что с тобой что-то стряслось.

Я качаю отрицательно головой: — Обычная простуда.

— Обычная, — грустно ухмыляется он. — Я чуть с ума не сошел, ты понимаешь это?

— Прости, — тихо шепчу в ответ. — Прости, что заставила тебя волноваться.

Ник идет в ванную, а я снова укутываюсь одеялом, размышляя о том, что впервые вижу его в таком смятении. Мой Ник вовсе не такой. Он сильный, смелый и ничего не боится. Тогда почему его так напугала какая-то простуда?

Мой? Я его назвала моим? Боже, кажется, на фоне простуды я совсем лишилась разума, выдавая вероятно желаемое за действительное.

— Ты что-нибудь сегодня ела? — прерывает Николас мой внутренний диалог, не дающий мне решить, этот мужчина мой или нет.

— Нет, я спала весь день, — чувствую, как от упоминания еды у меня заурчало в

животе. К тому же, понятия не имею, сколько сейчас времени.

— Выпей лекарство и воды, скоро принесу тебе что-нибудь поесть, — целует меня в лоб Ник и исчезает за дверями моей спальни.

Боже, он на самом деле слишком идеальный, а я просто безмозглое создание. Почему мне даже в голову не пришло ему отправить утром сообщение? Хотя мне было плохо, какие там сообщения.

Ищу свой сотовый телефон и вижу более тридцати пропущенных звонков, почти все от Ника. Пару от Патрика и от Джулии.

Перебрасываюсь с Патриком парой сообщений, чтобы узнать, что совещание и без моего участия прошло по плану, после набираю номер Джулии.

— Привет, — хриплю своим простуженным голосом.

— Почему не отвечаешь? — набрасывается она сразу на меня. — Все в порядке?

— Приболела немного, — откашливаюсь, прочищая горло.

— Ох, подруга, ты что разболелась? — взволнованным голосом говорит Джулия, начиная включать режим мамочки. — Может мне приехать? Как ты там справляешься?

— Джулс, сколько вопросов. Успокойся, все со мной в порядке, — хихикаю, вся сжимаясь от головной боли.

— Вы только посмотрите, она еще и смеется. Стел, что смешного? — ага, режим мамочки уже на полную катушку. — Мало того что больная, так еще совсем одна, без сил, как ты одна справишься? Нет, мы точно с девочками уже едем.

— Джулс, перестань. Со мной все в полном порядке. Тем более, что я не одна. Недавно приехал Николас, он обо мне позаботится.

— Ну, слава Богу! Послушай, этот парень просто мечта любой женщины, и ты еще чего-то сомневаешься. Я с тебя балдею, — говорит она замороженным голосом.

— Как там девочки? — быстро перевожу разговор на другую тему.

— Смотрят мультики и блинчики лопают, — слышу отдаленные звуки работающего телевизора. — Девочки, — кричит Джулия, — скажи Стелле «привет!».

«Привет!», — раздаются голоса хором на заднем плане.

— Мамочка, — слышу внезапно в трубке. — Как твои дела?

— Привет, мое сокровище, все хорошо. Как ты проводишь время? — спрашиваю дочь.

— Мы сегодня целый день мультики смотрим, представляешь? — у меня расплывается улыбка на лице, когда я слышу, что у моего ребенка радостный голос, а это значит, что у нее все хорошо.

— Молодец детка, только не донимайте тетю Джулию, хорошо? — включаю строгого родителя.

— Ладно, мамочка, — соглашается она. — Я люблю тебя!

— И я тебя, солнышко, — за эти пару дней я безумно соскучилась по своему ребенку. — Передай Анне Мей привет.

— Окей, — говорит она, совсем как взрослая. — А ты передай привет Николасу!

У меня округляются глаза, что она говорит это.

— Конечно, малышка.

* * *

Весь вечер и следующий день Николас не отходит от меня, откладывая свои дела и направив все свои супер силы на мое выздоровление. Он даже привозит знакомого врача, который выписывает мне антибиотики, способные помочь в скорейшем выздоровлении.

После визита врача я настаиваю, что со мной все в порядке и Нику необязательно весь день возиться со мной, но он ничего не хочет слышать. Я просто вынуждена ему уступить, потому что меня безумно радует, что в моей жизни есть человек, способный позаботиться обо мне. И этот человек не мой родственник, не моя подруга, а мужчина, который по доброй воле хочет быть рядом со мной. Он ведь ничего не просит взамен, только взаимности.

Я не хочу, чтобы Ник подхватил от меня вирус, поэтому настаиваю, чтобы он спал в гостевой спальне. Он со мной соглашается, демонстрируя свою разумную сторону.

Перед сном он приносит мне горячее питье и присаживается на край кровати. Николас снова гладит меня по волосам и все никак не идет спать, отчего у меня закрадывается сомнение, что он хочет о чем-то поговорить.

— Стел, я подумал..., - начинает он говорить и заикается, опустив глаза вниз. — Может, нам стоит съехаться? Что думаешь? — поднимает на меня свой вопрошающий взгляд. Я, наверное, в данный момент выгляжу смущенной, озадаченной, потерянной. Я ожидала разговора о чем угодно, только не об этом. Почему ему пришло в голову сделать столь серьезный шаг?

— Не думаю, Ник, что это хорошая идея, — неотрывно смотрю на него, кажется, даже не моргаю.

— Почему? Я и так практически все ночи остаюсь у тебя, мы поладили с Райли. Почему ты не хочешь? — сыплет он аргументами, и я не могу с ним не согласиться.

— Дело ни в том, что я не хочу этого, — начинаю я заводить свою любимую пластинку.

— А в чем тогда? — он становится слишком напористым.

— Я... мне...просто не готова...и..., - мямлю я словно пятилетка, хотя, вероятно, моя дочь точно бы нашла что сказать, но не я в данную секунду.

— Не надо оправдываться, Стел! — прерывает он мою невнятную речь. — Я просто прошу быть вместе со мной и ничего не прошу взамен, пойми это.

— Я пока не могу, — честность, только честность. Это всегда срабатывало.

— Милая, прошу, не отказывайся сразу. Обещай, что хотя бы подумаешь над моим предложением. Ладно? — касается он ладонью моей щеки, поглаживая её своими пальцами.

— Обещаю, — говорю сразу же, не успевая ничего обдумать или взвесить. Я понимаю, что вселяю в него надежду на то, что наше совместное проживание однажды станет реальностью. Вот только не знаю, готова ли я к этой предстоящей реальности. И вообще, возможно ли к такому быть готовым или иногда стоит дать возможность случайности внести лепту в свою жизнь?

Ведь жизнь не может идти строго по плану, иначе это не жизнь, а роботоподобное существование.

Глава 29. Миллион возможностей

Николас

После разговора, который я затеял по поводу совместно проживания, прошло уже с десяток дней. Не знаю, о чем я тогда думал. Кажется, я так сильно переживал за Стеллу, что желание всё время быть рядом с ней подтолкнуло меня к этой мысли. Ведь если бы мы жили вместе, то такого бы не случилось. Я действительно волновался, что рядом с ней никого не было в тот момент, если бы ей понадобилась помощь, вот и накрутил себе на полную

катушку.

Стелла, кажется, всячески старалась избегать этой темы, но я был не намерен отступить. Рано или поздно, а скорее всего в самое ближайшее время, я напомню ей, что не отступился от этой идеи. И тогда Стелле придется сделать выбор.

Сегодня нас ожидает совместный уикенд с лучшими друзьями Стеллы — Джулией, её мужем Бренденом и их дочкой Анной Мей.

Не скрою, что бы хотел все свободное время проводить со Стеллой и Райли, но я вовсе не против, чтобы в нашей компании были её близкие люди, которые всегда были ей поддержкой и опорой, по её словам. Кажется, они хорошие ребята и весьма мне симпатизируют.

Звоню в квартиру и жду, когда мне откроют. Вчера мы не виделись со Стеллой, мне пришлось задержаться до поздней ночи на работе, разбираясь с документацией, поэтому я ночевал дома, как бы мне не хотелось обратного.

Спустя несколько секунд дверь мне открывает Стелла. Она впускает меня и я, прижав её к себе, целую нежно в щеку, наслаждаясь ароматом её парфюма и идеально красивой кожей.

— Привет, детка, — всё ещё не желаю отпускать её от себя. Я очень соскучился, и не боюсь себе в этом признаться. Моя связь с этой женщиной стала настолько сильной, и я не собираюсь отрицать, что она мне стала очень дорога, как никто другой никогда в моей жизни.

— Николас! — задорно восклицает Райли.

— Привет, ребенок, — всё же отрываюсь от Стеллы и наклоняюсь к Райли и, подхватив её на руки, иду в гостиную.

— Ты, кажется, растолстела, — тычу пальцем в её живот и улыбаюсь, понимая, как сильно соскучился по этой девчужке.

— Ага, — еще более веселым тоном отвечает она, подхватывая мои колкости. — Я съела целых два куска пиццы и выпила стакан лимонада.

— Да ты самая настоящая маленькая обжора, — продолжаю испытывать её.

— Не говори так, — хмурит она обиженно брови и барабанит своими кулачками в мою грудь.

— Ай, — смеюсь. — Ты на мне живого места не оставишь. Стелла, тебе стоит подумать, чтобы отдать Райли в бокс, — не дожидаясь реакции маленькой забияки, ставлю её на ноги.

— Только не это, — возмущается Райли. — Ненавижу бокс!

— Ох, — вздыхает Стелла. — Вечно вы препираетесь. В прошлый раз был футбол, сегодня бокс, — снова она вздыхает. — Что дальше?

Мы с Райли переглядываемся, пожимаем плечами и смеемся в унисон.

— Джулия, Брендон, — обращается к ним Стелла, когда мы все вместе оказываемся в гостиной. — Вы, вероятно, помните Николаса.

— Привет, Николас, — здороваются они со мной.

— Привет, ребята, — приветствую их в ответ. — Как добрались? — здороваюсь за руку с Бренденом.

— Быстро, без сучка и задоринки, — рапортует Брендон. Кажется, он добрый малый.

— Какие планы на сегодня? — потираю руки, желая узнать, чем мы сегодня займемся, ведь мы ещё не проводили вместе время, так сказать «семьями». Боже, я даже не мог себе представить и, тем более, не планировал, что такое будет в моём ближайшем будущем.

— Всё никак не можем решиться, чем заняться, — говорит Джулия, попивая кофе. —

Девочки хотят в зоопарк, но мы и так бываем там почти каждый раз, когда приезжаем в Филли.

— Может быть, сходим в парк развлечений? — предлагаю, глядя то на Стеллу, то на Джулию с Бренденом. — Сможем прогуляться, девочки на аттракционах прокатятся, и пообедаем на свежем воздухе.

— Отличная идея, дружище, — поддерживает меня Брендон.

— Ну, тогда решено! Собираемся! — хлопнув в ладоши, говорит Стелла.

Спустя недолгих полчаса мы оказываемся в парке развлечений. Мы весело проводим время. Самое главное, что девочки безумно счастливы — катаются на аттракционах, едят сладкую вату и яблоки в карамели. Смотря на их довольные и беззаботные лица, а также на счастливых детей, снующих туда-сюда вокруг нас, задумываюсь над тем, что моё детство могло бы быть таким же счастливым и беззаботным, но это, к сожалению, не моя реальность. Эта беззаботность и лёгкость детского возраста никак не соприкасается с моим детством. Но я очень счастлив, что могу быть частью счастливого детства другого маленького человечка.

Спустя несколько активных часов, мы с Бренденом ведём Райли и Анну Мей к последней карусели, на которой они ещё не успели прокатиться. Но в их — то пятилетнем возрасте ещё доступны не все аттракционы.

Мы покупаем билеты и заводим девочек на аттракцион, после чего выходим и стоим у ограждения в ожидании.

— Я предложил Стелле съехаться, — откровенничаю с Бренденом, после того, как мы посадили девочек на «Весёлый паровозик». Он мне кажется действительно хорошим парнем, и у нас с ним оказалось намного больше общих тем для разговора и интересов, чем я мог предположить. Я не испытываю неловкости в компании Брендона, хотя мы совсем мало знакомы. За то короткое время, что мы общаемся, я успел по-мужски довериться этому парню.

— Серьёзно? — смотрит он на меня удивлённо.

— Более чем. Для меня это всё в новинку, но я более чем серьёзен в своих намерениях, — мне на самом деле нужно выговориться, и просто жизненно необходимо крепкое дружеское плечо, на которое можно опереться. Я в смятении и не знаю, что же ждать от Стеллы, согласится ли она жить вместе. Думаю, что Брендон не хуже Джулии знает Стеллу, поэтому я, видимо, подсознательно решаюсь открыться ему.

— А что думает Стелла? Она хочет съехаться? — спрашивает Брендон.

— Знаешь, она избегает пока этой темы, — честно признаюсь.

— И я почему-то не удивлён, — качает он головой, задумавшись на секунду. — После всего, что ей пришлось пережить, я вообще удивлён, что она с тобой сблизилась. Последние годы она закрылась и ушла в свои проблемы, в себя, а потом в работу, ну а Райли вообще у неё на пьедестале.

— Я знаю, — смотрю на руки, вцепившиеся в металлическое ограждение. — Я знаю, что ей много пришлось пережить, но не знаю всей правды, всех подробностей.

— Она тебе ничего не рассказывала? — испытующе смотрит на меня Брендон.

— Пока нет, и я не хочу давить на неё, — я будто в какой-то ловушке, когда всем окружающем известна правда, кроме меня одного.

— У тебя правильный настрой, дружище, — хлопает меня по спине Брендон. — Поверь, уже то, что происходит с вами сейчас, означает, что она к тебе по-особенному относится, а,

значит, со временем откроется тебе.

— Надеюсь, что это так и есть, — мне очень хочется верить, что я что-то значу для неё.

— Знаешь, я ведь не первый день знаю Стеллу. Если она позволяет тебе быть рядом с ней, хоть вы и не живете пока вместе, и подпускает тебя к своему ребенку, значит ты ближе к ней, чем кто-либо другой. Просто она порой не так ярко проявляется свои чувства, как хотелось бы окружающим. Стелла любит не пустые слова, а конкретные действия, которые характеризуют человека, — я молчу, не зная, что и сказать. Хотя я не удивлен, что Брендон так хорошо её знает. — Просто не дави на неё. Когда придёт время, она сама тебе откроется.

— Спасибо тебе за поддержку, — провожу руками по волосам, пытаюсь скрыть своё смущение.

— Пока не за что. Я вижу, что ты к ней хорошо относишься. Для меня так же, как и для Джулии, важно, чтобы Стелла была счастлива. — Наверное, я и сам всё это прекрасно понимаю, но мне было важно это услышать от Брендона, чтобы лишний раз убедиться в своих догадках.

— Спасибо, — снова говорю Брендону, увидев боковым зрением, что аттракцион, на котором катаются Райли и Анна Мей, останавливается, а мы должны их забрать. Хотя аттракцион детский, без крутых виражей и поворотов, но много ли нужно для счастья пятилетнему ребёнку? Совсем нет. Как жаль, что со взрослыми дело обстоит совсем иначе. Почему мы всё время в каких-то поисках счастья и удовольствия? Наверное, всё от того, что мы не способны наслаждаться и радоваться простым вещам и событиям, которые есть в наших жизнях.

* * *

День в компании семьи Алленов проходит незаметно. Они на самом деле замечательные люди, и я совсем не удивлён, что Стелла так близка с ними. К тому же, Райли и Анна Мей — подружки «не разлей вода».

Мы гуляли и общались до самого вечера, и Аллены собирались вернуться в Коутсвилл, но мы их уговорили остаться. Чтобы не тратить деньги на гостиничный номер, я предложил им свою квартиру, увёз их к себе, а сам вернулся к Стелле.

Райли отрубилась без задних ног, даже не дослушав и одной страницы сказки. Впечатлений за день было через край, поэтому Стелла быстро вернулась в спальню, я даже не успел зубы почистить.

Поболтав о сегодняшнем дне, мы легли спать и сплелись в нежных объятиях. Стелла сразу же провалилась в сон, а у меня из головы всё не выходил из головы наш с Брендонем разговор.

Мне на самом деле жизненно необходимы его советы, его подсказки, как мне себя повести в этой ситуации. Я не хотел напугать Стеллу своим напористым желанием съехаться, быть всё время рядом с ней. Это может испугать.

Я не хочу и не буду давить на неё, чтобы узнать, что же за разрушительные события с ней произошли, способные так надломить веру в людей, и почему она такой осторожной поступью вступает в наши отношения. Я прислушаюсь к советам Брендона и не буду торопиться.

Но с другой стороны, мне хочется всё сейчас, всё сразу. Мне так хочется её крепко-крепко обнять и сказать, что мне неважно, что у неё было в прошлом. Мне так хочется её заверить, что чтобы ужасного не было в её прошлых отношениях, я никогда и ни за что не

подведу её, не предам и не изменю.

Мне так хочется коснуться пальцами её лица, погладить её идеальную персиковую кожу и сказать, пообещать, что наша жизнь будет интересна, даже в самых простых вещах, в самых незамысловатых радостях. Ей не нужно ничего искать, чтобы почувствовать себя на своём месте. Нужно просто протянуть руку к тому, кто рядом с ней, и внимательно присмотреться к вещам вокруг.

Мне хочется прокричать, чтобы она меня услышала, что наша жизнь даёт нам миллион возможностей. Мы сами виноваты в том, что упускаем лучшие из них, потому что зачастую считаем, что эти возможности ещё долго будут маячить перед нашими глазами. Вот только это не так, мы слишком заблуждаемся.

Я лишь знаю одно — я, как одна из её возможностей, буду всегда рядом с ней, в надежде, что она меня разглядит.

Глава 30. Вот так встреча Стелла

Пока Ник и Брендон пошли с девочками на аттракционы, мы с Джулией решили выпить по чашечке кофе и поболтать наедине.

— Джулс, — замолкаю, не зная как сказать то, что так рвётся наружу. — Николас предложил съехаться, — закусываю губу, ожидая реакции подруги.

— Шутить? — тарачится она на меня. — А парень хорош!

— Что мне делать? — жду продолжения её взрывной реакции.

— Думаю, что вариантов немного, — говорит она более спокойно, чем я ожидала, и ставит она чашку кофе на стол. — Либо съехаться, либо по-прежнему жить врозь.

Смотрю на не ё, открыв рот, по тому что у моей подруги всегда вс ё просто. И к тому же, у не ё всегда есть ответ: в любой ситуации, при любом раскладе.

— Я не могу решить, что мне делать: оставить вс ё как есть, или вс ё же жить вместе, двигаться вперед, — о з вучиваю вслух свои размышления, которые словно червячок зародились в моей голове и не дают покоя, ёрзая на месте.

— Прости, дорогая, я тут тебе не советчик, — разводит она руки в стороны. — Это твоя жизнь и твои отношения, лишь тебе решать, будут они развиваться, или же вы будете по-прежнему топтаться на месте.

— Если бы это было так просто, — подпираю кулаком под бородок. — Я бы знала, как поступить наверняка.

— Помнится, с Кевином ты бросалась в омут с головой по любому поводу, — делает едкое замечание мне Дж улия, и она в этом так права. На всю тысячу дурацких процентов. Я слепо доверяла Кевину, и готова была на что угодно, лишь бы быть с ним рядом.

— Я сейчас уже не та доверчивая девчонка, к акой была несколько лет назад, — смотрю вдаль. — Ты же знаешь, — замолкаю, избегаю зрительного контакта с подруг ой.

— Прости, Стел, — грустно говорит Джулия. — Но решать тебе придется самой, без посторонней помощи.

Прошло уже несколько дней с той прогулки, а тот разговор с Джулией всё никак не выходит у меня из головы. Я снова и снова прокручиваю каждую фразу, каждое слово в

голове, надеясь поймать сигнал и разгадать, может в её словах есть что-то, что поможет мне принять решение.

Пока собираюсь, наношу макияж перед зеркалом. *«Решать тебе придется самой, без посторонней помощи»*. Слова Джулии преследуют меня вновь и вновь, не желая меня отпускать. Она права, абсолютно в этом права. Это моя жизнь, мне её жить и решения принимать придётся только самой.

Мне страшно признаться, прежде всего, самой себе, что я всё еще не дала Николасу никакого ответа, хотя и обещала подумать. Но он и не спрашивает, полагаю, из вежливости, а по глазам видно, что так хочется получить заветный ответ.

Николас любопытен по своей природе, но чертовски хорошо себя сдерживает — хороший игрок.

Ровно в семь часов вечера раздаётся стук в дверь. Это, конечно же, не кто иной как Николас. Сегодня мы идем на благотворительный вечер по поводу сбора средств для детей, больных лейкемией, которые нуждаются в лечении, но их родители не могут себе это позволить.

Поскольку Ник возглавляет крупнейшую в Филадельфии стоматологическую клинику, то он все-таки вращается в определенной среде — среди медиков, поэтому изредка посещает подобного рода мероприятия. В этот раз он настоял, чтобы я пошла с ним в качестве его спутницы, ведь сейчас уже невозможно, да и надо ли, отрицать тот факт, что мы встречаемся.

Когда открываю дверь, то просто ахаю от вида того обворожительного красивого мужчины в смокинге, который стоит на пороге моей квартиры.

— ВАУ! — все, что удастся мне сказать, при виде Николаса. Его волосы уложены, поэтому кажутся практически черными. Его лицо гладко, просто идеально выбрито, и сапфировые глаза сияют, освещая пространство между нами. Он снова слишком идеальный, слишком лощеный, словно сошел с обложки дорогого глянцевого журнала и он вовсе не для меня.

Я все еще стою, присошная к полу, не в силах пошевелиться.

— Может,пустишь? — прерывает он мой ступор.

— Хм...конечно, входи, — запускаю его в квартиру. Проходя мимо меня, Ник обнимает меня рукой за талию и привлекает к себе, прижимаясь лицом к моей щеке.

— Ты невероятная, — шепчет он мне на ухо. Я закрываю глаза, наслаждаясь его запахом, который заполняет весь воздух вокруг нас. Как же я обожаю этого мужчину, он просто бесподобен.

Мы заходим в квартиру и, отстранившись от меня, Николас рассматривает меня, словно он сканер и что-то выискивает на моём теле или в моём одеянии.

— И в этом ты собираешься идти? Ты же почти голая! — скептически смотрит он на меня, но все же он больше похож на первобытного мужчину, который стремится оберегать свою женщину.

— Конечно, разве мне запрещено роскошно одеваться? — разворачиваюсь и ухожу в гардеробную, не дождавшись его ответа.

На мне сегодня роскошное зеленое длинное платье-корсет, поэтому мои плечи полностью открыты, половина спины обнажена, и к тому же, шикарное декольте, что смутило Николаса. Ха! Пусть помучается!

В гардеробной я беру кружевное болеро и, надев его на себя, выхожу к Николасу и вижу,

что он успокаивается, увидев, что я теперь одета по его «стандартам» и, значит, автоматически вышла из зоны риска.

— Тебе повезло, что ты одумалась и надела это сверху, — говорит он, указывая на болеро.

— Так и планировалось с самого начала, — сообщаю ему я.

— Да? Тогда ты заплатишься, что так изводишь меня, — прижимает меня крепко к себе, просто мертвой хваткой.

— Это было забавно, — ухмыляюсь ему в лицо. Я просто обожаю злить Николаса, он такой неотразимый, когда на взводе. — Видел бы ты свое лицо.

— Обещаю, — закусывает он нижнюю губу, хищно прищурился при этом глаза, — ты обязательно заплатишься за это.

— Жду с нетерпением, — продолжаю я нашу игру, зная, что от его «наказания» получу не меньше удовольствия, чем он сам.

* * *

На прием мы доезжаем быстро. Данное мероприятие, как я узнала от Николаса, проводится ежегодно и организовывается крупнейшими меценатами нашего штата. Это одни из самых состоятельных людей страны. У главного организатора, Анны Николь Дэвис, несколько лет назад умер девятилетний сын от этой болезни, даже деньги и лучшие врачи не смогли помочь справиться с этим недугом. Но, тем не менее, миссис Дэвис не сдаётся, и отдаёт большие суммы, которые могут помочь другим детям продлить их жизнь.

Николас, как я поняла, знает почти всех организаторов, а также всей душой болеет за детей, которым нужна помощь, поэтому ему было совсем не жалко отдать несколько тысяч долларов за наши два билета на этот благотворительный вечер.

Убранство зала весьма впечатляет. Обстановка очень роскошная и в то же время очень спокойная, благодаря приглушенным тонам и нежным живым цветам, которыми украшено помещение.

Все гости одеты с иголочки, и вечерние туалеты дам поражают воображение. Кавалеры также не отстают от своих спутниц и радуют глаз великолепием своих идеальных костюмов и смокингов.

Конечно же, Николас здоровается и ведёт светские беседы с большинством гостей, ведь ему не впервой посещать подобные мероприятия, он состоит в знакомстве с большинством гостей вечера. А вот я, наоборот, чувствую себя среди этих людей не в своей тарелке, хотя и понимаю умом, что нахожусь здесь для благих целей. Мой мужчина про меня не забывает и при каждом удобном случае не упускает возможность сказать, что я его спутница, я с ним.

Спустя какое-то время и пару-тройку бокалов шампанского, а также изысканных закусок, которые услужливые официанты предлагают всем гостям мероприятия, я немного расслабляюсь и присоединяюсь к беседе. Узнаю, надо сказать, много шокирующих подробностей, с которыми приходится сталкиваться детям, но понимаю, что мы над этим не властны. К сожалению, не всё в жизни зависит только от нас.

У меня наворачиваются слезы от осознания того, как стойчески детки переносят все выпадающие на их долю испытания. Я, наверное, с ума сошла, если бы с моим ребенком приключилось что-то подобное. Никому, даже злейшему врагу, я не пожелаю того, что терпят эти дети. Это просто непостижимо, потому что эти маленькие жизни даже не успели пожить, чтобы сделать что-то дурное, или навредить кому-то, но им приходится

столкнуться с недугом и пройти эту битву.

Понимаю, что на протяжении вечера мое настроение меняется слишком быстро, эмоции меня переполняют, что я не в силах с ними совладать, или скрыть их.

— Привет, дружище, — протягивает руку Николасу его партнер по бизнесу — Дилан Мерфи, подошедший к нам под руку со своей супругой Линдой.

— Привет сладкая парочка, — во весь рот улыбается им Николас.

— Такая уж и сладкая, — в ответ улыбается Линда. — Не представишь нас? — переводит она свои карамельно-карие глаза на меня.

— Обязательно, — сразу же отвечает он, понимая, что лично мы не знакомы, хотя Николас про них много рассказывал и показывал фото, когда пытался убедить, что мне будет комфортно на вечере и нечего бояться.

— Это Стелла, моя подруга, — представляет меня Николас чете Мерфи. Так-так, значит я его подруга, весьма неплохо. — И...., - пауза, что же он хочет сказать? — Моя прекрасная вторая половинка.

У меня пересыхает в горле от его слов. То есть я не просто та, с кем он весело проводит время. Я что-то значу для него?

— Очень приятно познакомиться, — сладким голосом говорит Линда. — Наслышана о вас, — улыбается она своей голливудской улыбкой. Я всегда удивлялась, как некоторые люди умеют так улыбаться, полностью обнажая свои идеальные зубы, и при этом выглядеть так естественно и притягательно.

— Мне тоже, — подаю голос, ведь до этого я не произнесла ни слова. — Мне о вас Ник тоже много рассказывал, — дружелюбно улыбаюсь им обоим.

— Как вам вечер? — интересуется Дилан.

Мы непринужденно болтаем о том, какие благие цели преследует этот благотворительный прием. После Николас с Диланом затрагивают рабочие вопросы, связанные с открытием новой стоматологической клиники, где главным врачом будет назначен Дилан. Мы, в свою очередь, разговариваем с Линдой, она спрашивает о моём бизнесе.

Когда она отходит поздороваться со своей старой знакомой, я немного отвлекаюсь от разговора парней. Я пью шампанское мелкими глотками и, непроизвольно отведя взгляд в сторону, замираю, заметив знакомую физиономию. По-другому и не выразиться. У меня захватывает дыхание, потому что я совершенно не ожидала встретить этого мерзавца именно здесь. Кто его только пустил? Да еще и вырядился, как добропорядочный человек. Хотя вряд эту природную гниль можно спрятать под красивой и элегантной одеждой.

— Дорогая, я отойду на минутку? — обращается ко мне Николас, возвращая меня назад из моих неприятных воспоминаний.

— Что? — переспрашиваю я, не расслышав, что он мне сказал.

— Я отойду на минутку? Ты не заскучаешь? — смотрит нежно на меня своими сапфировыми глазами.

— Конечно, — улыбаюсь нежно в ответ. — Только не оставляй меня надолго, — надуваю губы.

— Конечно, милая, — Николас целует меня в висок и идет в сторону уборной. Я хватаю с подноса еще один бокал шампанского, найдя сегодня в этом игристом напитке чудесный способ расслабиться. Хотя я обычно не прибегаю к алкоголю, чтобы отключиться от непрошенных мыслей.

— Рад нашей встрече, — слышу голос за своей спиной. Оборачиваюсь и вижу нагло ухмыляющегося Маркуса. «Ах ты наглый сукин сын», — вот что я о нём думаю.

— Не могу сказать того же, — сухо отвечаю. — Что вам нужно? — нападаю я.

— Полегче, миссис Картер, — ухмыляется он, выставляя передо мной ладони, словно я собираюсь наброситься на него. Чёрта с два — я не собираюсь портить себе вечер из-за этого надменного ублюдка, который и так мне много крови попортил. — Я с миром, — заявляет он.

— Вот как? — удивление расплзается на моём лице. — И о чем же этот мирный договор?

— Слышал, ваш бизнес неплохо пошел, — начинается снова знакомая песня.

— Откуда же такая информация? — стараюсь казаться удивленной.

— Да так, — старается он казаться небрежным. — Тут говорят, там говорят.

— Не может быть! — изображаю удивление. — Я же не поп-звезда, чтобы про меня всюду говорили.

— Так вот, — пропускает он мимо ушей мои замечания. — Просто заплатите долг Кевина, и мы навсегда с вами попрощаемся. Ваш бывший муженек мне немало задолжал. Да вы и сами в курсе этой недомолвки.

— Так вы у него и спросите, пусть он вам отдаст, — нагло отвечаю ему, иначе с этим негодяем нельзя разговаривать.

— А ты осмелела, милашка, — неожиданно переходит он на свой мерзкий голосок. — Давай лучше мирно все решим, а то...

— А то, что? — не даю я ему закончить. Сейчас мне плевать, что он скажет, потому что сделать он ничего мне не сможет, слишком много свидетелей. К тому же, хоть он и мерзавец, но не настолько глуп.

— Придется нам все решить по-другому. Не строй из себя дурочку, — говорит он так, что только я могу его слышать. — Твой муж уже давно на том свете и не может нам отдать долг. Но ты же его жена, а муж и жена, как говорят, одна сатана.

— Я не собираюсь ничего тебе платить, усёк? — я зла как чёрт и готова ему расцарапать всю морду. Меня распирает от гнева.

— Знаешь, милашка, — от его слов меня просто бросает в дрожь, я ненавижу этого гада. — Я следил за твоей биографией с нашей последней встречи, я знаю всё о тебе и твоей дочери.

— Не впутывай сюда мою дочь, — тыкаю в него пальцем, стараюсь при этом не кричать громко, чтобы не привлекать к нам внимание.

— Если не захочешь отдать долго по доброй воле, то поверь мне, я знаю, за какие ниточки дёргать, чтобы ты передумала, — выдаёт он что-то похожее на оскал, что видимо Маркус считает улыбкой.

— Я не передумаю, — всё ещё сопротивляюсь, потому что знаю себя, и знаю, что не за что не буду играть по его правилам, хотя до смерти боюсь того, что он может сделать мне или Райли. Меня это до чёртиков пугает и, кажется, отражается на моём лице.

— Я предупредил..., — не договаривает он.

— Что ту происходит? — слышу разозленный голос Николаса, когда он подходит и видит, что на мне лица нет.

— Встреча старых знакомых, — пытается казаться дружелюбным Маркус, по-прежнему противно скалясь. — Новый ухажер? — спрашивает он у меня, кивая в сторону Николаса.

Вот урод! Так бы и двинуть ему прямо здесь и сейчас!

— Ты кто такой? — зло спрашивает у него Николас, сложив руки на груди.

— Старый знакомый, — говорит он, поменявшись в лице. — Что ж, мне пора, — потирает он руки. — Не забывай про наш уговор! — и уходит, словно его здесь и не было, засунув руки в карманы шикарного костюма, который ему совершенно не идёт.

— Кто это? — говорит едва слышно Николас. — На тебе лица нет, Стел! Что здесь произошло?

— Давай потом об этом поговорим, — еле говорю, стараясь задавить слёзы, которые просятся наружу. Что мне теперь делать? Вдруг он навредит моей дочери или моему бизнесу, если, как он акцентировал, всё знает о моей жизни.

— Хорошо, — не стал настаивать Николас, обняв меня за плечи. Я ему безмерно за это благодарна, что не давит на меня и ничего не расспрашивает. Мне нужна передышка, я не хочу думать о том, что только что произошло, иначе буду себе накручивать и сойду с ума.

* * *

После этого маленького происшествия нас ждал шикарный ужин и, слава Всевышнему, Маркуса нигде не оказалось рядом с нами. Больше я его не видела в тот вечер, да и, конечно же, не горела желанием.

По завершению трапезы организаторы приема собрали всех гостей в общем зале. От каждого мецената звучала благодарственная речь всем гостям, принявшим участие и сделавшим благотворительный взнос при покупке билета.

После гости стали понемногу расходиться, но мы ещё стояли и разговаривали с Диланом и Линдой, когда я заметила, как в нашем направлении, весьма целенаправленно, шагает роковая красотка, облаченная в роскошное чёрное блестящее платье с одним рукавом, которое обтягивает и подчёркивает её идеальную, стройную фигуру. Она идёт модельной походкой от бедра, а её каштановые локоны слегка покачиваются в такт её движений.

Когда стук её каблуков становится отчётливее слышным, и его невозможно игнорировать, головы всех остальных оборачиваются к незнакомке с ослепительной внешностью, которая уже около нас. Надо заметить, она быстрая, как пантера.

— О! — восклицает она. — Ники, какой сюрприз! — и бросается в объятия опешившего Николаса.

Что за...? Кто она такая, что вот так запросто прилюдно бросается обнимать его? Я что-то упускаю? От меня что-то скрывают?

— Эй, полегче, Белинда, — отодвигает её от себя Николас, выражение его лица кричит слишком громко, что он не ожидал подобной встречи.

— Ты не рад меня видеть? — флиртует она с ним, словно нас не существует рядом. Словно есть только она и он.

— Хм..., - отмалчивается он. — А ты какими судьбами здесь? — смотрит он на неё смущённо, ошарашено, как угодно, но только не так, как встречают желанного гостя. Он не рад этой встрече.

— Да так, проезжала мимо и решила заглянуть, дать немного денег больным детишкам, — противно хихикает она. — Им нужнее, правда?

Он молчит, и мы втроем переглядываемся, обалдевшие от бестактных комментариев этой *Белинды*. Боже, какая лживость, лучше бы она потратила свои деньги на очередное роскошное платье, а не показухой занималась.

— Не представишь меня своим друзьям? — осматривает она каждого из нас, словно мы на выставке.

— Гм, — откашливается Николас. — Конечно. Познакомься, это мой коллега Дилан Мерфи и его очаровательная супруга Линда. А это, — поворачивается он ко мне, обняв меня за талию и привлекая к себе, — моя девушка — Стелла, — делает он акцент на моём имени.

Я беру Николаса за руку, Белинда замирает, остановив свой взгляд на наших сплетенных руках, после смотрит пристально на меня, надев свою фальшивую, судя по всему, улыбку.

— Белинда Кармайкл, рада знакомству, — говорит она чересчур слащавым голосом. — Всегда хотела познакомиться с друзьями Николаса.

— Мы тоже рады знакомству, — отвечает за всех Линда, поняв, что ни я, ни Дилан не произнесем и слова.

Меня забавляет и расстраивает сложившаяся ситуация, и мне трудно выдавить из себя даже слово, не говоря о целом предложении.

— Ладно, мне пора, — по-прежнему играет свою роль Белинда.

— Хорошего вечера, Белинда, — говорит ей Николас. Она, не ответив, разворачивается, и делает пару шагов. Однако, замерев на месте и продемонстрировав на пару секунд свою открытую, идеально красивую спину, она поворачивает голову в сторону Николаса и говорит:

— Что ж, будет тоскливо — набирай! — пауза, фальшивая улыбка. — И... на всякий случай..., - пауза. — Я остановилась в отеле «Palomar», номер ты знаешь. Ты выглядишь расстроенным, но я найду, чем тебя развлечь.

Она подмигивает ему и уходит таким же стремительным шагом, как и пришла сюда.

У меня отвисает челюсть от ее монолога. Судя по лицам остальных, у них точно такая же ошалевшая реакция на эту дамочку.

Вот, мерзавка! Некоторых женщин, похоже, вообще ничего не останавливает, даже наличие у мужчины его женщины рядом с ним.

— Что это сейчас было? — наклоняюсь и едва слышно спрашиваю у Николаса.

— Потом расскажу, — говорит он с замороженным выражением лица. Сейчас наступает моя очередь не задавать лишних вопросов. Сегодня мы в расчёте.

Глава 31. Ревнивое настроение

Николас

Я в полном дерьме! Просто по самые колени, если не выше.

Какого чёрта Белинда Кармайкл забыла на этом благотворительном вечере? Я не должен был встретить её сегодня, и на это есть несколько причин.

Во-первых, она ненавидит детей, неважно, здоровые они или подвержены какому-то недугу.

Во-вторых, она считает благотворительность пустой тратой денег.

В — третьих, она избалованная богатая дрянь, которая считает, что мир крутится исключительно вокруг неё.

Уже нет смысла скрывать, что Белинда некогда была моей любовницей, или правильнее было бы сказать, что я был её любовником, потому что она меня старше на 6 лет и, к тому же, замужем за очень состоятельным и влиятельным человеком.

Но есть одно «но». Мы всегда с ней встречались, общались, спали только по моим правилам. Я ни за что не стал бы играть в такие игры, зная, что не контролирую ситуацию. Такому не было места в моей жизни. Я всегда был слишком помешан на контроле за своей жизнью.

Могу представить, как чувствовала себя Стелла, услышав прощальные слова Белинды, хотя в этом вся она. Она живет в таком стиле и в таком же стиле общается, заставляя других людей чувствовать неловкость ради своего удовольствия.

Открыв заднюю дверь автомобиля, Стелла усаживается внутрь, я же обхожу машину и прошу водителя поднять тонированное стекло между нашими сиденьями и закрыть шторку, чтобы мы могли поговорить со Стеллой без свидетелей, наедине.

— Прости за ужасный вечер, — говорю я Стелле, когда мы уже сидим в машине на заднем сиденье. Мне неловко, что всё вышло именно так.

— Ты не виноват, — отвечает она спокойным тоном, не смотря на меня.

— Эй, — поворачиваю её лицо к себе, двигаясь к ней ближе. — Только ты мне нужна, — пристально смотрю ей в глаза, давая понять, что не лгу и очень серьёзно к ней отношусь.

— Кто такая эта Белинда? — спрашивает она меня прямо в лоб. Я вообще не хочу разговаривать об этой стерве, но не могу и не хочу скрывать от неё ничего.

— Она моя бывшая любовница, — отвечаю прямо, не утаивая ничего.

— И давно она бывшая? — ставит она под сомнение то, что я больше с ней не вижусь. Неужели, я дал ей хоть один повод сомневаться?

— Еще за полгода до знакомства с тобой, — я сейчас словно открытая книга и могу рассказать ей всё, о чём только она спросит. Отношения со Стеллой для меня важнее любой из бывших любовниц, даже всех вместе взятых. Ни одна из них и мизинца её не стоит.

Стела всё ещё испытывает меня пристальным взглядом, и в её глазах проносится целая буря эмоций, от боли до облегчения. Она незамедлительно впивается своими губами в мои, обрушивая на меня жадный, жёсткий поцелуй. Я никогда не думал, что она может быть грубой, но мне нравится, что она не боится проявлять свои эмоции. Я отвечаю ей, касаясь руками её божественного тела. Прервав наш поцелуй, я располагаюсь удобней, прижавшись спиной к сиденью, и, приподняв её, усаживаю сверху на себя, снова ненасытно её целую, но она не отстаёт от меня, увеличивая темп.

Я снимаю с неё кружевную кофточку, которая закрывает лишь её плечи, и начинаю покрывать поцелуями её шею, плечи, декольте.

— Николас, стой, — постанывает она. — Мы же в машине.

— Нас никто не видит, — говорю и начинаю целовать её подбородок, снова переходя к шее.

— Ах, — издаёт она едва различимый стон. — Кажется...мы приехали, — заставляет она меня оторваться от наиинтереснейшего занятия.

Поправив одежду и причёски, мы выбираемся из машины, после чего поднимаемся в мою квартиру. Как только я открываю дверь, Стелла буквально вталкивает меня внутрь. Вцепившись в лацканы моего смокинга, она буквально тащит меня. Оказавшись в гостиной, Стелла, одним движением развязав мою бабочку, толкает меня спиной на диван. У неё взгляд голодной тигрицы, и такой я не видел её никогда. Она усаживается сверху на меня, обхватив меня своими стройными ногами.

Она вцепляется в мои волосы и начинает покрывать мое лицо, губы, шею поцелуями, на

ходу расстегивая мою белоснежную рубашку. Кажется, ни одна женщина не целовала меня настолько страстно и ненасытно.

Я останавливаю её, обхватив безупречное лицо руками.

— Что на тебя нашло, милая? — хриплым голосом говорю ей.

— Я просто хотела тебе напомнить, что ты сегодня только *мой!* — её глаза источают молнии желания и страсти. Повторюсь, наверное, в сотый раз, что я никогда не видел её такой. — И никакая расфуфыренная дамочка не сможет тебя отнять!

— Поверь, не только сегодня... Всегда, когда только захочешь, — заверяю я её. Не хочу, чтобы она когда-либо ещё сомневалась во мне, потому что мои намерения более чем понятны и очевидны.

— Иди ко мне, быстрее, — командует она. — Больше не могу ждать.

Я немного медлю, опешив от её напористого тона, после чего быстрым движением переворачиваю её на спину, и оказываюсь к ней лицом. Её глаза сверкают желанием, да я и сам едва сдерживаюсь. Её слова стали для меня словно красная тряпка для быка, чтобы действовать, ни в чём себя не ограничивая.

Подняв подол её платья, я понимаю, что у меня нет защиты, о чем ей говорю. Она отвечает, что всё нормально, что доверяет мне и, к тому же, принимает пилюли.

Подняв подол её платья, я провожу руками по идеально гладкой коже её ног и действую быстро, как она сама хотела. Хотя обычно наши любовные игры со Стеллой продолжительны и полны томительного наслаждения, но сейчас все иначе. От напористого темпа Стелла громко стонет, не желая сдерживать себя в эмоциях. Сегодня она может себе позволить всё — быть слишком громкой, ненасытной и развратной. Я хочу её видеть сегодня именно такой, потому что знаю наверняка, что завтра это уже не повторится. Она снова будет собой, будет той Стеллой, которую я знаю.

Наши движения настолько энергичны и быстры, что за эти минуты мы могли бы прожить всю жизнь и сгореть дотла, не замечая никого вокруг. Только мы одни были в этой комнате и во всей Вселенной, пока сливались в обоюдном танце наших тел.

Меня удивляло, насколько мы понимали язык тела друг друга, улавливая каждое движение и каждый жест. Всего лишь одного её взгляда достаточно, чтобы я исполнил её желание и заставил желать близости ещё сильнее.

Всё происходящее настолько нереально и опять же настолько возможно, что все эти ощущения не укладываются у меня в голове. Именно по этой причине, как мне казалось, каждый раз, получив желаемое, она снова отдаляется от меня на десять шагов назад, хотя успела приблизиться лишь на один мизерный шаг. Я понимаю, что она боится сближения, может быть именно потому, что мы действительно стали ближе и роднее друг другу. Но мне осталось выяснить, почему она этого боится.

Всему есть причина.

Я больше не хочу ждать, именно поэтому начну задавать вопросы.

* * *

Когда мы, уставшие и обессиленные, приняли душ и перебрались в спальню, укутавшись в белоснежные чистые простыни, я решил, что пора действовать.

— Стелла, почему ты так боишься отношений и не подпускаешь меня к себе? — глажу рукой её влажные волосы, от которых исходит аромат цитрусов.

— Поверь, ты ближе ко мне, чем кто-либо другой, — смотрит она на меня уставшим

взглядом, опершись лицом на сложенные руки.

— Но, я ничего о тебе не знаю, практически ничего, — я не намерен отступать от задуманного.

— Ник, ты всё обо мне знаешь. Ты знаешь мою маленькую семью, это и есть я, — убеждает она меня. — Что еще ты хочешь узнать?

— Всё, — настаиваю я. — Я хочу узнать всё, что тебя привело к настоящему. Почему ты стала таким закрытым человеком? — похоже, откровенность становится моим излюбленным методом при общении со Стеллой.

— Ты хочешь покопаться в моем прошлом? — на её лице отражается удивление.

— Нет, — отрицательно качаю головой. — Я не собираюсь ни в чём копать, я не такой человек. Но хочу знать, я имею право знать, как ты жила до меня.

— Зачем тебе это, Николас? Боюсь, тебе не понравится то, что я тебе могу рассказать, — снова она закрывается, занимая оборонительную позицию.

— Я хочу узнать, расскажи мне, — я не отступлю, каких бы долгих уговоров мне это не стоило. — Перестань упрямяться, Стелла. Я устал от того, что ты меня постоянно отталкиваешь, увиливаешь от каких-то вопросов или тем. Я не хочу больше никаких секретов. Я тебя раньше не мучил вопросами, ничего не спрашивал, но сейчас я на пределе, — я говорю тихо, но из меня так и сочится негодование, обида.

Она молчит, словно ей нечего сказать, или, возможно, она собирается с силами, чтобы рассказать мне всё.

— Просто..., - начинает она и замирает на секунду, закрыв глаза рукой, после проводит ею по волосам: — Я не хочу, чтобы ты знал о моих проблемах и моём ужасном прошлом, которое мне принесло много неприятностей, и постоянно меня вновь настигает, не давая убежать от него. Я не хочу, чтобы оно касалось и тебя тоже. Не хочу, чтобы моё прошлое навредило тебе.

— Но мне хочется узнать настоящую тебя, — я полностью серьёзен. — Я на своем примере знаю, что жизнь не состоит лишь из прекрасных и счастливых моментов. Не испытав горя, боли, предательства вряд ли мы, люди, смогли бы распознать счастье, любовь и верность. Я просто должен знать твою историю, чтобы она навсегда осталась в прошлом, ведь не так важно, что у тебя было в прошлом. Это всё уже было и прошло. Важно, что будет, — говорю я более, чем уверенно. — Я очень надеюсь, что со мной..., - добавляю едва слышно.

У меня замирает сердце от своих признаний. Только со Стеллой я понял, что начался новый этап в моей жизни, и надеюсь, что у Стеллы также. Меня на самом деле не пугает, какая бы жизнь у неё ни была раньше. Я готов принять всё, что она мне позволит узнать про неё. Я хочу быть частью не только её жизни, но и её самой.

Стелла сначала замирает, но потом слёзы катятся по её щекам, но она их смахивает, глубоко вобрав в себя воздух, словно готовясь пережить всё заново, что было у неё, и внутренне еще раз не умереть. Только я ей не позволю этого, я буду рядом в каждый самый горький момент.

— Только потом не говори, что я тебя не предупреждала..., - вдыхает Стелла и начинает рассказывать всё, с самого начала и до конца.

— Итак, начну пожалуй с того, что..., - из её губ вырывается едва различимый смех сквозь слезы, которые она утирает ребром ладони, — моё второе имя Элизабет. Когда-то до замужества моя фамилия была Бейкер, это фамилия моей матери. Я родилась в Коутсвилле,

где и прожила почти всю свою сознательную жизнь. Мой отец бросил нас, когда мне едва исполнилось четыре года, поэтому я его почти не помню, знаю только по фотографиям. Он больше никогда не связывался с нами и вовсе не интересовался моей жизнью, да и я не искала с ним встреч. Конечно, — мнёт она руками простыню, грустно ухмыльнувшись, — когда-то я хотела с ним встретиться, узнать, что же за человек мой отец. Но потом я решила, что раз он меня не ищет, значит, в этом нет смысла. Для меня нет места в его жизни. А потом у меня уже началась своя жизнь и все мысли о нашей возможной встрече сами сошли на нет.

Стелла говорит, не останавливаясь, а я не смею её перебивать.

— В девятнадцать лет, — продолжает она, — я познакомилась с Кевином Картером, который был на пять лет старше меня, спустя два года его ухаживаний, он сделал мне предложение, и я согласилась, потому что была по уши в него влюблена. Как ты уже понял, мы поженились. А ещё спустя два года у нас родилась Райли, — улыбка озаряет лицо Стеллы, и я понимаю почему. Дочь — самое светлое, что у неё есть в жизни.

— Знаешь, Райли совсем не помнит Кевина, и, можно сказать, что не знает, что он за человек. Вернее сказать, она не знает всей правды, потому что его не стало, когда ей едва исполнился один год, она была совсем крошечная, и она просто-напросто его не могла помнить. Кевин свел счёты с жизнью чуть более четырёх лет назад, врезавшись на своём автомобиле в огромную грузовую фуру. Конечно же, зная его, как свои пять пальцев, у меня сразу же закралась мысль, что он хотел выставить это как несчастный случай. Сначала так все и думали.

— Но только не ты? — спрашиваю я, она поворачивает голову и смотрит на меня, хотя до этого смотрела на стену, когда рассказывала. Наверное, ей так легче.

— Нет, я почти сразу обо всём догадалась, потому что когда следователи провели расследование, и не было обнаружено тормозного пути, для меня всё стало ясно. Он сам всё это подстроил. У Кевина на тот период начались проблемы с кредиторами, и не заладился бизнес, всё пошло под откос. Кевин залез в долги, желая найти лучшее решение, но так и не смог разобраться с финансовыми проблемами. Поэтому, похоже, ничего лучше не придумал, как умереть, оставив меня безработную с годовалой Райли на руках.

— У меня это в голове не укладывается, как он мог так с вами поступить? Всегда же есть выход, — с сожалением смотрю на Стеллу, которая, кажется, смирилась за прошедшие годы со всем, что произошло с её семьёй.

— Знаешь, я никогда не ожидала от него подобного поступка, потому что он был всегда смелым и отважным, задиристым и дерзким, способным на самые смелые и безумные поступки. В этом был весь Кевин, он по жизни как волк-одиночка, всё пытался сделать и решить сам, не прося помощи, но, бывало, отчаивался до умопомрачения, когда все его попытки оказывались тщетными.

Стелла замолкает на несколько секунд, а я думаю о том, вправе ли я осуждать Кевина. Да, возможно, его поступок недостойный для мужчины, но это был его выбор и его жизнь. Стелла продолжает свой рассказ, говоря о том, что Кевин по сути бросил их двоих расхлебывать долги и проблемы. Совсем скоро после этих событий у Стеллы умерла мама, и вскоре у неё забрали дом в счёт долгов, и ей пришлось самой стараться прокормить дочь и себя». Но со временем, Стелла отчасти даже стала благодарна за эти трудности Кевину, ведь именно так она смогла встать на ноги и чего-то достичь в жизни.

— А имеет отношение ко всему этому тот костюм с бородой, что подходил к тебе на

приёме? — не могу не спросить, кто этот человек, опасаясь, что он может навредить Стелле.

— Его зовут Маркус, он снова шантажировал меня, — я не в себе от услышанного, внутри начинает все кипеть, и ведь не зря у меня было чувство, что этот человек опасен.

— Почему он тебя шантажировал? Это как-то связано с Кевином? — мне нужно знать правду, потому что необходимо как-то защитить Стеллу и Райли, вот только я пока не знаю, как это сделать, потому что неизвестно, на что он способен.

— Да, именно из-за Кевина он меня шантажирует до сих пор. Когда Кевин залез в долги, то занял у него большую сумму денег, но всё потратил и так ничего ему не вернул. После смерти Кевина с меня нечего было взять, у меня за душой не было ни гроша, но сейчас я зарабатываю и, видимо, Маркус что-то разнюхал про мой бизнес.

— Стелла, я должен вас защитить, поэтому сейчас ты должна дать мне ответ или завтра я сам лично все ваши вещи перевезу к себе. Судя по всему, этот человек опасен, — выдвигаю ей ультиматум, потому что действительно беспокоюсь о ней и Райли.

— Николас, успокойся и сбавь обороты, — берёт она моё лицо в свои ладони. — Нельзя такие вещи решать спонтанно.

— Милая, прости за прямоту, но у тебя было достаточно времени на раздумья, мне нужен ответ прямо сейчас. Я не могу вас оставлять одних, зная, что этот Маркус может оказаться рядом, — говорю настойчиво, взяв её руки в свои. — Я хочу вас защитить.

Стелла закрывает глаза, вздыхает и тихо говорит:

— Тогда переезжай к нам. — Что??? Я не ослышался?

— Прости, что? — переспрашиваю, чувствуя, как уголки моих губ стремительно ползут вверх.

— Переезжай к нам, у нас вполне хватит места, и необязательно жить в твоей квартире, — смотрит она на меня и улыбается, я расплываюсь в улыбке в ответ.

— Ладно, — согласно киваю. Она набрасывается на меня с объятиями, и я крепко — крепко прижимаю её к себе, не имея ни малейшего желания отпустить. Никогда. Ни на секунду.

Не скрою, что сложившаяся ситуация расходится с моими принципами о том, что мужчине принадлежит первенство в отношениях, и он должен обеспечить свою семью всем, начиная от еды, заканчивая ночлегом. Но я готов уступить, если им будет удобнее остаться в своей квартире, при этом разделяя эту жизнь вместе со мной. Я уверен, что в ближайшее время нужно будет подыскать дом, где всем хватит места, и ещё будет вдоволь комнат для гостей.

— А как к этому отнесётся Райли? — я полон опасений с данный момент.

— Она будет не против, — шепчет мне Стелла на ухо, потому что мы всё еще держим друг друга в объятиях. — Она тебя очень любит и всегда спрашивает о тебе.

Я вновь расплываюсь в довольной улыбке, хотя и понимаю, что слишком забегаю вперед. Не скрою, меня безумно окрыляют все эти планы и раздумья о будущем. О том, что у меня наконец-то может быть настоящая, полноценная семья.

Семья, которую я всегда хотел.

Семья, которой мне всегда не хватало.

Семья, как маленькая гарантия моего личного счастья, которого у меня никогда не было.

Стелла Три года назад

Последнее время и несчастья сыплются на меня одно за другим. Сначала судьба меня испытала смертью Кевина. Сейчас же я потеряла свою дорогую и люб и мую мамочку. Она и Райли были моей семьёй, а теперь мы остались вдвоём с моей малышкой.

Мне так горестно, что она не успела узнать свою бабушку. Она только начала называть её «ба», мама безумно смеялась каждый раз, когда она своим тоненьким голоском произносила это словечко, обращаясь к ней.

Поздно вечером, после прощальной церемонии, мы с Райли подъезжаем на такси к дому. Она уснула у меня на руках, хотя дорога до дома заняла всего-то десять минут. Она устала за этот тяжёлый день, к тому же во время её обычного сон-часа мы были на прощальной церемонии, и Райли не удалось поспать.

Это был эмоционально истощающий день. Чувство, что из меня выжали все соки и вынули душу. Как мы теперь будем справляться без неё? Я даже не могу себе этого представить. Это настоящий удар для всех нас, но я не вправе раскисать. У меня ребёнок на руках.

Расплатившись с водителем такси, прижимаю спящую Райли к себе и иду по подъездной дорожке к дому.

Издалека краем глаза замечаю тень вдалеке, но ничего не могу разглядеть, на улице уже совсем стемнело. Приблизившись к крыльцу, замираю на месте от испуга, когда натыкаюсь на двух здоровенных амбалов.

— Явилась — не запылилась, — тихо приговаривает один из них.

— Маркус, прекрати пугать девчонку, — тыкает второй бородача локтем в бок.

— Кто вы? — говорю негромко, чтобы не разбудить ребенка. К тому же, меня сковывает страх незнания того, что им нужно от меня. Мало ли, что они могут сделать мне или моему ребёнку. Хотя, пожалуй, на данном этапе жизни меня тяжело чем-то испугать.

— Поговорить о том, о сём, — скалится здоров як с длинной бородой.

— Мы с вами не знакомы, — сильнее прижимаю к себе дочь, желая защитить нас обоих. — Поэтому вряд ли у нас есть общие темы для разговора. Разрешите пройти? — замолкаю и жду, когда эти двое расступятся.

— Поверь мне, милашка, нам есть что обсудить, — сложив руки на груди, важно говорит он.

Что мне с ним и обсуждать? Я их вижу впервые, и вряд ли у нас есть что-то общее.

Неожиданно они расступаются, давая мне пройти. Я сначала медлю, но когда открываю дверь ключом и распахиваю её, чтобы войти, то слышу чье-то дыхание за спиной. Поворачиваюсь и вижу громилу с бородой.

— Я, пожалуй, пройду с тобой, — говорит он. — Жди здесь, — бросает он второму.

Я отворачиваюсь и нервно сглатываю, не решаясь войти домой. Я не хочу, чтобы этот неизвестный мне человек заходит в мой дом, потому что не знаю чего ожидать. Мне страшно до смерти, но я понимаю, что он здесь не просто так, и вряд ли я могу с ним справиться, поэтому даже не пытаясь возразить или сопротивляться.

Захожу в дом, включаю свет в гостиной и иду в комнату Райли, чтобы уложить ее в кровать. Я не говорю ни слова громиле, надеюсь, что и так все понятно. Надеюсь, он отдаёт себе отчет, что мы не можем говорить в присутствии спящего ребенка. Она — целый мир для меня, и я не хочу, чтобы она была вмешана в этот пока еще неясный для

меня разговор. Я не дам ему обидеть или навредить моему ребенку.

— Итак, — встаю в оборонительную позу, сложив руки на груди, вторя ему. — Что вам нужно?

— С виду ты просто ангелочек, но язык у тебя, похоже, острый, — скалится он.

— Вы пришли обсудить меня или за чем-то другим? — его оскал исчезает, и он принимает грозный вид. Я хочу быстрее расквитаться с ним, поэтому просто не хочу слышать то, что он думает обо мне. Я так устаю, что с ног валюсь. Я не готова говорить непонятно о чём, непонятно с кем.

— Твой муженёк, — делает он паузу, а у меня всё снова обрывается внутри. — Этот сук ин сын мне немало задолжал, — шипит он, обнажая свои прокуренные жёлтые зубы.

Почему Кевин после себя оставил только череду бед и разочарований для меня? Какого чёрта я до сих пор должна разгребать всё то дерьмо, которое он любезно подкинул нам, решив свести счёты с жизнью? Боже, ну какой нормальный мужчина так поступит, обрекая свою жену и ребенка на страдания?

— Я не в курсе его долгов, — заставляю себя сказать, желая, чтобы он убрался отсюда как можно быстрее. Я пытаюсь казаться смелой, хотя, что скрывать, внутренне я просто умираю от страха перед этим здоровяком. Он настолько огромен, что, кажется, при желании может одним пальцем меня пришибить.

— Это твой мужёнок, значит, тебе и платить по счетам, — мерзко ржёт ублюдок.

— Кевин нам ничего не оставил, — чувствую, как ком размером с гигантский шар застрекает в моей горле, и я не могу с ним справиться. Я вот-вот разрыдаюсь, но должна держаться. Ради Райли, хотя бы ради неё.

— Неужели? Хочешь сказать, что он вам ничего не оставил? — кажется, он не верит моим словам. — Не лги мне, цыпочка. Я всё равно докопаюсь до правды.

— У нас нет ни гроша, мы практически банкроты..., — мой голос предательски дрожит, как бы я не старалась скрыть свой страх.

— Что ж, — озирается он по сторонам. — Вы и правда небогато живете, — говорит, осмотрев скромное убранство нашего небольшого дома, куда мы с дочерью и мамой переехали после смерти Кевина. Теперь даже обычное, ничем не примечательно жильё, нам не по карману. Мы на самом дне этой жизни. Я себя чувствую такой ничтожной и маленькой в данную секунду.

Ублюдок подходит ко мне ближе, сокращая расстояние между нами до минимума. Я вся сжимаюсь и замираю, пульс барабанит, раздаваясь слишком громким стуком в моих ушах. От этого амбала, возвышающегося надо мной, пахнет табаком и алкоголем.

— Ты настоящая красотка, — берет он рукой прядь моих волос. Я вздрагиваю, боясь посмотреть на него.

— Раз ты не можешь заплатить, может тогда..., — замолкает он на секунду, — мы немного развлекемся? — говорит, как вероятно ему кажется, игривым голосом. Но его слова слишком убийственны для меня, а голос мерзкий и хриплый, у меня мурашки по коже от этих металлически — хриплых звуков.

Я его боюсь, просто безумной боюсь того, что он может со мной сделать. Слезы катятся по моим щекам от осознания того, что может случиться. Спасибо тебе, Кевин, еще раз за то, что мне приходится пережить. Ты просто козёл!

Он касается моей шеи, обхватывая ее своими шершавыми руками, слезы ещё сильнее льются из моих глаз, а ком в горле становится огромным снежным шаром, который

нарастает и становится уже необъятных размеров .

Он водит своими шершавыми пальцами по моей шее. Меня, кажется, сейчас просто — напроосто стошнит от этих отвратительных «ласк».

Слёзы бегут по моим щекам, капая на одежду с подбородка.

— Пожалуйста.... не надо, — всхлипываю, надеясь на его благоразумие и на чуточку везения. Я смотрю на него, но он у же пялится на мою грудь, облизываясь словно кот. Он просто мерзок , и его физиономия вызывает только отвращение.

«Боже, пусть он уйдёт!», — молю я В севышнего, зная, что возненавижу эту жизнь, если вдруг он приведет свои слова в действия. Это просто невысказано. Что я такого в жизни сделала, что вынуждена пережить все это?

— Пожалуйста, уходите! — молю я его, ещё сильнее всхлипывая, почти задыхаясь от слёз. Громила ничего не отвечает, обходит меня и замирает у меня за спиной. Я обнимаю себя руками, инстинктивно желая защититься, но вряд ли это поможет. Хотя в сию секунду я готова поверить во что угодно, даже в то, что Земля плоская, лишь бы это помогло. Лишь бы это спасло меня от неизбежного.

Я чувствую, как амбал берет мои волосы, спадающие по спине, и отодв игает их в сторону. Он наклоняется, и я ощущаю его отвратительное дыхание у своего уха.

— Тебе повезло, — хрипит он. — Я сегодня добрый.

Я закрываю глаза от облегчения, что Господь услышал мои молитвы.

— Но запомни, милашка, рано или поздно вс ем приходится платить по счетам, — пауза. — И ты, — делает он акцент, — не исключение. Запомнила? — рявкает он.

Это были последние слова, которые он мне сказал, после чего резкими шагами направился к двери и вышел из моего дома. Я ошеломленная и напуганная стояла, приросшая ногами к полу, и не могла пошевелиться. От безысходности я разрыдалась ещё сильнее, закрыв лицо руками. Мне безумно горько и противно от того, что моя жизнь почти полностью пошла под откос.

Столько проблем навалилось на меня, и я честно не знаю, как со всем этим справляться.

Это какая-то злая шутка судьбы, будто меня проверяют, сколько ещё трудностей я смогу вынести, прежде чем стану жить нормально или вовсе перестану дышать.

Осознав, что они могут вернуться, утерев слёзы, я подбегаю к двери и запираю её на все замки. Я прижимаюсь спиной к двери и облегчё нно вз дыхаю, понимая, что возможно все мои трудности только впереди.

Должна ли я сдаться или должна продолжить бороться?

Должна ли я после всего случившегося опустить руки или всё же идти с поднятой головой вперед?

Миллион вопросов терза ет меня в данный момент, и ничто не помога ет мне найти нужный ответ, который, казалось, леж ит на поверхности.

Правда ведь всегда более очевидна и ближе к нам, чем может показаться. Только моя правда, моя истина не хотела показывать глаз, мучая меня изо дня в день, давая тем самым понять, что я настолько сильная, насколько сама позволю себе таковой быть.

Глава 33. Она не приходит одна

Николас

Сегодня день не заладился с самого утра, всё идёт не так, как должно, или, по крайней мере, вовсе не по плану.

Во-первых, я почти облажался, поскольку вспомнил, что завтра Рождество, а я не купил подарки для Стеллы и для Райли. Вот такой из меня бедовый кавалер, как оказалось.

В предпраздничной суете было настолько много работы: новые встречи, контракты, открытие новой клиники. Я так забегался, что забыл про себя и самых важных людей.

В данную секунду я судорожно пытался сообразить, как же мне быть с подарками для своих дорогих представительниц прекрасного пола.

В попытках обдумать, что же каждой из них подарить, я прошгудировал все возможные интернет — магазины нашего города и выбрал для них оригинальные подарки, которые должны были доставить поздним вечером прямо ко мне домой.

Провозившись с оформлением заказа, я не заметил, как мне на телефон пришло смс-сообщение от Стеллы.

«Забери Райли из садика, я не могу уйти с совещания, оно затягивается. ХоХо»

О, Боже мой, я боялся, что рано или поздно мне придётся столкнуться с подобной ситуацией, но не предполагал, что так скоро. Почему она попросила меня? Ведь у Райли есть няня. Должно ли это что-то значить, или просто так сложились обстоятельства. Хотя мы же решили съехаться и это самый логичный следующий шаг для нас.

Так, обычно Райли забирают из садика в половину седьмого, не позднее. Смотрю на часы и понимаю, что стрелка часов указывает на шесть часов вечера.

Вот чёрт! У меня остаётся мало времени, чтобы успеть вовремя, а то могут возникнуть проблемы, если я не заберу её до закрытия. Социальные службы нашего государства крайне негативно относятся к таким ситуациям, насколько я знаю. Не дай Боже опоздать за чадом в садик, и они норовят передать ребёнка в службу опеки, какой бы благополучной и финансово достаточной ни была семья.

Нарушая все мыслимые и существующие правила дорожного движения, я успеваю за пять минут до закрытия детского сада. Судя по столпотворению около выхода и отсутствию парковочных мест, думаю, что почти всех детей забрали. Только бы Райли не расстроилась и не подумала, что про неё забыли. Она хоть и бойкая девчужка, но очень восприимчивая и ранимая. Какому ребёнку будет приятно, если его забудут забрать из детского сада? Думаю, не существует такого ребёнка на свете. В конце — концов, никто не любит ждать родителей со сторожем на крыльце.

Бросив машину на обочине и рискуя получить штраф за нарушение правил парковки, бегу к входу. По пути несколько раз поскользываюсь и едва не падаю. Последние дни погода переменчива и поэтому на улице чересчур скользко, наступил травма опасный период для жителей нашего города.

— Здравствуйте, — выглядываю из-за голов столпившихся родителей, ища глазами, к кому из воспитателей я могу обратиться.

— Добрый вечер, сэр, — приветствует меня женщина средних лет в форме с эмблемой детского сада. — Чем могу мне помочь?

— Я пришёл забрать Райли Картер, — говорю ей, слегка запыхавшись.

— А её уже забрали, — говорит воспитатель, удивлённо округлив глаза.

— Как забрали? Кто забрал? Няня забрала? — осыпаю я её вопросами, не давая возможности ответить. Судя по тому, что женщина открывает и закрывает рот, словно язык проглотила, я понимаю, что что-то не так. Произошла какая-то ошибка.

— Послушайте, сэръ..., - берётся она за ворот блузки.

— Кто забрал Райли Картер? — спрашиваю резко, отчеканивая каждое слово.

— Он сказал, что хороший друг миссис Картер, Райли не отрицала, — взволнованно говорит она.

Какого черта здесь происходит? Кто забрал Райли? Мне Стелла шею свернёт, если с её дочерью что-то произойдёт.

— Как он назвался? Вы проверили его документы? — продолжаю задавать вопросы.

— Да, он показал свои права. Кажется, его зовут... Стэнли, — медлит она на секунду. — Точно, Стэнли Бреннан. Вы с ним знакомы? — спрашивает она меня.

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

— Понятия не имею, кто это! — провожу руками по волосам, в тщетной попытке успокоиться. — Вы понимаете, что отдали ребенка чужому человеку? Как вы могли так поступить? — рявкаю на неё.

— Почему вы кричите на меня? Вы сами-то кто такой? — нападает она на меня в ответ, размахивая руками в разные стороны от возмущения.

— По крайней мере, мне сама миссис Картер поручила забрать её дочь, а вы её передали непонятно кому! — мой голос становится всё громче и громче, я не в силах сдерживать свои эмоции.

Стелла впервые поручила мне забрать ребенка, а я облажался. Даже представить не могу, как мне сообщить ей это чертовски плохую новость.

Стелла

Этот день был таким же, как и многие другие дни — ничего особенного. Весьма обычное раннее утро, наш по обыкновению быстрый и шумный завтрак с дочерью, короткая дорога под любимые песни до садика, и задумчивая поездка до работы, в попытках спланировать предстоящий день.

Потом день мчался настолько быстро, что я и глазом не успевала моргнуть: совещания, встречи, болтовня с Николасом, которая наполнил моё сердце такой нежностью. Он меня удивлял каждым внимательным жестом, словно он готов слушать меня вечно. Я поняла, что он меня заряжает энергией, и у меня вырастают крылья от переполняющих чувств.

День был трудный, но в то же самое время просто замечательным, если бы только при выходе из здания, где располагается мой офис, я не столкнулась лицом к лицу с Маркусом.

— Так, так, так, — хрипит он. Его голос, кажется, стал ещё более прокуренным, чем был несколько лет назад. Я замираю на месте, но отнюдь не от страха. Мне попросту неприятно лицезреть его физиономию. Он стоит, прислонившись к стене, в вальяжной позе и зажав сигарету в зубах.

— Опять ты, — стараюсь всем видом ему выказать своё недовольство от нашей встречи.

— Уже соскучился с нашей последней встречи, — скалится своей дежурной противной улыбкой. Брррр, какая мерзость.

— Не могу ответить взаимностью, ты же знаешь, — поднимаю воротник своего пальто, чувствуя, что становится зябко.

На дворе последняя декада декабря и, хотя погода вполне обычная для Филадельфии в это время года, чуть выше нуля, но сегодня на редкость пронизывающий ветер. Я не была готова в своём легком пальто и без головного убора стоять на улице. В планах было быстро добраться до машины и поскорее поехать домой к Райли и Николасу.

— Ты как всегда мне не рада, — констатирует он очевидный факт.

— А ты весьма наблюдательный, — выдавливаю из себя улыбку. — Маркус, давай ближе к делу.

— Я же тебе говорил, что тебе всё равно, рано или поздно, придётся платить по долгам мужа, — откашливается он. — Вопрос в том, что я бы уже хотел получить свои деньги назад. А то боюсь, что проценты начнут зашкаливать и тебе вообще будет не расплатиться со мной. До конца жизни, — ехидничает он, а в глазах пляшут чёртики.

Мне, кажется, не удастся отделаться от него. Может, стоит подыграть для вида?

— Сколько? — задаю простой вопрос, прищурился глаза. — Сколько он тебе должен?

Мерзавец расплывается в довольной улыбке, проглотив мою наживку заинтересованности и желания выплатить долг мужа. Чёрта с два! Но пусть хотя бы помечтает.

— Одалживал я ему пятьдесят тысяч долларов, но с учётом срока ожидания, процентов и инфляции, — загибает он пальцы. — Ох, экономика нестабильна, сама понимаешь, — обращается он ко мне, но я молчу. — Думаю, двести кусков и мы в расчёте.

— Что? — не выдерживаю я. — Двести тысяч? Не многовато ли будет?

— Милашка, ты пойми, я с тобой не торгуюсь, — складывает он руки на груди.

— Не называй меня так! — начинаю я беситься и гореть от злости. Какого чёрта я всё ещё в этом дерьме? Сколько можно жить в отголосках проблем Кевина? Боюсь, что в конечном счёте я возненавижу его навсегда и никогда не смогу простить, хотя есть ли смысл держать зло на тех, кто давно не с нами?

— Потихе, не нужно привлекать внимание, — успокаивает он меня. — Ты же, наверное, не хочешь, чтобы это стало достоянием общественности.

Неужели Маркус беспокоится о том, что наш разговор могут слышать окружающие. Я полагала, что такому громиле как он нечего бояться. Кажется, у кого-то не лады с законом.

— Разве тебе есть дело до прохожих? Им — то точно до тебя нет дела, — секунду обдумываю, как ему преподнести свою мысль. — А полиция, думаю, тобой заинтересуется, — понимаю, что мои угрозы, возможно, звучат для него смехотворно, но я просто обязана защитить всеми мыслимыми способами свою жизнь и своего ребёнка. Иначе, что я за мать?

— Я бы тебе не советовал соваться к копам, милашка, — прищуривает он глаза и поглаживает пальцами свою бороду, обдумывая дальнейший шаг. — А то смотри, как бы твой бизнес от этого не пострадал.

Да, неужели? Он что издевается?

— В отличие от тебя, я честно веду свои дела, — заявляю без лишней скромности.

— Всегда найдётся пару грешков, — усмехается. — На то он и есть бизнес.

— Мне скрывать нечего, — говорю и целенаправленно начинаю шагать к стоянке, где припаркован мой автомобиль, закончив тем самым наш с ним «разговор по душам».

— Миссис Картер, мы не закончили..., — слышу вслед слова Маркуса, но не останавливаюсь и не оборачиваюсь. Мне просто нужно уехать, чтобы этот идиот не почувствовал себя повелителем мира либо хозяином этой ситуации. Ни за что.

Сев за руль своего автомобиля, раздаётся звонок моего мобильного. На экране высвечивается имя Николаса. Наверное, он уже забрал Райли, и они едут домой.

— Привет, — ответив на звонок, завожу двигатель автомобиля и выезжаю из парковочного кармана. — Подожди секунду, — перевожу наш разговор на громкую связь.

— Стел, привет. Ты еще на работе? — слышу тревожные нотки в голосе Николаса.

— Уже еду домой. А вы с Райли добрались? — надеюсь, что у них все в порядке.

— Стелла, нам нужно срочно поговорить, — с трудом выговаривает Николас слова.

— Что стряслось, Николас? — он молчит, тяжело дыша в трубку, а мой взгляд застывает в ожидании. — Говори же.

— Кто-то забрал Райли из детского сада, и этот человек совсем не я.

— Что? Как такое могло случиться? — резко торможу и вцепляюсь руками в руль. — Кто ее забрал? Что за шутки, Николас?

— Я не шучу, я сам в растерянности и не знаю что делать, — тяжело, слишком тяжело вздыхает он.

— Что воспитатели сказали? — глаза начинает щипать от появляющихся слез.

— Ее забрал некто, назвавшийся твоим близким другом по имени Стэнли Бреннан. У тебя есть такой друг? — спрашивает встревоженный Николас. Я отчетливо слышу, что он крайне взволнован.

— Нет, нет у меня таких друзей, — прокручиваю в голове всех знакомых с именем Стэнли, но все тщетно. Я никому не доверяю забирать своего ребенка, только няне и близким.

— Стел, подумай, кто это может быть? — просит меня он.

— Ник, да я понятия не имею, — начинаю истерически кричать. — Что за...?

— Милая, успокойся, дыши ровно. Паника нам не соратник. Кто же это может быть? Давай подумаем, — предлагает он из добрых побуждений.

В тревоге начинаю судорожно теревить обивку руля, не в силах успокоиться. Меня охватила такая паника за своего ребенка, я в растерянности и не знаю, что же теперь мне делать. Где ее искать?

— Боже, Николас...,- начинаю всхлипывать, когда ко мне приходит осознание того, какая беда может произойти.

— Да, милая, — едва слышно говорит он.

— Кажется, я знаю, кто это мог сделать, — горячие слезы текут по моим щекам.

— Кто этот урод? — гневно отчеканивает он каждое слово.

— Маркус и его людишки, у меня нет сомнений! — и у меня действительно их нет, я в этом стопроцентно уверена. — Он хочет от меня денег, много денег. Райли лишь в этом деле для него пешка, — вытираю слезы, но это не помогает. У меня, кажется, истерика.

— Ты уверена, что это он? — спрашивает Ник.

— Это точно он. Больше некому, — закусываю губу и чувствую вкус соленых слез на своих губах.

— Стел, надо звонить в полицию. Это похищение, — Николас, кажется, расстроен и взбешен, не хуже моего.

— Да, ты прав, но нужно подождать. Я не хочу, чтобы ей навредили, — начинаю громко рыдать в трубку.

— Ты где? Я сейчас приеду к тебе.

Я называю Николасу свой адрес, и он кладет трубку. Я в панике и в ужасе. Я в диком страхе и вжимаюсь в кресло, закрыв лицо руками, как маленькая девочка, которая не знает, что же ей делать.

Это больше похоже на дурацкое кино, которое я могла бы смотреть по телевизору и переживать за главных героев. Вот только проблема в том, что это самая настоящая

реальность, которая сейчас происходит со мной. Все это — моя жизнь.

Глава 34. По следам

Николас

Первое, что мы сделали, приехав домой, это обзвонили всех самых близких друзей, чтобы наверняка убедиться, что Райли у них нет. Даже позвонили Марте, хотя знали наверняка, что Райли у нее нет, потому что у нее выходной и она не должна была забирать малышку.

Теперь это было официально — Райли похитили.

Мы со Стеллой ждали приезда полицейских и не находили себе места, потому что впервые и, надеюсь, единственный и последний раз в жизни мы оказались в подобной ситуации.

Мы ждали сидя на диване. Я положил голову Стеллы себе на колени, глядя ее по заплаканному лицу и волосам. Райли — самое большое сокровище Стеллы, а сейчас она не знала, где та находится.

С момента нашего знакомства я тоже очень привязался к Райли, и она прочно, как и Стелла, стала неотъемлемой частью моей жизни, поэтому я переживал ничуть не меньше и также не находил себе места.

Мои мысли прерывает настойчивый стук в дверь. Мы со Стеллой подскакиваем, и я стремительно иду к двери, открывая её сразу же. На пороге квартиры я вижу мужчину и женщину.

— Детектив Бейли, — протягивает руку женщина, не давая шанса ни одной мысли промелькнуть в моей голове. — А это детектив Роджерс, — представляет она своего напарника.

— Проходите, детективы, — приглашаю их жестом в квартиру. — Мы с миссис Картер уже ждем вас. Прошу вас, — указываю на диван, предлагая им сесть.

— А вы, полагаю, мистер Картер? — оценивающе смотрит на меня детектив Бейли, садясь на диван.

— Что? — смотрю на нее в ступоре.

— Мистера Картера давно нет с нами, упокой Бог его душу, — вливается в разговор Стелла, видя замешательство на моем лице, и не дает возможности детективам испытывать меня ненужными вопросами. — Это мистер Ланкастер, близкий друг семьи.

— Что ж, мисс Картер, давайте начнем по порядку. Когда в последний раз вы видели свою дочь? — детектив открывает блокнот, смотря на Стеллу.

— Сегодня утром, когда привезла ее в детский сад, — не задумываясь, отвечает Стелла.

— Весь день ваша дочь была в детском саду, верно? — детектив делает записи в блокноте.

— Верно, — кивает в ответ Стелла. Я расхаживаю по комнате, понимая, что наши разговоры пока никак не помогают найти Райли. Чёрт!

— Кто и во сколько её забрал? — следующий вопрос, как все просто.

— Около шести вечера, — встречаю в разговор. — Этого человека зовут Стэнли Бреннан.

— Откуда у вас это информация? — оборачивается детектив и смотрит на меня с долей подозрения, как мне показалось.

— Я сегодня должен был ее забирать, но когда приехал в детский сад около шести тридцати, Райли уже там не было, — отвечаю как на духу.

— Кто такой этот Стэнли Бреннан? Вы с ним знакомы, мистер Ланкастер? — снова делает записи в своем блокноте детектив.

— Нет, понятия не имею, кто этот человек. Мы не знакомы.

— А вы, миссис Картер? — поднимает детектив Бейли взгляд на сидящую напротив нее Стеллу. — Вы знакомы с этим человеком?

— Нет, — отрицательно она качает головой. Замечаю, что ее глаза наполняются слезами, поэтому сажусь рядом с ней, чтобы поддержать.

— Какие у вас предположения? Подозрения? — подключается к допросу детектив Роджерс.

— Мы предполагаем, — начинаю делиться с ними нашими подозрениями, потому что чувствую, как Стелла начинает дрожать и, значит, она сейчас разрыдается. Обнимаю ее и прижимаю к себе. — что к этому может быть причастен Маркус Ривера. Возможно, вы что-нибудь знаете про него.

— Хм, — ухмыляется детектив Бейли. — А как же. Он у нас знаменитая персона и давно на прицеле.

— Правда? — дрожащим голосом говорит Стелла, смахивая слезу со щеки.

— Вот только с чего вы взяли, что он причастен к исчезновению вашей дочери? У вас с ним какие-то дела? — детектив Бейли возвращается к своему подозрительному тону.

— Нет, — резко говорит Стелла. — Об этом и речи быть не может. Несколько лет назад мой покойный муж Кевин занял у Риверы крупную сумму денег, и с тех пор он периодически появляется в нашей жизни и напоминает о долге Кевина, хотя я никогда не могла предположить, что у Кевина есть подобного рода связи.

— Ривера вам угрожал? — снова вклинивается детектив Роджерс

— Ну, если можно так выразиться, — Стелла нервно хрустит пальцами. — Он просил у меня вернуть его долг Кевина, только в четырехкратном размере.

— Что? — смотрю на Стеллу. — Почему ты мне ничего не сказала? Когда это было?

— Сегодня, — не смотрит она на меня, все еще приковав взгляд к своим рукам. — Он поджидал меня вечером у моей работы.

— Откуда он знает, где находится твой офис? — не понимаю, почему она мне ничего не сказала до приезда копов. Возможно, ей было не до того от переживаний.

— Поверьте мне, — вмешивается детектив Бейли. — Для таких людей, как Маркус Ривера, не существует проблем ни с информацией, ни с чем-то другим. Он крупный бандит и давно у полиции на прицеле, нам нужен только повод, чтобы его взять. Но парень слишком умен, чтобы проколоться и порадовать нас.

Вот это да! Кажется, мы имеем дело с опасным преступником, и страх начинает застилать мне глаза при мысли, во что все это может, в конечном счете, обернуться.

В пятнадцати милях от Филадельфии.

— Надо позвонить этой красотке и потребовать выкуп за девчонку, — приговаривает Стэнли.

— Ты настолько тупой, я прям не могу. Может со своего мобильного тогда ей брякнешь? — рывкает Маркус.

— Чего ты босс, — пожимает плечами амбал с виноватым выражением лица. — Я же просто предложил.

— Предложил он, — бурчит Маркус. — План совсем ни в этом.

— А какой, кстати, у нас план? — косится Стэнли на спящего ребенка на диване. — Мы не можем долго держать девчонку у себя.

— Как раз — таки мы оставим эту принцессу на некоторое время у себя, чтобы ее безмозглая мамаша поволновалась. Может быть, хоть это заставит ее вернуть долг своего мужа — ублюдка! — смачно харкает Маркус на пол.

— А что делать с девчонкой? Кто за ней будет следить? — Стэнли вопросительно смотрит на Маркуса, последний скалится в ответ.

— Ну, Стэн, ты этим и займешься, — похлопывает Маркус того по плечу. — Я в тебя верю!

— Какого...? — недоумевает Стэнли. — Мы так не договаривались. А если мамашка нам не заплатит?

— Просто избавимся от девчонки и делу конец, — заключает Маркус.

— Я грех на душу брать не собираюсь, — как-то по-детски мямлит громила.

— Кончай Стэн, у тебя и так руки по локоть в крови. Одним больше, одним меньше, что тебе стоит? — прищуривается в своей манере Маркус.

— Я детей не трогаю, ты знаешь мои принципы, Маркус, — Стэнли выглядит слегка напуганным, что крайне странно для такого здоровяка.

— Вот поэтому не разводи тут базар. Стелла заплатит, куда она на хрен денется? — громко ржет Маркус, вынимая пистолет из кобуры. Вынув магазин из рукоятки, он бросает ствол с магазином в сейф. — Пойду, позвоню парням, чтобы отвезли девчонку в укромное место, а ты пока за ней присмотри. Скоро укол перестанет действовать, и она может проснуться.

— Понял босс, — бросает Стэнли вслед удаляющему Маркусу и ставит стул около дивана, где спит похищенная двенадцать часов назад Райли Картер.

Стелла Спустя шесть недель

Минуты, часы и дни тянулись до невозможности долго. Я не находила себе места и, кажется, похудела на добрые десять фунтов. Полиция использовала все методы и бросила все силы на поиски моей маленькой Райли, но все было безрезультатно. Все мои близкие люди приезжали, чтобы проверить, как я. Мне, конечно, радостно, что они заботятся обо мне, вот если бы только это хоть как-то помогло в поисках дочери.

— Стел, — мягко произносит мое имя Джулия, заходя в мою комнату с подносом в руках. — Тебе нужно поесть, а то от тебя кожа да кости останутся, — присаживается она на край кровати.

Я не поднимаю на нее глаз, а задумчиво смотрю в стену. Я не хочу есть. Я не хочу спать. Просто хочу закрыть глаза, а когда открою, увидеть свою дочь рядом со мной. Уже прошло полтора месяца, а результатов ноль. Даже нет ни одной зацепки. Ничего. К тому же, Маркус Ривера совсем исчез из поля зрения полиции, что доказывает, на мой взгляд, его причастность к исчезновению Райли.

Джулия ставит поднос на прикроватную тумбочку и садится ближе ко мне.

— Дорогая, — берет она меня за руку и тихонько поглаживает ее пальцами. — Тебе нужны силы, ведь это не дело себя хоронить раньше времени.

— Я ничего не хочу, — перевожу взгляд со стены на Джулию. — Только...чтобы Райли нашлась.

— И ты хочешь, чтобы она тебя увидела в таком состоянии, когда мы ее найдём? — вопросительно смотрит она на меня своими голубыми глазами. — Ей вряд ли понравится твой вид, ты ее, вероятнее всего, напугаешь.

— У меня нет сил ни на что, — честно признаюсь ей.

— Поэтому я здесь, мы все здесь, чтобы помочь тебе прийти в себя, — берет она меня за плечи. — Давай я сделаю тебе ванну, а после ты хорошенько поешь. Договорились? — испытующе смотрит на меня Джулия.

Я лишь согласно киваю головой, на мои глаза наворачиваются слезы, и я притягиваю Джулию к себе. Крепко обняв ее, я начинаю рыдать, не желая сдерживать свои эмоции. Меня переполняет боль неизвестности, которая выжигает меня изнутри. Я не знаю, как теперь жить и на что мне надеяться. Увижу ли я когда-нибудь снова свою дочь? Буду ли держать ее на коленях или читать ей сказку на ночь? И таких незаданных вопросов миллион в голове, они живут во мне и съедают мою душу.

— Спасибо, — тихо шепчу Джулии на ухо. — Спасибо за все.

— Так и должно быть, — поглаживает она меня по спине. — Мы же семья. Кстати, — высвобождается она из моих объятий и встает с кровати, поправляя прическу. — Николас звонил и спрашивал, как ты себя чувствуешь. Сказал, что ты просила пока его пожить у себя. Это правда? — ждет она моего ответа.

— Да, правда, — вытираю слезы и собираю волосы в хвост.

— Что случилось? Вы поругались? — Боже, я и так еле дышу, почему Джулия хочет об этом сейчас говорить.

— Нет, мы не ругались, — развожу руки в стороны. — Просто я подумала, что пока будет лучше, если мы сделаем перерыв и проживем отдельно.

— Ох, Стел, — вздыхает подруга. — Хорошая ли это идея? Мне, казалось, этот момент вас должен сблизить. Сейчас тебе как никогда нужно крепкое плечо рядом, и, кажется, Николас с радостью готов быть этим плечом.

— Не надо, Джулс, я так решила, — у меня сейчас нет никакого желания убеждать подругу. У меня просто — на просто нет сил. — Я хочу принять ванну и поесть.

— Ого, у кого-то появился аппетит, — игриво подмигивает мне Джулия, после чего направляется в сторону ванной. — Возьми чистые вещи, а я пока наполню тебе ванну.

— Хорошо, — встаю с кровати, чтобы взять сменное белье, но мысли о Николасе меня не покидают. И зачем только Джулия затеяла этого разговор? Мне тяжело осознавать, что за эти полтора месяца мы с Николасом сильно отдалились друг от друга, вернее сказать, я от него отдалилась, а он как никогда близок ко мне. Он пытается оберегать меня и поддерживать во всем, но я веду себя словно ёж, выпуская острые иголки при каждом его заботливом жесте. Рано или поздно ему это надоест, и он сбежит от меня, либо я сама его окончательно оттолкну. Я так устала страдать, и не хочу, чтобы мои проблемы причиняли ему боль. Он не заслуживает того, чтобы проходить через весь этот ужас со мной. Он ни в чем не виноват. Он слишком хорош для меня. Я его не достойна.

Глава 35. Жестокие игры.

В пятнадцати милях от Филадельфии.

— Дядя Стэн, а сегодня мама придет за мной? — смотрит Райли грустными глазами на Стэнли, нахмутив брови.

— Не знаю, Рай, не знаю, — отвечает ей Стэнли. — Какой мультик тебе включить? — берет он пульт со стола и усаживается на диван рядом с Райли.

— Никакой, — тяжело вздыхает девчушка. — Я хочу к маме, — поворачивается она к Стэнли и смотрит глазами, полными слез.

— Ну, детка, — берет ее за подбородок Стэнли. — Не плачь, мы что-нибудь обязательно придумаем.

— Стэнли, — слышится по коридору прокуренный голос Маркуса. — Пошли, пора заняться делами.

— Иду, — кричит Стэнли Маркусу в ответ. — Рай, давай я тебе включу свой любимый мультик, а ты потом мне расскажешь, понравился он тебе или нет? — Стэнли ищет нужный файл мультфильма «Король лев» на жестком диске и включает его. — Мне нужно ненадолго отлучиться, хорошо?

— Ладно, — вздыхает Райли.

— Смотри внимательно, Райли, — поглаживает он девчушку по голове. — Потом все мне расскажешь, а то я уже подзабыл детали, — ласково он улыбается ей.

— Ладно, — говорит она снова, и уголки ее губ расплываются в улыбке.

Кто бы мог подумать, что такой грозный тип как Стэнли Бреннан когда-либо сможет найти общий язык с ребенком, да еще и завоевать доверие пятилетней девчонки. Подобные мысли крутились в голове Стэна, пока он шел к Маркусу. И что тому опять взбрело в голову?

— Чего ты так долго? — брюзжит Маркус, делая самокрутку. — Опять с девчонкой возился?

— Хм, — откашливается Стэнли. — Она все время твердит, что хочет к матери и начинает плакать. Что бы ты сделал на моем месте?

— Я с детьми не в ладу, поэтому и поручил тебе с ней возиться, — закуривает Маркус самокрутку. — Хороша получилась, — делает он мощную затяжку.

— Зачем ты меня звал? — Стэнли садится в кресло и кладет ноги на столик.

— Пора позвонить Стелле и потребовать выкуп за ребенка, не находишь? — Маркус курит и заполняет все пространство душевной комнаты клубами дыма.

Стэнли молчит, не находя, что ответить на это. Он вообще последнее время начал думать, что зря подписался на все это. Зачем было похищать девчонку, чтобы полтора месяца ее просто продержат у себя, не требуя ничего взамен? Ему это казалось величайшей глупостью на свете. Стэнли был не из тех, кто любит чего-то выжидать. Он предпочитал делать все и сразу. А Маркус был тем еще садистом, любил мучить долго и издевательски, чтобы человек всей своей сущностью мог прочувствовать боль и страдания.

Вот и Стелла Картер уже, как посчитал Маркус, сполна настрадалась за эти полтора месяца, поэтому Маркус решил начать наконец-то игру по вытягиванию из нее денег. Когда Стэнли соглашался на это дело, то ни за что не подумал, что ему придется столько времени убить, чтобы получить в итоге обещанные ему Маркусом сто кусков. За это время он уже давно мог бы заработать в три раза больше, затратив на это меньше сил и времени, и давно бы уже в очередной раз грелся под жарким солнцем Майами. Но раз ты однажды вступил в

игру, пути назад не было. Таков был закон преступной жизни. Таков был девиз Маркуса и всего его окружения, куда и входит Стэнли. Порой он жалел, что когда-то вступил на эту дорожку, но знал, что уже не может ничего изменить в своей жизни. Он повязан навсегда.

* * *

— Алло, — женский голос снимает трубку.

— Стелла? — низкий мужской голос хрипит на другом конце провода.

— Да, это я, — быстро отвечает она. — С кем я разговариваю?

— Хм, думаю, что мы давно с тобой знакомы, милашка, — неприятно смеется в трубку

Маркус, зная наверняка, какое устрашающее влияние на многих оказывает его металлически — хриплый голос.

— Маркус? — говорит дрожащим голосом Стелла, нарушив молчание, потребовавшееся ей, чтобы осознать, с кем она разговаривает.

— Умница, милашка. Ну, как ты там поживаешь? — пытается он придать дружелюбный и беззаботный тон своему голосу. Знал бы он, как это самонадеянно с его стороны.

— Куда ты дел мою дочь, мерзавец? — зло кидает ему Стелла, в ее голосе слышится ненависть и тревога.

— Полегче, детка, полегче, — пауза. — Твоя дочь в полном порядке и весьма в надежных руках.

— Ты, должно быть, шутишь? — нервно смеется Стелла. — Ты и надежность — это две разные планеты во вселенной. Верни мне мою дочь! — каждое слово она произнесла отрывисто и очень громко, пытаясь достучаться до этого бессердечного преступника.

— Хорошо, — спокойно соглашается он с ней. — Но у меня есть одно небольшое условие, — замолкает Маркус, и на несколько секунд между ними повисает мертвая тишина.

— Говори уже, — нетерпеливым голосом говорит Стелла. — Что еще за условие? — ее голос был слишком нетерпеливым. Маркус начал представлять ее выражение лица, сверлящий и пронзительный взгляд ее красивых глаз.

— Что ж, мои условия таковы: ты отдаешь мне должок своего дорогого муженька с процентами, а я тебе твою дочь. Все просто — как день и ночь, — заключает он.

— Да пошел ты..., — задыхается Стелла. — Ради каких-то бумажек ты похитил мою дочь? Что ты за животное такое, Маркус Ривера? — плюет она ему в лицо.

— Выбирай выражение, Картер! — рывкает он в трубку. Маркуса всегда раздражало, когда в его адрес сыпали подобными оскорблениями. — Наверное, ты больше не хочешь увидеть свою дочь, — хмыкает он в трубку.

— Стой! — всхлипывает Стелла. Вот такое реакции и ждал от нее Маркус. — Я согласна, — неожиданно для него выпаливает она дрожащим от слез голосом. — Сколько ты хочешь?

— Триста тысяч долларов, — делает он паузу. — Наличными, естественно.

— У меня нет столько наличных денег. И в прошлый раз, кажется, ты говорил о двухстах тысячах, если я не ошибаюсь?

— Ошибаешься, ставки выросли. Но не переживай, у тебя масса времени, чтобы найти деньги, я тебя не тороплю. Не думай, с твоей дочерью хорошо обращаются. Она сыта и одета, — снова заверяет Маркус ее, желая сдобрить ее прыткий нрав.

— И когда я смогу забрать свою дочь? — ее больше ничего не волновало. Она готова была найти ему хоть миллион, даже миллиард, лишь бы с дочерью все было в порядке.

— Неправильный вопрос, милашка. Значит так, в назначенном месте ты должна будешь

оставить деньги. Как деньги будут на месте, ты получишь свою дочь — живой и невредимой.

— Откуда мне знать, что ты меня не обманешь? Откуда мне знать, что моя дочь жива? — никак не желала униматься Стелла.

— Нам придется действовать исключительно на доверии, — заржал в трубку Маркус, как всегда в своем репертуаре.

— Маркус, о каком доверии вообще речь? Ты, верно, издеваешься надо мной? — ее нервы были на пределе, и пульс громко стучал в висках, а неизвестность съедала изнутри.

— Разговор закончен, — рывкнул он грубо в трубку. — Ближе к делу наберу, и не надо тащить копов на хвосте. Ты уяснила, Картер? А то придется бандитам растить твою прелестную дочку.

Маркус Ривера был подонком, и сам прекрасно знал про свой дикий нрав и вызывающую манеру общаться, но ему доставляло сущее удовольствие нагонять страх на более слабых, чем он. И дело не в том, что Стелла слаба духом или в физическом плане. Сейчас она была сломлена из-за похищения своей дочери, и Маркус активно пользовался этим.

Стелла услышала гудки в трубке и смотрела замерзшим взглядом в пол, понимая, что не видит ничего в данную секунду, потому что страх неизвестности застилает ей глаза. Но она знала лишь одно, что ради спасения своей дочери она согласится на любые условия Маркуса Риверы.

Стелла

Сегодня ровно семь недель, как пропала моя дочь Райли. Я считаю дни, минуты, секунды до того момента, как она найдется. Я продолжаю упорно верить в то, что она жива, и в один день она вернется, и мы будем жить как раньше, а эти события останутся лишь страшным сном.

Когда сегодня раздался звонок от Маркуса, то я обрадовалась хотя бы тому, что моя дочь жива и здорова. А во-вторых, мои подозрения в том, что именно он похитил мою дочь, подтвердились..

После разговора я сразу позвонила детективу Бейли и рассказала об этом разговоре. Маркус звонил на домашний телефон, и даже к гадалке не ходи, что он звонил с одноразового телефона, который давно уже покоился в мусорном контейнере после нашего разговора.

Я также предполагала, что он так или иначе потребует выкуп, но не думала, что он позарится на такую большую сумму. Это неважно, это все мелочи, главное для меня сейчас — жизнь Райли, моей малышки.

Хвала небесам, что она жива. Хотя был шанс, что я никогда не узнаю, где находится моя дочь, но почему-то эта уверенность жила внутри меня и с каждым днем все сильнее укреплялась.

* * *

— Миссис Картер, спасибо, что оперативно сработали и сообщили нам о звонке, — благодарит меня детектив Бейли по приезду ко мне домой. Нам нужно обсудить детали по поимке Маркуса Риверы и поисках моей дочери, вот только не знаю, как правильно все следует сделать.

— Я была обязана это сделать, — наливаю кофе детективу Бейли. — И что нам дальше

делать?

— Думаю, что как минимум нам нужно ждать следующего звонка Риверы, а также, я по своим рабочим каналам постараюсь добыть информацию, где в данный момент может находиться Ривера и его люди. Нам хотя бы примерно нужно знать, где они могут дислоцироваться на данный момент, — передаю Бейли чашку ароматного кофе.

— Какие будут мои дальнейшие действия? — сажусь за стол напротив детектива, ожидая дальнейшего плана действий.

— Ваша задача ждать и сообщить нам сразу же, как только Ривера снова вам позвонит, — берет она ручку, вырывает из записной книжки листок и что-то пишет. — Вот по этому номеру пришлете сообщение с адресом, который он вам будет диктовать. Так мы сможем его проверить до момента вашей встречи.

— Хорошо, спасибо, детектив, — тяжело сглатываю. — Какие у нас шансы найти мою дочь? — избегаю тяжелого взгляда детектива Бейли.

— Я всегда говорю, что даже маленький шанс, но существует, но для этого мы должны также выполнять свою работу, — делает она очередной глоток кофе и выжидает несколько секунд. — Но поймите, что вы тоже должны сделать все зависящее от вас, никаких самостоятельных решений и действий в этом плане, все согласованно с нами. Надеюсь, вы меня поняли? — улавливаю ее строгий взгляд.

— Конечно. Сделаю все от меня зависящее, — я соглашаюсь, потому что так правильно и вряд ли спустя почти два месяца я своими силами смогу вернуть свою дочь.

— Вот и хорошо, — согласно кивает она мне, и мы, молча, допиваем наш кофе, наполнивший аромат квартиры.

Эту гробовую тишину нарушает стук в дверь, да такой громкий и настойчивый, что, кажется, дверь может слететь с петель.

— Кого-то ждете? — удивленно оглядывается на дверь детектив Бейли.

— Нет, никаких гостей, — спешно выхожу из-за стола и следую к двери. Смотрю в глазок и вижу стоящего за дверью Николаса.

Какого черта! Что мне ему сказать? Мы не виделись уже пару недель, и я тщательно избегаю его звонков и сообщений, не говоря уже о личных встречах. Я настолько ушла в себя, что боюсь, больно ранила его чувства.

— Гм, — тяжело сглатываю образовавшийся ком в горле. — Детектив Бейли, — она поднимается из-за стола, убирая блокнот со стола в карман. — Можете попросить мистера Ланкастера уйти?

— Почему? — удивленно смотрит на меня, сложив руки на груди. — Какие-то проблемы?

— Нет, просто сами понимаете, в какой я нахожусь ситуации..., - замолкаю, осознавая, что сказала какую-то глупость. — Мне сейчас не до отношений.

— Мне жаль, миссис Картер, но мне нужно заниматься поиском вашей дочери. Вам придется самим разбираться между собой, — детектив Бейли выходит, а я жду, что же будет прямо сейчас. Как только детектив Бейли выходит из квартиры, кивком поприветствовав Николаса, я вижу разъяренное лицо Николаса Ланкастера, и понимаю, что мне настал конец.

— Стелла, какого чёрта происходит? — врывается Николас в комнату и начинает орать на меня. — Мне нужны твои объяснения, — тычет он пальцем мне в грудь. — Я устал от этих дурацких игр.

— Какие объяснения? Что ты хочешь от меня услышать, Николас? — складываю я руки на груди, защищаясь.

— Сначала ты настояла на том, чтобы я вернулся к себе домой, потому что ты хотела все время быть одна, — расхаживает он по комнате туда-сюда, эмоционально жестикулируя руками. — Потом ты практически лишила возможности приходить к тебе. А сейчас ты вообще игнорируешь мои звонки и сообщения. Я же не пакет молока, который после употребления можно выкинуть в мусорный контейнер и забыть про него. Что происходит?

Его слова меня бросают в дрожь, и наводят на меня панику. Как он мог подумать, что он сродни отброса для меня? Я никогда так не думала, просто хотела выдержать дистанцию между нами.

— Николас, я просто считаю, что нам нужно сделать паузу в отношениях, — каждое слово дается мне с трудом, обжигая меня пламенем боли. — Ты же понимаешь, мне сейчас не до этого. Все мои мысли только о Райли, а не о тебе, — все мои внутренности начинает трясти. Я не хочу произносить эти слова, но вынуждена, чтобы не причинить Нику еще больше боли. Хотя этими словами я, кажется, причиняю ему не меньше боли.

— Я человек, Стелла, и у меня тоже есть чувства. Я не меньше твоего переживаю из-за исчезновения Райли. Я каждый день обдумываю массу вариантов, что еще можно сделать, чтобы найти ее. Для меня это важно, потому что она твоя дочь, а ты мне дорога, как никто другой. Как ты этого не поймешь? — он замирает на месте, тяжело дыша, и его ноздри раздуваются. Все говорит о том, что Ника переполняет страшный гнев. Таким я его видела впервые.

— Я все понимаю, Николас, но я сейчас бессильна, — провожу руками по волосам. — Мне нужно найти свою дочь, а не выяснять отношения с тобой. Давай сделаем паузу, пожалуйста, — молю я его, не в силах больше ничего сделать, потому что я осознанно приняла это решение. Я сажусь на диван, обхватив себя руками, ожидая реакции Николаса. Но он, молча, стоит, смотря на меня своими синими глазами, полными боли и разочарования. Я смотрю на него и понимаю, что в данную секунду я могу потерять его доверие и его самого.

Но он все также молчит и не произносит ни слова. Кажется, я своими руками ломаю свою жизнь и жизнь родного человека. Я такая жалкая, что меня тошнит от себя самой.

Николас

— Я люблю тебя, Стелла, — прерываю наше страшное молчание. В данную секунду мне показалось, что Стела дрогнула от моих слов, но это было настолько мимолетно, что далее она также осталась неподвижной, будто не услышала ничего особенного. Словно эти слова тождественны слову «привет», которое мы говорим каждый день друг другу. Но это не так.

— Николас, ты на эмоциях, ты запутался, — сухо говорит она и смотрит на меня пустыми глазами. У меня внутри все обрывается, вовсе не это я ожидал от нее услышать.

— Поверь мне, я знаю, о чем говорю, — хриплю в ответ, пытаюсь ее заверить или убедить, сам не знаю, зачем я все еще продолжаю наш разговор. Я — признание, а на меня ушат дерьма.

— Да? — складывается ощущение, что она специально пытается казаться мне холодной и бесчувственной. — А мне казалось, у нас с тобой все строилось лишь на влечении, — продолжает она монотонно. — Есть ли вообще эта любовь, или это все выдумки?

Клянусь чем угодно, но я никогда в жизни не ожидал услышать ничего подобно от женщины, тем более такой чувственной, как Стелла. Боже, да она издевается надо мной.

— Зачем ты так со мной? — качаю головой, не желая верить ни единому ее слову. — Верни мне мою Стеллу, а эту отправь ко всем чертям! — кричу громко, что есть мочи. — Верни мне, мать твою, мою Стеллу!

Ее эти слова, кажется, поражают, и она моргает, желая скрыть, что мои слова ее затронули, что они что-то значат. Они как гром, как ураган, как торнадо.

— Николас, нам пора остановиться, — она все еще смотрит на меня, сменяя взгляд потерявшейся маленькой девочки на черствую хладнокровность.

Я подхожу к ней и сажусь на край журнального столика, желая быть ближе к ней. Приблизившись своим лицом к ее лицу, кладу ей руки на плечи.

— Не мели чепухи, Стелла, это какой-то бред, — все мое лицо напрягается и искажается от злости. Я ей всю душу наизнанку выворачиваю, а она меня прогоняет, рвет со мной отношения. Она закрывает глаза, делает вдох и говорит:

— Нам нужно расстаться, — после смотрит на меня грустными глазами. — Все зашло слишком далеко, мы попросту заигрались, — она освобождается от моих рук, встает с дивана и направляется к выходу. Она берет свое пальто и быстро накидывает его на себя, избегаю зрительного контакта со мной.

— То есть ты просто так готова все закончить и расстаться? — еле слышно произношу я, ошарашенный ее словами. Как все просто для нее.

— Нечего заканчивать, — мямлит она. — Разве между нами было все так серьезно? — на этот раз она говорит громко и отчетливо, а мне нечего ей сказать, потому что я повергнут в шок, и лишь безмолвно шевелю губами.

— Не играй со мной, Стелла, — бормочу еле слышно. Это моя последняя попытка сохранить наше с ней настоящее.

И в данную секунду ко мне приходит осознание того, что именно я всегда был тем самым человеком, который играл с чужими чувствами и жизнями. А сейчас мне оплачивают той же монетой, моей персональной разменной единицей, вот только мне больше не под силу эти игры и правила. Я устал от этого и сыт по горло.

— Закрой за собой дверь, когда уйдешь, — бросает она мне и выходит за дверь, разбивая мое раскрывшееся ей сердце на мелкие кусочки, которые потом я буду вынужден собирать воедино. И нет, я не из того типа мужчин, что будет плакать над этой потерей. Просто суть в том, что я чересчур сильно доверял этой женщине, практически возводил ее на пьедестал, а она оказалось черствее самого жесткого засохшего куска хлеба.

А больше всего меня удивило, что после всех предательств и боли в жизни, что ей пришлось пережить, она подобным образом обошлась со мной. Значит, она стала такой же, как те люди, что когда-то обидели ее.

Она разбила меня, усомнившись в искренности моих чувств.

Она такая же, как и все остальные.

Она — самая настоящая бесчувственная стерва.

И я знаю наверняка, что вряд смогу когда-нибудь простить ее.

Стелла

Джулия и Брендон везут меня в назначенное место, где я должна оставить деньги для этого ублюдка Маркуса. И что он за человек такой? Какой, даже самой махровый преступник, возьмется таким образом играть с чувствами матери? Ведь все из них чьи-то сыновья, каждого из них родила женщина, такая же, как и я.

Мы останавливаемся за пару кварталов, и Брендон паркует свой автомобиль.

— Готова? — спрашивает Джулия, оборачиваясь ко мне с переднего пассажирского сиденья.

— Не знаю, насколько вообще к такому можно быть готовой, — стараюсь сохранять внешнее спокойствие, хотя внутри меня целая буря — ураган.

— Может, мы пойдем вместе с тобой? — подключается к разговору Брендон.

— Нет, я должна пойти одна, — в очередной раз напоминаю им обоим. — Таковы условия Маркуса.

— Мы беспокоимся за тебя. Очень, — говорит Джулия ласковым голосом. — Хотя прекрасно понимаем, что не можем ничем помочь.

— Вы и так делаете все, что можете. И, спасибо вам, ребята, даже не знаю, что бы без вас делала, — откашливаюсь и открываю дверь машины со своей стороны. — Мне пора.

— Мы вас ждем, — говорит вслед Джулия, и я выхожу на прохладный воздух, который обжигает мою разгоряченную от волнения кожу.

Когда мы подъезжали к этим кварталам, я уже начала испытывать волнение. Да что там говорить, я испытывала настоящий ужас. Это место располагалось не иначе, как в Северной Филадельфии, это должно было само по себе настораживать, на что Маркус и рассчитывал.

Этому было весьма веская причина, потому что Северная Филадельфия — самая криминальная часть города, при этом большая часть преступлений связано с наркотиками. Да уж, гуляя по такому району, можно было найти массу приключений на пятую точку, даже не прикладывая никаких усилий.

Отгнав от себя горькие мысли и стараясь сбросить оковавший меня страх, начинаю идти вперед. Те виды, что открываются перед моими глазами, вряд ли радуют глаз, но у меня безвыходная ситуация. Я должна идти вперед.

Я иду по кварталам промышленной зоны, мне нужно пройти всего два из них, чтобы оказаться у цели. Следую весьма ритмичным шагом вниз по кварталу, вижу сплошь заброшенные промышленные здания и лежащий на обочинах, и даже на самой проезжей части мусор, в основном бытовая мелочь и иногда встречающиеся части крупногабаритных предметов. Хотя вряд ли здесь можно встретить проезжающую машину — это скорее исключение из правила. Не говоря уже о редких прохожих, которые больше напоминают зомби-людей, случайно оказавшихся в этой части города.

Отправляю сообщение детективу Бейли, сообщая, что со мной все нормально пока, и вокруг никого нет. Ни людей, ни машин, ни одной живой души. Просто идеальное место, чтобы меня больше никогда не нашли.

Снова стараюсь отогнать от себя плохие мысли, потому что, тем не менее, я не одна. В паре кварталов мои друзья в машине, а также в двух кварталах к югу от назначенного места находятся копы под прикрытием, под видом местных жителей, так что все не так уж и паршиво. Но мне все равно страшно, потому что на плече висит сумка, полная налички суммой в триста гребаных тысяч долларов. Поверьте, это совсем не те места, где бы вам

захотелось прогуляться, да еще и с такой суммой денег. Перспектива была не так уж заманчива, но у меня была цель — это моя дочь, которую я хотела забрать у этого мерзавца. Она для меня сейчас важнее всего на свете.

Подходя все ближе к назначенному месту, краем глаза я замечаю, что стены заброшенных зданий украшают яркие рисунки лиц, изображенные в стиле граффити. Они разные — уродливые, простые и красивые, настоящие шедевры уличного искусства.

В конце квартала я нахожу пятиэтажное здание из красного кирпича, соседствующее с такой же красной десятиэтажкой, огороженное забором из сетки — рабицы. Нахожу сломанную часть сетки и пролезаю в нее, согнувшись в три погибели и стараясь не зацепиться и ничего себе не повредить.

К сожалению, у полицейских не было много времени, чтобы прошерстить это здание до назначенного времени, потому что Маркус сообщил мне место за пять минут до моего выезда из дома, которое так же было оговорено им. Одно из условий — никаких копов, поэтому я пошла одна, я настояла на этом, чтобы не сорвать нашу «сделку».

Он мне сказал приходить одной, зайти через черный ход этой заброшенной пятиэтажки, найти в углу картонную коробку, в ней будет лежать шкатулка, внутри которой ключ. Далее мне нужно найти дверь с надписью «Кладовка», открыть ее ключом и в углу за дверью оставить сумку с деньгами, закрыть дверь и оставить ключ в той коробке, где я его нашла.

Этот сукин сын, Маркус, крайне осторожен. Он не пришел сам и не послал никого из своих людей, чтобы не быть пойманным копами. Все продумал, но ему все равно рано или поздно придется расплачиваться за содеянное.

Внутри здания очень темно, потому что практически все окна заколочены фанерами, и лишь небольшая часть света проникает через щели. Я четко следую инструкции Маркуса, выполняю все быстро и четко. Все действия у меня занимают не более десяти минут, хотя я вовсе не засекала время, а просто желала, чтобы весь ужас закончился как можно скорее.

Когда я кладу ключ назад в шкатулку, и сумка с деньгами больше не давит на мое плечо, то я не знаю, что же делать дальше. Я оставила деньги, но что же дальше? Мы не обговорили с Маркусом ту часть, где мне возвращают мою дочь, и мы живем долго и счастливо. На все мои вопросы он не дал мне никаких ответов, шантажируя меня благосостоянием и жизнью моей дочери. Мне пришлось согласиться на все его условия, потому что у меня был вариант либо согласиться, либо больше никогда не увидеть мою Райли.

Что в данную секунду должно произойти? Меня обманули? Я должна ждать? Нет! Ответ — НЕТ! Я должна ее поискать, может быть, она где-то здесь. Я решаю начать поиски и обхожу каждый угол помещения, куда только могу проникнуть, но бесполезно. Моей малышки Райли нигде нет. Такими темпами я могу отчаяться. Я возвращаюсь на первый этаж и стою несколько минут посреди помещения, не зная, что делать дальше. После опускаюсь на пол и сажусь, прислоняясь спиной к грязной стене. Я чертовски устала за последние два месяца поиска моей любимой дочери. Я сильно похудела и осунулась. Мне кусок в горло не лез от переживаний, а временами начинало даже тошнить от вида и запаха еды.

Притягиваю колени к груди и обнимаю ноги руками, склонив голову на колени. Не знаю, зачем я здесь сижу и чего жду. Кажется, меня обманули как полную дуру, которая еще и заплатила такую огромную сумму денег, так и не получив возможности забрать своего ребенка. Это полное фиаско с моей стороны. Глаза начинает щипать, и я даю волю слезам, не желая их держать внутри себя. Они способны меня задушить, если я не выпущу их наружу.

Гоняя все эти противные и горькие мысли в своей голове, я долго сижу в заброшенном помещении. И, кажется, что мне совсем не страшно, потому что больше терять нечего. Я потеряла всех самых близких людей, которых у меня забрала жизнь, судьба, карма. Называйте, как хотите, я уже сама не знаю. Николаса я сама оттолкнула, потому что не хотела ему портить жизнь. Я искренне хотела верить его словам, но боль прошлого никак не отступала, какой бы сильной обезболивающей таблеткой новых отношений не была. Я не знала, сколько еще буду нести бремя преданной жены — навсегда или когда-то это прекратится, но пока оно было со мной. Да и по правде говоря, я просто не хотела отношений, мне важно было найти свою дочь, я позволила этой ситуации нас разлучить, а не сплотить.

Медленно поднимаюсь на затекшие ноги, понимая, что просидела здесь целую вечность. Прошло много времени, но я уверена, что Джулия и Брендон по-прежнему ждут меня в машине.

Еще раз окинув глазами помещения, я иду к выходу и, открыв дверь, понимаю, что на улице начало смеркаться. Это не очень хорошая идея идти по темноте в этом районе, потому что со мной может случиться все, что угодно. Но разве у меня есть выбор?

— Мама, — слышу отдаленно детский голос, но этот звук такой расплывчатый и отдаленный. Может быть, я начинаю сходить с ума и мне это все причудилось? Я замираю на месте и быстро оборачиваюсь, но вблизи меня никого нет.

Приближаясь к двери, я снова слышу «мама» и вновь замираю на месте.

Что за черт?

Я прислушиваюсь и слышу снова и снова разрывающее меня изнутри:

— Мама! Мамочка! Где ты? — отчетливо узнаю голос своей дочери, и не могу поверить своим ушам.

— Райли! — зову еще слышно, мой голос осип от долгого молчания. — Райли, где ты?

— Мама! Мамочка! — слышу хныкающий голос своей дочери. Я оборачиваюсь, и вижу свою дочку, которая бежит ко мне на встречу, как в замедленной съемке. Я опускаюсь на корточки, развожу руки в сторону и ловлю ее в свои объятия.

Это чередой самых счастливых кадров в моей жизни, которые с одной стороны я захочу стереть навсегда, а с другой захочу сохранить в памяти на всю жизнь.

Моя дочь жива и невредима. Я глажу ее по голове, осматриваю ее, но она выглядит хорошо: чисто одета, причесана и даже улыбается своей задорной и самой любимой улыбкой на свете.

— Ты пришла за мной, — шепчет она мне на ухо.

— Конечно, пришла, милая моя, — сжимаю ее крепко в объятиях, боясь задушить. В голове мелькает мысль, почему она так сказала? По какой причине я могла бы не прийти за ней, но тут же гоню все мысли прочь. — Идем домой!

Я беру ее за руку, и мы быстро выбегаем из заброшенного здания, унося ноги по направлению к машине, где нас ждут мои лучшие друзья, потому что на улице почти стемнело, а район не из приятных, но я надеюсь на лучший исход. Сейчас я точно знаю, что смогу защитить свою дочь и выстоять в любой ситуации.

Можно меня обвинять и говорить, почему я не пытаюсь выяснить у своей дочери, где она находилась все это время и как с ней обращались. Но на данный момент меня это ни капли не волнует, потому что она жива и здорова. Важно, что она со мной и больше я ее никому не отдам. А со временем я выясню все детали, и гнусный подонок Маркус Ривера

получит по заслугам. Я верю, что в этом мире существует принцип бумеранга. Зло всегда должно возвращаться туда, откуда пришло. А сейчас я ему желаю счастья и процветания, не смотря на ту адскую боль, что он мне причинил.

* * *

— Солнышко, как долго ты там находилась? — начинаю выведывать у дочери информацию, как только мы отъезжаем из квартала, и я привожу дыхание в норму. Джулия и Брендон молчат и внимательно слушают, поглядывая на Райли.

— Не знаю, — пожимает плечами дочь. — Наверное, с самого утра.

— Ты пробыла в этом здании весь день? — удивленно смотрю на дочь, не веря своим ушам. Если она так долго там пробыла, то как так вышло, что я не нашла ее, когда ходила по всем помещениям? Хотя было пару закрытых дверей, я стучалась и прислушивалась в попытке услышать хоть какой-то звук через закрытую дверь.

— А где именно ты была? — это, наверное, уже не столь важно, но мне нужно знать, как этот гад все провернул, обведя меня вокруг пальца.

— Наверху, в дальней комнате, — спокойно говорит дочь.

— Дверь была закрыта? — снова выпытываю я.

— Да, дядя Стэн сказал закрыться изнутри ключиком, который он мне дал.

— А где ключ и кто такой этот дядя Стэн? — меня напрягает, что моя дочь так спокойно обо всем этом рассказывает, но с другой стороны я рада, что она не перепугана до смерти.

— Дядя Стэн все время был со мной, мультики со мной смотрел и кормил меня, — говорит она, смотря на меня своими ясными глазами.

— А ключ ты куда дела?

— Он сказал его оставить в комнате, в двери, я так и сделала, — снова едва заметно пожимает она плечами, как ни в чем не бывало.

— Доченька, я тебя искала и стучала в двери. Как же ты не услышала, родная моя? — прижимаю Райли к себе и целую в волосы.

— Я слышала, но дядя Стэн сказал ни за что не выходить из комнаты, пока стрелка на часах не дойдет до вот этой цифры, — вытягивает она левую руку и демонстрирует мне ярко-розовые детские часы, указывая на цифру шесть. Почему я раньше не обратила на них внимание.

— Почему ты не отреагировала на мой стук, не слышала? — никак не могу унять, думая о том, что я могла уйти, так и не узнав, что Райли меня там ждала.

— Мне сказали сидеть тихо и никому не открывать, иначе я никогда не увижу тебя, мамочка, — жалобно произнесла Райли, поджав свои пухлые губки. — Мне сказали, что если я сделаю все, как мне скажут, то ты отвезешь меня в самый большой на свете парк аттракционов. Это правда?

Боже мой, как мала и доверчива моя дочь, не смотря на все те взрослые размышления, которые порой выдает, она все еще ребенок, дитя, которого можно легко подкупить детскими развлечениями и радостями. Но я рада, что, возможно, она не поняла, что с ней произошло, и эти события никак не навредят ее психике. Хотя нам придется, так или иначе, обратиться к детскому психологу, ведь такие события не обходят стороной чуткую детскую психику.

— Да, малышка, правда, — снова прижимаю ее к себе, только еще крепче, и горячие слезы обжигают мое лицо. Только теперь это слезы радости, а не горькой печали.

— И Анну-Мей возьмем с собой? — поднимает она на меня свои глаза.

— Обязательно, Райли, — вытираю слезы, чтобы она ничего не заметила. — Все вместе поедem.

Джулия и Брендон улыбаются, и мы в молчании едем домой. В то место, которому мы принадлежим и где должны быть вместе, не смотря ни на какие тревоги и печали.

Глава 37. Сквозь стены

Николас

Я стою около ее двери и рассматриваю. Самая обычная дверь, темно-коричневая, массивная и судя по виду тяжелая. Сжимаю пальцы в кулак и стучу в эту дверь, надеясь, что мне откроют. Надеюсь, что *она* мне откроет. Стучу раз, стучу два. Тишина. Стучу три, четыре и жду. В ответ тишина, но мне кажется, что слышу легкие, невесомые шаги за дверью. Значит точно *она*.

Это он, точно он стучит в мою дверь. Стучит раз, стучит два. Стучит много-много раз и не уходит. «Уходи, Николас. Уходи», — молю я его мысленно, но, кажется, будто это прозвучало вслух слишком громко. Оглушительно громко. Я прислоняюсь к глазку, и мои догадки подтверждает знакомая до боли фигура.

Я отхожу от двери на полшага и замечаю, что исходивший из глазка свет исчезает — его, понимаю, заслонила чья-то фигура. Начинается игра света — подошла, отошла и так по кругу. Уверен, что *это она*.

— Стелла, я знаю, что ты дома..., - хриплю невозможно. — Открой мне! — тихо требую. — Я всё равно не уйду, — даю понять, что это я, хотя она видела и сама это знает.

Я прислоняюсь головой к двери, бесшумно опираясь руками об холодный металл. Я слышу, что он меня зовет. Он говорит очень тихо, но ощущение, что он слишком громко выкрикивает мое имя. Я молчу, потому что нечего сказать. Лицо искажается от боли моих никчемных поступков — я раню его сильнее, чем нож пронзает и без того израненное сердце. Я омерзительно жестока. Я омерзительна сама себе.

— Стелла, — в который раз повторяю ее имя. — Открой или я выломаю эту чертову дверь! — Все не может закончиться вот так...! — замолкаю. — Это нечестно по отношению ко мне и по отношению к самой себе. Разве ты не устала страдать?

Он бьет кулаком по двери. Дверь от удара вибрирует и стонет. Мои глаза начинают наполняться слезами, я бесшумно, но тяжело вздыхаю. Я все еще борюсь с собой и не сдаюсь, я молчу и не могу произнести ни слова.

— Я люблю тебя, Стелла, — тихо, но уверенно говорю я. Это те самые слова, ради которых я пришел сюда. Пришел к *ней*. — Я люблю тебя, и ничто это не изменит.

Прислоняюсь лбом к двери, потому что мое лицо и все мое тело в агонии. Я не говорил эти слова ни одной женщине за последние восемь лет. Последней женщиной, кому я признался в любви, была Аманда, и она меня слишком сильно ранила. Мне казалось, что именно тогда мое сердце превратилось в кусок льда и замерзло навсегда. Но Стелла помогла его растопить и забиться, ожить вновь.

Когда я услышала его слова, то водопады слез полились по моим щекам. Я начала громко всхлипывать, превращая все вокруг себя в истерическое рыдание. Кажется, даже воздух плакал вместе со мной. Один лишь Николас молчал с той стороны двери. Я ненавижу

себя за все: за молчание, за громкое рыдание, за бездействие. Я ненавижу себя.

Когда я услышал ее горькое рыдание через дверь, то понял, что она действительно около двери и слышала все, что я ей сказал. И эта ее реакция — самый верный подсказчик для меня в том, что я ей не безразличен.

— Прощай Стелла, — отхожу я от двери, положив букет цветов около нее. — Раз ты не хочешь меня видеть, прощай....

Никто не знает, чего мне стоило — взять и уйти. Я, наверное, никогда себе не прощу то, что ушел, не дождавшись ее ответа. Я себя ненавижу за то, что на эмоциях дал себе слабину и перестал бороться. За нашу любовь и за нашу жизнь.

Моя душа плакала как измученная скрипка, а тело содрогалось как истерзанное животное, когда я слушала звук удаляющихся шагов Николаса. Это значило лишь одно — он ушел. Навсегда, Насовсем. На зло себе и вопреки мне. Все кончено. Я все испортила, я сломала наши жизни....

Оторвав резко голову от подушки, я резко вдохнул воздух. Было ощущение, что во сне меня лишили воздуха и бросили, как собаку, подворотней умирать.

Отбросив одеяло, я пошел в ванную умыться.

— Хреново выглядишь, приятель, — говорю своему отражению в зеркале. После нашего расставания со Стеллой я практически перестал спать. А если мне и удавалось погрузиться в царство Морфея, то только в сопровождении кошмаров, а это отнюдь не отдых, а сплошная мука.

А сейчас дело дошло до таких снов, как сегодня. Прихожу в ужас, вспоминая свой сон. Он был похож на фильм, где ты видишь действие двух героев — их мысли, речи и действия. Это было очень странно, а может знаково?

Мне нужно выпить прямо сейчас. Иду к бару, достаю бутылку скотча и наливаю полстакана янтарной жидкости. Подношу к губам холодный стакан и залпом опрокидываю его содержимое. Жидкость обжигает горло и попадает внутрь.

Сначала мои внутренности обжигает от отвращения, но потом наступает легкое, едва заметное опьянение и расслабление вместе с ним.

Это уже было на грани дозволенного, да я и сам уже на грани. После спровоцированного Стеллой расставания, я звонил ей каждый день, писал ей смс-сообщения и забил до отказа ее голосовую почту, но от нее ни слуху, ни духу.

Как это по-взрослому с ее стороны. И как это по-детски с моей стороны вести себя словно малолетний пацан, которому задрали юбку и показали, что под ней, а он хочет увидеть, что выше дозволенного. Как же я жалок.

Я устал, и мне нужно выкинуть ее из своей головы. Раз она не хочет быть со мной, то к чему мне страдать. «Хватит! Довольно!» — кричу самому себе.

Пусть будет, как и было последние годы. Включаю хладнокровность, закрываю на замок душу, да и есть ли она у меня теперь? Беру щепотку безжалостности и стального характера, и вот он я — Николас Ланкастер перед вами собственной персоной.

Пора забыть Стеллу, и ничто не может помешать намеченной мною цели.

Стелла

Уже прошло пару недель после тех ужасных событий, когда я думала, что потеряла свою дочь навсегда. Я рада, что в те моменты была не одна, мои близкие люди были со мной, не давая мне упасть духом.

С момента возвращения Райли у нас все идет своим чередом. Дом, детский сад, работа и совместные выходные, которыми я теперь ни в коем случае не пренебрегаю. Мы с Райли посетили несколько сеансов у детского психолога, который утверждает, что с моей дочерью все хорошо, никаких дурных последствий. Чего может желать еще мать для своего ребенка?

Однако, чего-то не хватает, а вернее кого-то. И я прекрасно знаю кого — Николаса Ланкастера, который стал частью нашей с Райли жизнью, но таковой больше не является.

У меня начинает щемить в груди, когда я думаю о том, как сама его оттолкнула. Я делала все с самого начала, чтобы он отвернулся от меня.

После нашего расставания я старательно игнорировала его сообщения и звонки. Удаляла его голосовые сообщения, даже не прослушивая. Я боялась слышать его голос. Знала наверняка, что сойду с ума, если услышу его и в очередной раз докажу себе, что была неправа и совершенно жестоко оттолкнула любимого человека.

Я не отвечала на звонки, потому что не знала, что ему сказать. Я оказалась в пузыре собственного стыда и глупости, по-другому и не скажешь. А теперь мне лишь остается жить дальше без него, без того человека, кто нам с Райли дарил столько прекрасных минут и моментов, каждый из которых был сравним с целой прожитой жизнью.

Я отвлекаю себя заботами о дочери и работой. В связи с открытием новых магазинов, забот хватает, и скучать вовсе некогда.

— Отлично выглядишь, красотка, — широко улыбается Патрик, войдя в мой кабинет. — Прости, что без стука. Надеюсь, ты ничем тут предосудительным не занималась, — посмеивается он надо мной.

— Как видишь, — складываю руки в замок на столе. — Чиста, как младенец.

— Стел, научись уже принимать комплименты, — садится он в кресло за столом слева от меня. Он угадал, заметив румянец на моих щеках. Зачастую комплименты вгоняют меня в краску, как маленькую девчонку. — Наконец-то ты пришла в форму, а то так похудела, что я начал волноваться за тебя.

— Серьезно? — округляю глаза. — Я даже не задумывалась, как выгляжу.

— А зря, хотя сейчас все аппетитные формы на месте, — подмигивает мне Патрик.

— Перестань, Патрик! Или мы опять возвращаемся к старой теме? — кажется, я еще сильнее побагровела.

— Что ты, милая, ни в коем случае. Представь, что это тебе говорит твоя подруга, — я нервно смеюсь. — Что? — удивляется Патрик.

— Знаете что, мистер Кендал? Вряд ли ваша симпатичная задница тянет на мою подругу, — у Патрика, кажется, отвисает челюсть от моих слов, но иногда приходится переходить на такие откровенности в разговоре с ним. Но мы же друзья.

— Ого. Ты, значит, все же считаешь меня привлекательным? — дергает он бровями, делая выражение лица я-типа-очень-сексуальный-парень.

— Ну, я этого никогда не отрицала, но все же давай лучше сохраним нашу дружбу.

— Конечно, Стел. Конечно, все как прежде, — читаю сожаление в его глазах, что мы всего лишь друзья. Я всегда знала, что при моем желании мы могли бы перейти черту дружбы, и Патрик не давал мне об этом забыть. О том, что я была ему глубоко симпатична.

— Ты же знаешь, насколько ты важен в моей жизни, — искренне говорю другу.

— Ага, — по-мальчишески кивает он и, разворачиваясь ко мне вполборота, кладет ноги на соседнее кресло. Он достает из кармана пиджака энергетический батончик и начинает его есть.

— У тебя что, и обед с собой в кармане? — он усердно жует.

— Вроде того, — пожимает плечами. — Что у нас с благотворительным приемом? Когда он состоится?

— Ужас! Я совсем про него забыла! — листаю ежедневник. — Прием уже завтра, и что же мне надеть?

— Ты выглядишь отлично в чем угодно, — заверяет меня блондин.

— Ну, тогда надену любимую пижаму «Hello Kitty», — Патрик замирает, перестав жевать. — Да, шучу я, шучу!

— Ты так не шути, а то у меня разные картинки начинают мелькать перед глазами, — понимая его намек, бросаю в него карандаш. — Ау, полегче, — возмущается он.

— Опять за свое, — улыбаюсь ему. — Хотя...видел бы ты свое лицо.

— Сама меня провоцируешь, а я вечно остаюсь виноватым, — делает вид, что сердится на меня. Все-таки Патрик очень симпатичный, но для меня все же он только друг.

— Так что с приемом? Заедешь за мной или встретимся там? — даю ему право выбора.

— Конечно, я заеду за вами, миссис Картер, — встает Патрик, поклонившись мне со всей галантностью.

— Вот и отлично, тогда жду тебя в семь, ехать совсем недалеко, — он согласно кивает и идет к двери. — И надо будет тебе подыскать какую-нибудь красотку, — игриво ему подмигиваю.

— Не хочу разбивать тебе сердце, Стел, — подмигивает он мне и скрывается за дверями.

«Вот паршивец», — произношу вслух, но Патрик меня не слышит. Не скрою, он завидный жених — привлекателен внешне, увлекательный собеседник и, к тому же, очень состоятельный человек. Вокруг него всегда вьется много женщин, вот только еще ни одна не смогла поймать его в свои сети, хотя вроде как очень давно была какая-то история. Он чуть, было, не женился, но тому было не суждено случиться.

Не смотря на все достоинства, в Патрике я видела лишь хорошего друга и надежного партнера по бизнесу. Не знаю, почему было все именно так. Я, возможно, просто не чувствовала искры между нами, как бывает при встрече того самого человека. Своего человека.

* * *

— Как настроение, подруга? — спрашивает сидящий рядом со мной Патрик, когда мы уже едем на прием.

— Неплохо, только Райли не хотелось оставлять, — смотрю в окно на проплывающий вечерний город. — Я теперь особенно дорожу каждой минутой, проведенной рядом с ней.

— Не каждая мать способна пережить то, что выпало на твою долю, Стел, — накрывает он своей рукою мою, нежно касаясь моих пальцев.

— Спасибо тебе за поддержку, Патрик, — поворачиваюсь лицом к нему. — Для меня это много значит.

— Не за что, Стел, — улыбается он уголками губ. — Мы же друзья.

— Конечно, — смотрю на наши руки, и высвобождаю свою из руки Патрика.

— Может это не мое дело, — как-то неуверенно говорит Патрик, что на него вовсе не похоже. — Что произошло между тобой и Николасом?

— Мы..., - мой голос начинает срываться, потому что я совсем не хочу говорить на эту тему. — Мы расстались.

— Вот как? — его на самом деле это удивляет, или он нарочно не хотел замечать, что Николас исчез из моей жизни. — В чем причина?

— Это моя инициатива, — снова смотрю в окно, избегаю зрительного контакта.

— Он тебя обидел? — я молчу. Ведь очень трудно объяснить, тем более близкому человеку, космический размер своей глупости и истинную причину разрыва.

— Нет, вовсе нет, — веду пальцем по окну, будто что-то незримое поможет мне сосредоточиться и найти правильный ответ. — Ну, знаешь, когда произошла вся эта ситуация с Райли... Не знаю, — замолчала я, не отрывая глаз от случайных прохожих.

— Не ожидал я такого исхода, — слышится сожаление в его голосе. Неверие в мою глупость, или в слабость Ника, что сдался.

— Знаешь, на самом деле я сама его оттолкнула, — резко разворачиваюсь и пристально смотрю Патрику своими блестящими от напращивающихся слез глазами. — Он меня поддерживал, но я не захотела отношений. Я всю себя отдала этому горю, всю себя отдала на поиски Райли. Это было словно сумасшествие.

— Может быть, еще все можно исправить? Не знаю, можно же извиниться, попросить прощения, — я вижу в глазах Патрика недоумение и переживания за меня. — Ну, что-то же можно сделать, если ты на самом деле хочешь быть с ним. Он поймет, поговорите и найдете решение...

— Патрик, перестань, — вцепляюсь в рукав его пиджака. — Прошу, перестань, — шепчу сквозь слезы.

— Стел, — смахивает он слезу с моей щеки.

— Слишком поздно, я во всем виновата сама. Это было жестоко с моей стороны.

— Все настолько плохо? — все еще желает помочь Патрик, чтобы спасти ситуацию.

— Ты даже не можешь себе представить, насколько сильно я его обидела. На его месте, я бы даже воспоминания о себе стерла, чтобы не испытывать эту боль.

— Стелла, — печально качает он головой. — Твое упрямство однажды сведет тебя в могилу.

Я ему не отвечаю, потому что Патрик на тысячу процентов прав, и я пока ничего не могу изменить. Сейчас я просто бессильна.

* * *

Благотворительный прием, на который нас с Патриком пригласили как владельцев компании «Vanilla Mama», в самом разгаре. В нем не было ничего примечательного. Все как обычно — программу по сбору средств, много влиятельных гостей, обильные угощения, масса новых знакомств и встреча с уже знакомыми лицами.

Будучи частью крупного бизнеса, невозможно избежать посещения подобных мероприятий, ибо ты становишься частью этой напыщенной тусовки. Но с другой стороны, эта та категория мероприятий, где можно приобрести полезные знакомства.

Распровавшись с порцией очередных знакомых, иду по залу в поисках Патрика, но внезапно мой взгляд приковывает любопытное зрелище. Прямо в противоположном конце зала от меня, всего лишь в нескольких метрах, игриво ведет разговор с шикарной

длинноногой блондинкой сам Николас Ланкастер.

Я замираю как статуя и не могу пошевелиться, поскольку не знаю, как быть: продолжать идти вперед или развернуться и бежать в обратном направлении.

Черт! Черт! Черт!

Оглядываюсь по сторонам и нахожу недалеко от Николаса болтающего Патрика. Решаю идти к нему, пока Николас Ланкастер меня не заметил. Этого я хочу меньше всего.

— Простите, что вторгаюсь, — хватаю Патрика под руку и отвожу в сторону.

— Что на тебя нашло? — удивляется он.

— Я...хм...ничего, — вот черт, не могу связать и двух слов. — Мне нужно припудрить носик, отлучусь на две минуты, — выпаливаю я, улыбаясь ему, как ни в чем не бывало.

— Могла бы и не предупреждать, — бубнит он.

Одариваю его гневным взглядом и спешно ухожу, почти что бегу, в дамскую комнату. Забежав вовнутрь, закрываюсь в кабинке и стараюсь отдышаться. Все мои внутренности дрожат, потому что Николас Ланкастер нарушил сегодня мой душевный покой. Мне было достаточно всего лишь его увидеть, чтобы все мое тело оцепенело, и сердце заболело.

Меня начинает мутить, и к горлу поднимается тошнота. Все лицо покрывается холодным потом, и подобранный к горлу ком просится наружу. Наклоняюсь и опустошаю свой желудок. Меня рвет так сильно, словно у меня сильнейшее отравление, а не приступ паники.

На ватных ногах выхожу из кабинки и подхожу к зеркалу. Я черте на кого похожа: все лицо в пятнах, тушь растеклась, руки трясутся.

Умываюсь и промокаю лицо полотенцем, достаю из сумочки косметику и привожу себя в порядок. Нельзя, чтобы меня видели в таком состоянии. Пока привожу себя в порядок, слышу жужжание своего мобильного.

Читаю сообщение Патрика: «Стел, я знаю, в чем дело. Я его видел. Выходи! Ты не сможешь вечно от него прятаться».

Мысль о том, что мне придется выйти из уборной и столкнуться с Николасом, наводит на меня ужас. Но ведь Патрик прав, абсолютно, черт его возьми, прав. Я могу тут сидеть целую вечность. Или что мне теперь, лезть через окно на улицу, лишь бы не сталкиваться с Николасом Ланкастером? Это глупо, чрезвычайно глупо, как и все мои поступки в последнее время.

Снова подхожу к зеркалу и пристально смотрю на саму себя. Выгляжу уже хорошо, немного румян и готово.

Будь сильной, Стел. Ты же всегда была бойцом и боролась до конца. Что же случилось с тобой сейчас? Давай, вперед на амбразуру.

«Знаю. Уже иду», — пишу быстро сообщение Патрику.

«Умница», — сразу же приходит его ответ.

«Просто подыграй мне».

«Ох, держись, Стелла», — поддерживаю мысленно сама себя и выхожу из уборной навстречу самому пугающему и грандиозному фарсу в своей жизни. Но он не оставил мне иного выбора.

* * *

— Все в порядке? — интересуется Патрик, когда я нахожу его.

— Отлично, — беру из его рук бокал шампанского. — Может, поздороваемся с Николасом? — сразу же предлагаю ему, решая действовать, не желая затягивать неизбежное.

— Ты уверена? — удивленно вздыхает он брови. — Хорошая ли это идея? — кажется, он сомневается, но во мне нет и капли сомнения.

— Уверена. Вон он с какой-то сногсшибательной блондинкой флиртует, — киваю головой в их сторону.

— Ревнуешь? — расплывается в ехидной улыбке Патрик.

— Пошли, давай, — беру его под руку и практически тащу по направлению к моему теперь уже бывшему мужчине.

— Спокойно, будь расслабленной, — как-будто инструктирует меня Патрик. Я не отвечаю ему, а лишь надеваю на свое лицо фальшивую улыбку. Сегодня я выгляжу действительно хорошо, не уступаю место ни одной красотке на данном мероприятии.

Мы идем прямо к ним, мило беседующим и выпивающим шампанское. Складывается впечатление со стороны, что они флиртуют. Одна лишь мысль об этом меня глубоко ранит, но я стараюсь не думать об этом. Пришли ли они вместе или познакомились уже здесь? «Хватит, хватит мучить себя. Голову выше и вперед», — снова эти внутренние разговоры с собой.

Когда мы подходим к ним, то все происходит как в замедленной съемке. Первой поворачивается блондинка, Николас в этот момент перестает смеяться и очень медленно поворачивается к нам. Он моргает, прикрыв свои синие глаза цвета грозового моря, после смотрит на меня неотрывно, пристально, дерзко.

Я прячу свой взгляд, не выдержав всех эмоций, отражающихся в глазах Николаса. Не думала, что будет так тяжело.

— Мистер Ланкастер, добрый вечер, — протягивает Патрик ему свою руку в знак приветствия. Николас медлит, все еще сосредоточив взгляд на мне.

— Гм, — сглатывает он, поворачиваясь к Патрику и протягивая ему руку в ответ. — Приветствую, мистер Кендал, — хриплым голосом, словно от волнения, говорит он. Я надеялась, что его затронет встреча со мной. — И вас, миссис Картер, — снова смотрит он на меня, слегка кивнув головой.

— Приятная встреча, Николас, — произношу дрожащим голосом и улыбаюсь еще шире своей фальшивой улыбкой. — Не представишь нам свою спутницу? — смотрю на блондинку, выражая якобы искренний интерес. Должно быть, из меня могла бы выйти неплохая актриса.

Николас секунду молчит, сверля меня холодными глазами, кажется, понимая, что за игру я затеяла.

— Конечно, — берет он ее руку в свою. — Это моя подруга, Виктория.

— Очень приятно, — пищит она своим тонким голосом. Лучше бы она молчала, ей Богу.

— И мы раду знакомству, — сжимает Патрик мою руку, выражая свою поддержку. — Правда, Стелла?

— Конечно, милый, — ласково смотрю на него, словно я в него безумно влюблена и он один для меня на земле.

Что? Милый? Какого черта я творю?

— Как вам прием? Великолепен, не правда ли? — адресую свой вопрос Виктории, все еще чересчур притворно радуясь нашему знакомству.

— Мне очень понравился, все очень организовано и красиво. Мы с Ники хорошо проводим время, — поворачивается она к Ланкастеру и по — щенячьи заглядывает ему в глаза.

Боже мой, меня сейчас стошнит от этой особы. И где он ее только взял? Хотя, я не могу его осуждать, не имею права. Может, ему будет проще с простой и наивной девушкой, а не с такой как я — с искалеченной жизнью и миллионом заморочек.

Несколько минут мы все вместе разговариваем на отвлеченные темы. Я стараюсь избегать зрительного контакта с Николасом и быть частью нашей общей беседы, не выдавая своего волнения от его присутствия. Но сдается мне, что я с большим трудом держу себя в руках. Рядом с Николасом это до невозможности тяжело.

— Стелла, мы можем поговорить с глазу на глаз? — обращается Николас ко мне, нацепив милую улыбку.

— Думаю, что мы уже все обсудили, — даю понять, что не хочу никаких разговоров и не желаю оставаться с ним наедине.

— У меня осталась пара вопросов, — невозмутимо настаивает он на своем. — Патрик, — обращается Ник к тому. — Ты же не возражаешь?

— Нет, если Стелла не возражает, — он пожимает плечами и смотрит на меня виновато. Подыграл, называется.

Николас предлагает мне руку.

— Не думаю, что это хорошая идея, — бурчу себе под нос, но, тем не менее, беру его под руку и смиренно иду рядом с ним. Я так желала этого избежать, но знала, что мы к этому придем, рано или поздно. Мы выходим из общего зала на террасу, где уже нет ни души, учитывая, что большая часть гостей уже ушла. Николас закрывает за нами двери, и я чувствую, что попала в ловушку.

Я отпускаю руку Николаса, не желая чувствовать его своей кожей, каждой своей частичкой, иначе сдамся и рухну прямо ему в объятия, что неправильно и не должно случиться со мной ни при каком раскладе. Я устанавливаю между нами необходимую дистанцию и снова избегаю его синих глаз, самых пронзительных на всем белом свете.

— О чем ты хотел поговорить? — тихо, почти шепотом, говорю я, смотря с террасы на улицу, на освещенное фонарями пространство.

— Ты же сама все знаешь, Стел, — в его голосе слышится сожаление и грусть. — Я хотел поговорить о нас.

— Николас, перестань! Нет никаких нас, — говорю я свою правду и все-таки смотрю на него своими пустыми от грусти глазами. — «Нас» больше нет.

Желваки заходили ходуном на его лице. Я понимаю, что это было грубо и бессердечно с моей стороны, но это правда. Больше нет «нас». Есть я и он, по отдельности, врозь.

— Я это вижу, — его губы выражают брезгливость. — Ты уже нашла мне замену. Хотя о чем это я? — складывает он руки на груди. — Он же всегда был рядом с тобой, долго искать не пришлось, просто нужно было меня прогнать, а его лишь пальцем поманить и дело с концом.

Я раскрываю от удивления рот. Это второй раз, когда я видела Николаса гневным и расстроенным одновременно. И сейчас я понимаю, что в этом лишь моя вина.

— Не говори так, — тихо бормочу, все еще моргая от удивления. — Ты же знаешь, что это не так.

— А как тогда? — испытывает он меня снова и снова пронзительным взглядом.

— Знаешь что, — складываю руки на груди, вторя ему. — Смотрю, ты тоже время не теряешь. Какой с тобой милый ангелочек, Виктория, — специально делаю громкий акцент на ее имени. — Вы просто идеальная пара.

— Виктория здесь ни при чем, — резко отрезает он. — Не впутывай ее сюда.

— Почему же? Ты тоже очень быстро нашел мне замену. Вот, значит, как ты страдаешь? И это твоя любовь ко мне? — сыплю ядовитые слова, не в силах остановиться. Я, конечно, не права, что показала ему, будто я вместе с Патриком, но меня просто бесит, что он пришел с этой конфеткой.

— Боже, Стелла, что с тобой произошло? Неужели ты на самом деле такая бессердечная или только хочешь казаться таковой? Я не узнаю тебя, — хмурит он брови. — Не такую Стеллу я когда-то полюбил.

На террасе устанавливается тишина, режущая мои внутренности вдоль и поперек. Неужели я на самом деле так сильно изменилась и стала настолько холодно — металлической, что сама не заметила.

— Я всегда была такой, какой ты меня видишь сейчас. И не надо пафосных слов, Николас. Мир не крутится лишь только вокруг тебя одного и твоей любви ко мне. Есть реальная жизнь и реальные проблемы, которые приходится расхлебывать. Мне ли не знать.

— Да уж, только у тебя одной проблемы на этом белом свете, куда всем остальным до тебя, — сарказм так и сыпется из его уст, но я могу его понять. Николас громко и грустно хохотнул и продолжил. — Знаешь, сначала я думал, что ты слишком расстроена похищением Райли, поэтому даже оправдывал то, что ты задвинула меня куда подальше. Но потом, когда я понял, что оказался не просто на втором плане, а в конце очереди после всех остальных и ты готова меня прогнать, даже не моргнув глазом, то я ошалел от этого безразличия. Я, конечно же, не вчера родился и мне причиняли боль, но я не ожидал такого поступка от тебя. Неужели ты думаешь, что я бы стал перетягивать одеяло на себя, требуя внимания, когда случилась такая беда? — он на секунду замолчал, гневно простреливая мои внутренности своими словами. — Ты заблуждаешься и, причем, очень сильно, — тычет он в меня пальцем.

— Николас, давай закончим уже этот разговор, — выставляю руки вперед, хотя знаю, что он мне не причинит боль. Я говорю взволнованно, потому что его слова не могут не затронуть меня. Они меня поразили до глубины души, но я стараюсь выглядеть невозмутимой.

— Ты права, Стелла. Пошла ко всем чертя моя любовь к тебе. Да и ты сама катись куда подальше! — брезгливо он машет в мою сторону руками, громко выкрикиваю каждое слово.

Это было больно. Черт возьми, было реально больно слышать эти слова, хотя и я немало страданий причинила ему.

— Николас...,- едва слышно шепчу я. — Зачем ты так? — чувствую, как мои щеки горят от непрошенных слез, и внутри меня разыгрывается настоящая буря.

— Я жалею, что связал с тобой свою жизнь, — продолжает он, словно не слыша моего вопроса. — Я сожалею, что открылся тебе и дал забраться себе под кожу. Ты, Стелла, чокнутая стерва. И если мы когда-нибудь еще встретимся, то советую тебе сделать вид, что ты со мной незнакома. Иначе..., — замолкает он, снова тыча в меня пальцем, его ноздри гневно раздуваются.

— Иначе что? — вскрикиваю я, начиная всхлипывать.

— Иначе я тебя уничтожу, как мелкое насекомое, которое посмело шагнуть своими мелкими ножками в мою жизнь! — мое лицо искажается от боли. Я понимаю, что очень сильно обидела Николаса, но не ожидала, что он даже готов мстить мне, лишь бы больше никогда со мной не встречаться.

А чего еще я ждала? Я пошатнула внутренний мир Николаса Ланкастера, и сама виновата в том, что он разозлился и возненавидел меня, кажется, всей душой.

Николас подошел к двери и, коснувшись ручки, обернулся ко мне. Выражение его лица нельзя было назвать счастливым. Казалось, что его лицо — это отражение горя всего нашего мира и не меньше. Мое же лицо обливалось слезами, превратившимися в целый океан. Ему, вероятно, уже было все равно на мою реакцию. Я давно ему все сказала.

— Удачи с Патриком, — кинул мне Николас и скрылся за дверьми террасы. Я же плюхнулась на скамью, рыдая во весь голос и не в силах остановиться.

Я оплакивала нашу умершую любовь, часть которой всегда будет жить у меня внутри. Я оплакивала свое упрямство и непомерную глупость от того, что сама разрушила свои самые искренние отношения. Я оплакивала мужчину, которого сама же оттолкнула и заставила возненавидеть себя. Я оплакивала смерть своей души и остановку своего сердца, которые спровоцировала сама с уходом Николаса.

Я снова бессердечная Стелла, какой я когда-то стала поневоле.

Глава 39. Закрытая глава

Николас

— Хреново выглядишь, приятель, — говорит Мартин, пока его жена ушла на кухню за десертом. — Может, хватит уже убиваться по ней?

Так странно, но теперь не принято произносить ее имя вслух, иначе оно режет кожу от боли и сжимает весь воздух вокруг меня до невозможности дышать. Господи, чувствую себя настоящим слизняком или детсадовцем, у которого забрали любимую машинку. И во что я превратился?

— Марти, все в порядке, — провожу рукой по волосам, желая успокоить свои внутренности. — Все в норме.

Я рад, что друг пригласил меня на ужин в кругу своей семьи. Сейчас его поддержка для меня крайне важна. Я начинаю сходить с ума, когда остаюсь дома один. Когда я ничем не занят, то все время думаю о ней, что меня приводит в раздражение. Я чуть не разгромил подчистую свою квартиру после приема, где встретил ее в компании милейшего мистера Патрика Кендала.

Я помню, как смотрел на них, и мне было безумно больно, даже не передать словами. Эта слишком сильный удар от того человека, от которого совсем не ожидал.

Почему для некоторых людей так просто расстаться? Словно ты никогда и ничего для них не значил, будто случайный пассажир. Такое отношение причиняет слишком много боли, с которой невозможно жить и нельзя с ней смириться. Почему у некоторых выработан иммунитет на расставания, а ты чертовски страдаешь от этого? Хотя чему удивляться, раньше я всегда был на том же самом месте, безжалостно расставаясь с женщинами. Хотя, с другой стороны, я никогда им ничего не обещал. Я сразу раскрывал свои карты. Я всегда следовал своему девизу — если моя игра, то и правила мои. Так было проще. Но со Стеллой все изменилось в моей жизни. Я не захотел ее отпускать, а жаждал быть с ней рядом. Я даже был готов поверить в «долго и счастливо», но нам было не суждено это испытать. Такое решение приняла *она*, не спросив меня, хотя в отношениях всегда двое людей, а никак не один.

— Может, тебе стоит взять небольшой отпуск? — смотрит на меня с воодушевлением Мартин. — Приезжай к нам в Коутсвилл, отдохнешь немного, можно выехать на природу

мужской компанией.

— Не знаю, Марти. Правда, не знаю, — смотрю на своего друга с благодарностью за ту заботу, что мне оказывает его семья. Они мне как родные. Сейчас Мартин и Эмили вернулись на время в родной Коутсвилл, подальше от шумной Филадельфии.

— А что тут думать? Возьми недельку, тебе нужно развеяться и очистить все свои мысли, — мы переводим внимание на вошедшую в гостиную Эмили с пирогом в руках. Эта замечательная женщина всегда держит ухо востро.

— Сейчас очень много дел с открытием новой клиники. Без меня точно не обойдутся, — нужно непременно закрыть эту тему. — Знаешь, вряд ли уехав за пределы Филадельфии, все мои проблемы развеются сами по себе. На это нужно время. Оно, говорят, лечит.

— Дорогой, непременно время лечит, — улыбается мне любезно Эмили. — Ну, если надумаешь, то приезжай к нам на недельку-другую, мы будем тебе очень рады.

— Спасибо, ребята, ценю вашу поддержку. Я подумаю, — обещаю своим лучшим друзьям, не зная наверняка, выберусь ли к ним или нет.

Сейчас мне лишь известно одно: я изо всех сил буду работать, чтобы хоть как-то освободить свои мысли о ней. Я безумно устал от этих выматывающих отношений, словно вампир из меня высосал всю кровь.

Если до той последней злосчастной встречи где-то в глубине души, наверное, у меня телилась надежда на возможность вернуть наши со Стеллой отношения в нормальное русло, то сейчас я знаю наверняка, что глава моей жизни под названием «Стелла Элизабет Картер» закрыта навсегда. И в конце я ставлю жирную точку.

Глава 40. Фото со знакомой улыбкой

Стелла

Знаете, когда переживаешь какое-то страшное событие в своей жизни, которых пришлось немало на мою пока еще недолгую жизнь, то каждый раз становится все труднее и труднее их переносить. Кто-то, возможно, легче с каждым разом переносит новое тяжелое испытание, но только не я. У меня снова и снова срабатывает защитная реакция и такое ощущение, что неприятности с каждым разом как нитки наматываются в клубок, который пугает меня все больше своими размерами.

Кажется, что с каждым днем я стала угасать все сильнее. Меня раздражало все вокруг, одна лишь Райли скрашивала мое существование, и я точно знала, что хотя бы ради нее одной мне стоит жить на белом свете.

Я опять потеряла аппетит, кусок не лез мне в горло, и я, кажется, начала терять в весе. Сегодня утром даже не смогла выпить чашку любимого кофе, без которого не представляла и дня. Кажется, у меня серьезные проблемы с желудком и пора обратиться к врачу. Так дальше продолжаться не может.

Заходя в здание, где располагается офис «Vanilla Mama», слышу звонок разрывающегося в моей сумки мобильного телефона.

Забегаю в практически закрывающиеся двери лифта, отвечаю на звонок Джулии.

— Привет, — приветствую подругу. Странно, что она звонит так рано. Сейчас только восемь тридцать на часах.

— Стел, — рыдает в трубку мне подруга.

— Что стряслось, милая? — снимаю с глаз солнцезащитные очки и надеваю их на голову.

— Я поругалась с Бренденом, — еще сильнее всхлипывает Джулс. — Он меня точно бросит один день с такими закидонами!

— В чем дело? Что опять ты ему сказала? — для меня не было новостью, что Джулс периодически ссорилась с Бренденом из-за какой-нибудь очередной глупости, которую она никак не могла держать при себе. Она считала, что отношения в браке должны быть максимально искренними между партнерами, и не стоит все держать в себе. — Успокойся и выкладывай.

— Хорошо, — Джулия делает вдох-выдох. — На прошлой неделе мы ходили на корпоративный ужин, устроенный компанией Брендона. И мне показалось, что его секретарша строит ему глазки. Я знаю, знаю, — не дает мне вставить и слова Джулия. — Ты сейчас начнешь меня ругать, что я себе накручиваю, но мне правда показалась, что она пытается залезть ему в штаны. И я понимаю, что бессильна.

— Джулс, стой! — перебиваю я ее. — Ты действительно себе накручиваешь. Брендон замечательный муж и отец, он тебя безумно любит и души в тебе не чаёт.

— И он то же самое мне сказал, что обожает нас с дочкой.

— Конечно, это же видно. Разве я бы стала тебя обманывать, не будь это правдой? — спрашиваю подругу, все выше и выше вздымаясь вверх здания на лифте.

— Знаю, я такая дуреха, — хихикает подруга. — Боже, этот дурацкий ПМС просто сведет меня в могилу!

Когда я слышу последнюю фразу Джулии, то больше не слушаю, что она мне говорит, потому что в моей голове начинают мелькать картинки, и я не могу остановить этот поток кадров в моей голове. Я понимаю, что все сходится и все вполне объяснимо.

От осознания происходящего мой разум застилает пелена страха, мои руки дрожат и, я роняю на пол кабины лифта сотовый телефон, так и не закончив разговор с подругой.

В моей голове сыплются одни ругательства в свой адрес, и в воздухе повисает лишь один вопрос.

Какого черта, Стелла Картер!

Почему ты не помнишь, когда у тебя последний раз были критически дни?

* * *

Подняв с пола свой мобильный телефон, выбегаю из лифта и спешно иду в свой офис, пролетая как смерч мимо своей помощницы Сэм, пытающейся что-то сказать мне вслед.

— Потом, — бросаю ей и громко закрываю дверь.

Бросив сумку на стул, мчусь к своему столу, где пытаюсь найти ежедневник. Пролистав календарь, понимаю, что сейчас март месяц на дворе. Так, так, так. Последний раз критические дни были у меня в середине декабря.

Так, успокойся, Стелла! Это может быть все что угодно: волнение, стресс, потеря веса, да что угодно. Почему сразу беременность?

Боже мой! Со всеми навалившимися проблемами я перестала принимать противозачаточные. Как я могла забыть про них? Это же было как само собой разумеющийся ритуал каждый день.

Нет, так нельзя все оставлять, надо обязательно во всем убедиться. Беру снова свою сумку и вылетаю пулей из своего офиса, снова промчавшись мимо ошарашенной Сэм.

— Миссис Картер, — кричит она мне вслед. — А как же совещание?

— Скоро вернусь, — отвечаю ей, даже не обернувшись в ее сторону. Надеюсь, она меня услышала.

Кажется, я никогда так быстро не ходила, желая в чем-то убедиться или же получить отрицательный результат.

Покупаю в аптеке три самых надежных, по словам фармацевта, теста на беременность и, сразу же вернувшись в здание, где располагается офис моей компании, бегу в уборную.

Всю дорогу из аптеки я молилась. Молилась так, как никогда раньше, только уже не помню о чем. Нужно стойко принимать все, что выпадает на твою судьбу. Но я неуверенна, что справлюсь еще с одним испытанием, да таким непростым.

Делаю первый тест.

Делаю второй тест.

Делаю третий тест.

Жду три минуты, но не могу посмотреть, страшась увидеть результаты.

Жду еще три минуты, умываясь и обмахиваясь бумажным полотенцем.

Возвращаюсь в кабинку, не в силах больше ждать ни одной секунды. Что будет — то будет.

Смотрю на лежащие рядом друг с другом три теста, на которых выстроились в ряд по две красных полоски на каждом тесте. Глаза наполняются слезами, которые просятся наружу. Я прикрываю рот рукой, заглушая свои всхлипы, и понимаю, что в данную секунду моя жизнь снова изменилась, повернув свой курс на сто восемьдесят градусов.

Я — беременна. Я беременна, черт бы его побрал, от Николаса Ланкастера. Я должна просто обязана собраться и принять для всех нас верное решение, и на это у меня есть всего лишь одна попытка.

Вытираю слезы и иду в свой кабинет. Воспоминания роем кружатся в моей голове. Я знаю, что дети — это счастье, самое лучшее, что может случиться с человеком в жизни. Но не знаю, хочу ли и готова ли я снова становиться матерью, да еще от человека, который теперь меня ненавидит. Я не знаю, что теперь делать.

Боже, какая же я дура! Я же сама в этом виновата. Тогда от злости я просто набросилась на него, мне было все равно в тот момент, что мы не предохраняемся. Хотя я принимала таблетки, но тогда произошли такие страшные события, что я про все на свете забыла и перестала их принимать.

Боже мой, глупее даже и не могло выйти. Я забеременела от мужчины, с которым даже не хотела начинаться встречаться, а потом просто оттолкнула. Так мне и надо, нужно было головой думать, а не руководствоваться ежесекундными желаниями и порывами. Но тогда я его страстно желала, я любила Николаса, боясь себе в этом признаться, а тем более ему. Только сейчас ценой расставания я узнала, что любила его всем сердцем и до сих пор люблю.

Мы с Николасом никогда не затрагивали тему детей, я каждый раз противилась нашему сближению. А что, если он не хочет ребенка? Мы с ним об этом ни разу не разговаривали, поэтому я даже не знаю, как он может воспринять эту новость, учитывая, что мы с ним даже не общаемся, и к тому же он приказал мне не приближаться к нему, иначе уничтожит меня. Я ему верю, ведь, наверное, абсолютно также поступила бы на его месте. Я растоптала его чувства.

Мы с Кевином так радовались появлению Райли и насмотреться на нее не могли. Когда

я начинала с Кевином говорить о втором ребенке, о возможности, что у нас родится сын, он говорил, что нам еще очень рано думать о втором ребенке.

На деле все оказалось иначе. Мир после его смерти оказался для меня полон сюрпризов. И, кажется, с тех пор у меня пропало всякое желание строить прочные отношения, а тем более уж заводить детей.

Три с половиной года назад

Отвезя Райли в детский садик с утра пораньше, мне потребовалось заскочить домой, поскольку я как последняя растяпа оставила прямо у входа свой пакет с униформой. Так и на работу недолго опоздать, что мне вовсе не на руку.

Подъезжая к дому, я боковым зрением замечаю машину на обочине проезжей части, на противоположной стороне от нашего дома. В ней сидит молодая девушка. Припарковав машину, закрываю ее и быстро иду, практически бегу домой, чтобы не опоздать на работу.

Захватив пакет с униформой, без которой меня явно не допустят к работе, наливая себе в термокружку еще не успевший остыть кофе. Выхожу из дома, заперев дверь, и собираюсь идти к машине, когда вижу, как по подъездной дорожке прямо по направлению ко мне идет та самая девушка, что сидела в припаркованной напротив дома машине.

Кто она и что ей здесь нужно?

Понимаю, что я встала как вкопанная и таращусь на девушку, когда она уже совсем близко подошла ко мне.

— Здравствуйте, — машет она мне рукой. — Не знаете, как я могу найти Стефани Картер? — интересуется она у меня.

— Это я, — отвечаю я ей. — А в чем дело?

— Меня зовут Кейси, — протягивает она мне руку. — Кейси Тейлор, — добавляет фамилии, словно это должно о чем-то говорить.

— Очень приятно, — говорю я, не пожимая ей в ответ руки, она смущенно одергивает ее. — Чем могу помочь?

— Хм... — словно не зная с чего начать, медлит она. — Я была знакома с вашим мужем.

Вот как? Очень интересно! Складываю руки на груди, ожидая, когда она продолжит.

— Мы с ним познакомились в Алентауне, где я живу, — продолжает она. — Вряд ли он вам про меня рассказывал.

«Конечно, не рассказывал», — думаю про себя. — Кто бы стал рассказывать про знакомство с такой милой и внешне весьма симпатичной девушкой. Я бы тоже на его месте, наверное, не рассказала. Да вот не задача, я не на его месте.

— Нет, ничего про вас не говорил, — спокойно отвечаю я, хотя внутри испытываю коктейль из недоумения и начинающейся зарождающейся злости. У меня назревали кое-какие сомнения.

— Может быть, не стоило к вам приходить, — сказала она, опустив глаза вниз и сцепив свои пальцы в замок. Она явно волнуется и чувствует себя неловко. Я к слову, испытываю те же чувства. — Мы встречались какое-то время, — слова так и рвутся из нее.

— Имеете в виду, виделись? — уточняю на всякий случай.

— Нет, — мотает она головой, все еще не поднимая на меня взгляда. — Мы с ним были

любовниками, — вдруг поднимает девушку на меня свой виноватый взгляд.

— Вот как? — только и см огла выдавить я. У меня не было слов, и челюсть от услышанн о го отвисла настолько, что по ней можно было пройтись, и я бы даже не заметила.

Ну и подлец. Вот, значит, зачем он так часто ездил в Аллентаун. По так называемой работе. Хороша работа, нечего сказать. И почему я не удивлена, что его бизнес потерпел крах. Бинго! Ему некогда было им заниматься, зато было время крутить шашни с этой прелестной особой.

Я всегда искренне полагала, что у нас с Кевином все хорошо. Он был заботливым отцом для Райли, а для меня внимательным и преданным мужем. А теперь мой мир рушился по частям, потому что все чаще после его смерти появлялись какие-то люди, открывающие глаза на истинную сущность моего мужа.

Он облажался во всем. И в верности ко мне тоже.

Она лишь покачала согласн о головой, ответив своим молчанием на мой вопрос.

— И давно у вас это началось? — подняла я вопросительно брови, а в груди у меня разрывалось сердце на части. Теперь — то это уже неважно.

— Два с половиной года назад, — говорит она. Я вся горю внутри от возмущения. Этого не может быть. Не со мной. Не с нами. Не с нашей семьей.

— То есть вы встречались целых полтора года до его смерти? — спрашиваю, быстро сложив в голове два плюс два.

— Да, — тихо шепчет она. — Это были лучшие полтора года в моей жизни, — признается она, вколачивая гвозди в мое сердце.

Целых полтора года он морочил мне голову, а я и не замечала ничего. А когда мне было? То есть у них закрутился роман, когда я была беременн а Райли? Хорош мерзавец, ой, хорош. Я не знала, на кого злиться — на себя, из-за того, что была так слепа или на Кевина, потому что он за моей спиной проворачивал такие делишки.

— И чего вы хотите? — вст аю я в позу, сложив руки на груди. Хотя у меня начинают скапливаться слезы в глазах, я готова разреветься от обиды. Я начала задыхаться от злости, у меня все кипело внутри.

— Поймите, мне было непросто вот так взять и заявиться к вам. Я долго думала и сомневалась, стоит ли, — говори т она спокойно, хотя в ее голосе присутствовало волнение. Наверное, долго готовилась произнести эти слова. — Я понимаю, вам, наверное, очень больно...

— Наверное? — с рываюсь на крик. — Да вы себе не представляете, сколько сюрпризов в моей жизни после смерти Кевина. Еще и вы тут...

— Простите меня, — морщи тся Кейси. Хотя бы ей стыдно и не ловко. — Я просто хотела сказать, что у вашей дочери есть братик.

Что? Ч Т О??? — этот вопрос начинает словно красный бык бегать по кругу в голове. Какого черта?

— Что? — я задала свой немой вопрос. — Простите...?

Она быстрым движением доста ет из сумки, которую держ ит в руках, фотографию и протя гивает мне.

Я дрожащей рукой беру фотографию. Развернув ее к себе, я прикры ваю рот рукой и по щекам произвольно катятся горькие слезы.

На меня смотр ит своими ясными глазами маленький мальчик. Ему не больше года. Он

как две капли воды похож на мою дочь и на моего покойного мужа.

— Его, кстати, зовут Кевин, — теплым голосом говорит Кейси.

И в этот момент последняя струна — надежда в моей душе оборвалась.

Я поняла, что ничто во мне не будет прежним.

Я теперь другая навсегда.

С предательством и недоверием к людям, поселившимся прочно в моем сердце навсегда.

Глава 41. Птица

Стелла

Мне нужно все обдумать, поэтому в субботу утром мы с Райли поднялись с утра пораньше и сейчас держим путь в Коутсвилл. Наверное, место, где ты вырос, всегда будет идеальным убежищем, чтобы зализать свои раны и прийти в себя. Вот и Коутсвилл для меня не стал исключением. Этот городок всегда будет тем местом, куда я буду возвращаться, чтобы все обдумать или просто провести время с друзьями.

Я хочу поговорить с Джулией, потому что отчаянно нуждаюсь в ее совете. Ей всегда есть, что мне сказать, чтобы направить на правильный путь.

— Мои дорогие девочки приехали, — говорит Джулия, бросившись обнимать нас прямо у порога. — Как же я рада вас видеть.

— Мы тоже, — еле выдавливаю я из себя из-за чересчур крепких объятий подруги. — Ты меня сейчас задушишь!

— Можно подумать, — отстраняется она и сверлит меня взглядом. — А как дела у тебя, Райли? — треплет она ее за щеку.

— Хорошо, — радостно выкрикивает Райли. — Анна — Мей! — восклицает она и бежит вприпрыжку к своей любимой подруге.

Боже мой, надеюсь, что моей дочери повезло с подругой, и они пронесут свою дружбу через года, как и мы с Джулией.

— Девочки, все садимся обедать. Вы, наверное, с дороги совсем проголодались, — приглашает она нас за стол, заполненный вкусностями. Запеканка, салат, канапе и, конечно, фирменный пирог с персиками от Джулии. От этих блюд у меня текут слюнки, и мой живот начинает урчать. Понимаю, что чертовски голодна, будто не ела сто лет.

Плотно пообедав, мы с Джулией переходим на террасу, чтобы посидеть на свежем воздухе. Мы садимся на плетенные стулья, укрываемся пледом и пьем мой любимый ромашковый чай. Девочки остались играть в кукольный домик в гостиной, и мы за ними наблюдаем через прозрачные стеклянные двери. Нам никто не мешает, и мы можем поговорить откровенно по душам.

— Как ты, дорогая? Справляешься? — спрашивает Джульс, щуря глаза от яркого солнца. Сейчас на улице начало апреля, и температура едва достигает пятнадцати градусов по Цельсию, но греет теплое весеннее солнышко.

— Все в порядке, — успокаиваю подругу. — Но есть некие проблемы.

— Какие еще проблемы? — поворачивается она ко мне и замирает с заинтересованным видом.

— Подташнивает по утрам, мутит от некоторых продуктов, а так все хорошо, — Джулия молчит, переваривая сказанное мною.

— Что? Не поняла! — говорит она словно сама себе, с изумленным выражением на лице.

— Я беременна, Джулс, — выдаю свой секрет. Джулия прикрывает рот от удивления, и качает головой, ошарашенная новостью.

— Но как? — вздымает свои брови.

— Тебе рассказать, как дети появляются? — смешливо отвечаю я ей.

— Смешно ей, — тычет она слегка меня в руку. — Кто отец?

— Николас Ланкастер, кто же еще. Не помню, чтобы у меня отбоя не было от мужиков! — тарашу на нее глаза.

— Отбоя то нет, но ты никого не замечала. До Николаса. Он единственный, кто попытался растопить сердце нашей снежной королевы, — говорит Джулс, словно это неоспоримый факт.

— Перестань, никакая я не снежная королева, — дуюсь на нее за такое сравнение, хотя вряд ли моя подруга преувеличивает. Она — то меня знает как никто другой.

— Николас знает? — накрывает меня Джулия еще одним пледом.

— Нет.

— Ты собираешься ему сказать? — испытующе смотрит на меня.

— Черт, Джулс, я вообще не знаю, что делать. Я не уверена, что вообще готова еще раз становиться матерью, — говорю на повышенных тонах. Мне стыдно за свои слова, но я на самом деле на перепутье.

— Только не говори, что хочешь избавиться от ребенка. Не рань мое сердце, дорогая. Я тебе не позволю этого сделать, какие бы тараканы не сидели этом в твоей светлой голове и не уверяли тебя пойти на этот шаг.

— Я не знаю, как поступить. Я в замешательстве, — честно признаюсь подруге.

Джулия недолго молчит, потом смотрит на меня с заговорщической улыбкой, словно придумала какой-то супер гениальный план.

— Тебе нужно все ему рассказать, — заявляет она мне.

— Я знаю, — соглашаюсь с ней. — Но только не знаю, как это сделать. Он же не хочет меня видеть и вообще иметь что-либо общее со мной. Забыла? — напоминаю Джулии.

— Неважно, — заверяет она меня.

— Как это неважно? Да он слушать меня даже не станет! — спорю с ней.

— Как только он услышит эту чудесную новость, то простит тебя. Вот увидишь, — берет она меня за руку и сжимает ее, ища моей поддержки в своей задумке.

— Ох, не знаю, — сомнения овладевают мной, скручивая все внутренности в узел.

— Ничего не бойся, Стел. Ты же всегда боролась, ничего не боялась и шла напролом. Что стало с той Стеллой?

— Та Стелла окончательно запуталась, — глаза щиплет от слез, и Джулия, почувствовав мое состояние, притягивает меня к себе.

— Ну, ну, — гладит она меня по голове. — Все еще можно исправить, — успокаивает меня подруга, словно маленькую девочку.

— Я постараюсь, Джулс, — шепчу себе под нос. — Изо всех сил постараюсь.

— Вот и хорошо, — заключает она. — Помни, я с тобой, что бы ни случилось.

И я верю Джулии. Она всегда поддерживала меня, даже в самых трудных и безвыходных

ситуациях. Неизвестно, как все сложится, она меня поддержит и будет моей жилеткой или сильным плечом, если потребуется.

* * *

— Мартин, привет. Это Стелла Картер, — говорю в трубку, когда тот отвечает на звонок.

— Ох, привет, Стелла. Как ты? — в его голосе слышится удивление и неловкость.

— Да, нормально, в общем. Я хотела с тобой поговорить о Николасе, — перехожу сразу же к делу. — Я никак не могу с ним связаться.

— Гм, — громко откашливается Мартин. — Знаешь, мне кажется, что это неудивительно в вашей ситуации. Мне сдается, что он попросту не хочет никакого общения с тобой.

Вот черт! Как же мне сейчас стыдно, что Мартин, кажется, в подробностях осведомлен о нашем с Ником расставании. Я краснею от стыда, как рак. Хорошо, что мы разговариваем по телефону, а не с глазу на глаз.

— Мне очень нужно с ним поговорить. Это очень серьезно и не касается лишь моих интересов либо желаний, поверь мне, — пытаюсь убедить его, что это не прихоть или моя очередная глупость.

— Ладно, что ты хочешь от меня? — спрашивает напрямую.

— Скажи, как мне с ним связаться. Это на самом деле очень серьезная тема для разговора, — Николас сменил номер мобильного телефона, поэтому это моя попытка узнать его новый номер.

— Давай я лучше передам ему, чтобы он связался с тобой. У тебя тот же номер? — понимаю, что он не скажет мне его новый номер телефона.

— Да, тот же. Мартин, скажи ему, что это на самом деле серьезно, иначе бы я ни за что не стала искать встречи с ним, — в очередной раз я акцентирую важность нашего разговора.

— Может быть, скажешь, в чем дело? — интересуется он.

— Не могу, это личное. Просто скажи Николасу, что это важно. Очень важно, — в сотый раз повторяю я и кладу трубку, закончив наш разговор.

Не знаю, было это хорошей идеей или нет обратиться к лучшему другу Николаса, но, возможно, что это сработает. Они очень близки, и Николас возможно послушает Мартина.

После разговора с Джулией я сделала миллион попыток, чтобы связаться с Николасом, но, как оказалось, это не так — то просто, хотя двадцать первый век на дворе. Все его контакты остались непробиваемы.

Он сменил адрес электронной почты. Я ему отправила письмо, но оно вернулось обратно, так как пользователь не найден.

Он сменил номер мобильного телефона. Мои звонки автоматически переводились на голосовую почту.

Я оставляла голосовые сообщения, но, полагаю, что ни одно из них не было им прослушано. Я могу его понять, потому что не так давно поступила с ним абсолютно также.

Я звонила ему на работу, но все звонки были только через секретаря, которому я оставляла миллион сообщений с просьбой передать Николасу, что я звонила. Я даже перезванивала, и секретарша меня заверяла, что передала о моем звонке мистеру Ланкастеру, и что тот обещал связаться со мной, но я знала, что это была вежливость и он мне ни в коем случае не перезвонит.

На домашний телефон не было смысла звонить, потому что Николас им не пользовался.

Заявиться к нему домой я не могла, потому что боялась, что он элементарно вызовет полицию, если увидит меня. Вариантов практически не было, но я была уверена, что что-нибудь придумаю. Мне же нужно ему сообщить о своей беременности.

У меня голова шла кругом от всех новых событий. Мне казалось, что я куда-то бегу, всё время бегу и не могу остановиться. Отчаяние и горечь меня сковали с ног до головы, не позволяя мне пошевелиться. Они словно шипы впиваются в мою кожу, оставляя на ней свои кровавые следы.

Я запуталась и потерялась в этом мире, страшась своих неудач прошлого и боясь возможных разочарований будущего. Я просто так больше не могу. Хочется подняться на крышу небоскрёба и расправить свои руки словно крылья, представив себя птицей — Феникс, и вдохнуть в легкие больше воздуха. Начать снова дышать. Начать заново жить и ничего не страшиться. Ведь жизнь — это не только радость, приятные переживания и любовь. Без боли мы никогда не смогли бы постигнуть счастья, потому что всё измеряется и познается в сравнении. Теперь я наверняка это знаю.

Да, я устала от человеческой непостоянности и предательства. От неискренних чувств и мнимой уверенности в своей правоте.

Как я хочу, чтобы мои проблемы и мучения испарились. Проснуться в один день и понять, что я больше не хочу себя мучить и загонять в угол.

Мне просто нужно охладить свой пыл и остановиться, прекратить страдать. У меня все есть — семья, моя любимая маленькая малышка Райли, любимый мужчина, который совсем не знает о том, что он любим и дорог мне как никто другой на свете. Также, как и моя дочь. Это два самых любимых человека, с которыми я хочу остаться навсегда вместе и быть счастливой. Мне просто нужно научиться быть счастливой, ведь я просто потеряла эту способность, благодаря всевозможным предательствам, что выпали на мою судьбу.

А также теперь во мне растёт новая жизнь, которая наполняет меня, а также растёт и питается за счёт моих сил. По этой причине мне следует перестать жить в негативе. Мне нужно остановиться. Перестать страдать и выстрадывать свою жизнь.

Так больше не может продолжаться.

Глава 42. Простые истины

Стелла

— Мам, а почему Николас больше не приходит к нам? — спрашивает застенчиво Райли, прерывая мое задумчивое, замороженное состояние.

— Понимаешь, милая, — пытаюсь я что-нибудь придумать на ходу. — Он уехал в командировку. Очень надолго, — добавляю, чтобы у дочери не было уточняющих вопросов. Я просто не знаю, как ей рассказать про наш разрыв. Она просто к этому не готова, все произошло слишком быстро, и в этом виновата только я сама.

— Понятно, — только и говорит она, сложив руки за спиной и опустив голову вниз.

— В чем дело, солнышко? — привлекаю Райли к себе, чтобы обнять. Она чем-то обеспокоена, что очень несвойственно для моего ребенка. Она растёт так быстро, и каждый день становится чуть взрослее и смысленнее. Ей всегда удастся меня удивить.

— Я соскучилась по Николасу, — протяжно говорит она. — Боялась, что он больше никогда не придет к нам.

— Почему ты так подумала? — беру я ее за подбородок и обращаю ее взгляд к себе.

— Просто он давно к нам не приходит. Думала, что вы могли поругаться, — неожиданно выдает мое чадо. Я удивлена, что мое чадо так чувствует мое состояние и мое беспокойство. — Я скучаю по нему, люблю с ним вместе складывать пазлы, — грустно говорит дочь.

— Не переживай, детка, вы еще успеете сложить с ним много новых красивых картинок, — зачем-то я вру своему ребенку. Я ненавижу себя за то, что стала обрастать ложью перед близкими людьми. Я такая жалкая, что мне тошно от этого.

— Мама? — заглядывает дочь мне в глаза. Ее карие глазенки так пронзительно смотрят на меня. — А может Николас жить с нами и стать моим папой? А? Он же очень хороший, с ним так весело, — неожиданно ее губы изгибаются в легкой улыбке, а я лишь удивленно вздымаю брови и широко раскрываю глаза. Райли удивляет меня все больше и больше, притом, что она никогда не была застенчивой передо мной, всегда делилась своими размышлениями.

— Что ты сказала? — уточняю, надеясь, что я неверно расслышала, или мне показалось.

— Хочу, чтобы Николас стал моим папой, — повторяет она снова, немного озадаченно сдвинув свои бровки.

У меня начинает все клокотать внутри. Все, наверное, вокруг меня давно уже поняли, что расставшись с Ником, я совершила самую большую глупость на земле. Даже слова моего ребенка сейчас это знак для меня. И никак иначе.

Я прижала Райли к себе, и из моих глаз побежали одинокие слезы, оплакивающие мою утрату.

Последние недели, недели без Николаса, у меня складывается ощущение, что время бежит слишком быстро, просачиваясь сквозь мои пальцы и убегая неизвестно куда. Словно я что-то упускаю и не успеваю ничего ни разглядеть, ни увидеть, ни даже сделать единого вдоха. Словно все это не со мной, и каждую секунду я живу чужой жизни.

Это было так больно — потерять его, и больше никогда не обрести. Словно я наполовину стала пуста — я сама себя лишила силы и выбила почву у себя из — под ног. Зачем я так поступила? Зачем я лишила счастья себя и свою дочь?

Ведь, получается, что я ничуть не лучше Кевина, если поступаю точно таким же образом, пытаюсь убежать от всего и боюсь посмотреть правде в глаза. Я поступаю точно также, как он. Я просто омерзительная сама себя, до боли во всем теле, до боли в сердце и в душе.

Как я могу лишиться жизни невинное существо, которое еще не родилось? Как я могу лишиться его возможности даже не родиться на этот белый свет? Какое у меня право?

Как я могу лишиться возможности увидеть своего ребенка человека, который даже не знает о том, что он может стать отцом? Ведь он ведь даже не знает о такой возможности.

Боже, что же я делаю? Что же я делаю с нашими жизнями? Что же я делаю со своей жизнью?

Я прижимаю Райли к себе еще сильнее и провожу рукой по своему едва округлившемуся животу и чувствую, как от волнения у меня начинают порхать бабочки в животе. Волнение от того, что я знаю, как мне поступить. Как я должна поступить, чтобы потом всю жизнь себя не корить за то, что так просто я решила предать свое счастье и свою любовь.

Я вытираю слезы и беру Райли за ее нежное лицо, поглаживая ее розовые щечки подушечками пальцев.

— Знаешь, солнышко, мы должны спросить у него самого, — говорю я соей дочери, которая смотрит на меня сначала непонимающим взглядом, но когда до нее доходит смысл сказанных мною слов, то счастливее ребенка на свете я не могу себе представить. Словно настал момент, которого она так долго ждала.

Ведь я его люблю.

«Я люблю тебя, Николас», — говорю я вслух, впервые за все время, признавшись ему в своих чувствах. Конечно, он не слышит сейчас эти слова, но для меня это большая победа — признаться сначала себе, что этот человек мне дорог, очень дорог, и я так нуждаюсь в том, чтобы он был рядом со мной. Сейчас и всегда.

«Всегда», — повторяю я это незримое, но такое вселяющее надежду и покой слово. Мои глаза наполняются слезами, призванными выпустить все те эмоции, что так тяготили меня последнее время. Ничего из этого не должно оставаться внутри меня. Только хорошее, только вера в лучшее, только надежда на счастливое. На другое у меня права нет.

* * *

Решаю использовать последний имеющийся у меня вариант — прийти прямо к нему в клинику и не уходить, пока он не выслушает меня. Иначе мне придется стоять с плакатом под окнами его дома, или клиники. Неважно, я готова на все, чтобы он узнал, что может участвовать в жизни своего ребенка. Сейчас я думаю не о себе и не о том, как он относится ко мне. Главное, чтобы у него была связь с его родной кровью, его ребенком. Даже неважно, простит он меня когда-нибудь или нет. Я не имею права просить этого у него.

Я захожу в приемную, где находится его секретарь Миранда.

— Здравствуй, Миранда, — приветствую ее.

— Добрый день, миссис Картер, — мило улыбается девушка.

— Мистер Ланкастер у себя? — спокойно спрашиваю я, но внутри все далеко не так безоблачно.

— Да, но он уже собирается уходить, у него важная встреча, — предупреждает она меня.

— Передайте ему, пожалуйста, что я пришла. Я не займу у него больше двух минут, — я не намерена уходить, пока не поговорю с Николасом хотя бы минуту.

— Хорошо, — набирает она его по внутреннему телефону, а я жду. Когда Миранда сообщает ему, что я его ожидаю, то он сразу же вылетает из кабинета и смотрит на меня своим острым, почти орлиным взглядом хищника. — Зачем ты пришла? — даже не поприветствовав меня, встает он в позу, заполнив весь дверной проем.

— Николас, прости, что беспокою тебя, но нам нужно поговорить. Это важно, иначе бы я ни за что сюда не пришла.

— Я занят, тебе же сказала Миранда, — все еще стоит на своем Ланкастер.

— Это важно, — я тоже настаиваю на своем. — Очень, — делаю акцент на реальной важности, я почти умоляю его, вложив всю свою серьезность во взгляд.

— Да, конечно, — отвечает он хладнокровно. Его глаза заполняет пелена ненависти. Видимо, он все-таки ненавидит меня за все, что я ему наговорила и сделала. Ненавижу себя за это. — Но не сейчас, я занят, — говорит он.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться и прийти в себя, потому что волнение мне сейчас не товарищ и не друг.

— Николас, пожалуйста, — складываю руки вместе, приложив их к губам, словно вымаливаю у него время на разговор. — Я не отниму много времени. — Чувствую себя

настолько жалкой, насколько это вообще возможно.

Николас несколько секунд сомневается, после чего поворачивается и жестом приглашает меня войти:

— У тебя есть ровно пять минут! — сухо бросает он.

— Хорошо, — облегченно вздыхаю я и пулей залетаю в кабинет вслед за ним.

— Слушаю, — говорит он, сложив руки на груди и вопросительно изогнув бровь. Боже, он красив как черт, просто глаз не отвести! Я так соскучилась по нему. — Ну? — прерывает он мои мысли. Видимо, я слишком долго молчу.

— Ах, да! — откашливаюсь я. — Николас, извини меня, пожалуйста. Извини за все, что я тебе тогда наговорила! За все мои дурацкие поступки, я не хотела тебе причинить боль! — держу я руку у сердца, пытаюсь показать всю искренность своих намерений.

Глаза Николаса округляются и он словно звереет:

— Что, прости? Извинить тебя? — шипит он, не отводя от меня своего пристального взгляда. — Да ты хоть знаешь, как себя чувствуешь, когда на тебя выливают такой ушат дерьма?

Я не выдерживаю гнева в его глазах и отвожу свой взгляд, глядя на свои руки.

— Я понимаю, что не заслуживаю твоего прощения. Но если бы ты хотя бы дал мне надежду, что когда-нибудь сможешь простить меня, я бы себя не так дерьмово чувствовала, — бормочу я.

— Да ты в своем уме, Стелла? Ты меня унизила и вышвырнула из своей жизни. Да еще и на прием пришла с этим надутым болваном! Ты вообще нормальная? Ты вообще соображаешь, о чем меня просишь? — Николас начинает переходить на крик, и я инстинктивно вжимаюсь в стул, закрыв от стыда глаза, когда картинка того вечера проносятся в моей голове с бешеной скоростью. Я сама себя никогда не прощу за эти глупости, которые натворила. И все ради чего?

— Николас, я...

— Что ты? Какое у тебя оправдание всего того, что я от тебя выслушал? Всего того дерьма, которым ты меня облила? Назови мне причину, по которой я тебя должен простить? — начинает он гневно кричать, размахивая руками. И в этот момент я четко осознаю, что таким злым Николаса я никогда не видела. Я его разозлила как никогда.

Он прав. Несомненно, прав во всем, и мне нечего ему возразить. Мне так стыдно и горестно за свои поступки, но, к сожалению, прошлого нельзя изменить, можно лишь подкорректировать. Поэтому я сразу же перехожу к тяжелой артиллерии и решаю сказать ему всю правду сразу же. На одном выдохе.

— У нас будет ребенок, — тихо шепчу я, а в ответ я получаю застывшего Николаса, который стоит ко мне спиной, словно вкопанный, не произнося ни звука.

Но когда он поворачивается, то я понимаю со всей серьезностью, что я наломала таких дров, что можно отопить весь штат Пенсильвания и еще несколько соседних штатов.

«Стелла, какая же ты дурочка!», — говорю я себе, но потом понимаю, что сказала это вслух.

Николас

Какого черта она только что сказала? Или я ослышался? Я хочу задать ей миллион вопросов и понимаю, что не в силах произнести ни звука. Эта ситуация для меня сравнима с той, что я испытал много лет назад, будучи преданным и просто разбитым.

Но сейчас я начинаю думать, что более абсурдной ситуации, чем сейчас, со мной уже и не могло случиться.

— Что ты только что сказала? — ошеломленно спрашиваю я Стеллу, которая сидит передо мной с подавленным видом, как побитая собака. Мне ее становится жаль, и так отчаянно хочется подойти обнять и пожалеть. Но нет, я не могу изменять своим принципам. Я дал себе слово, и сдержу его.

— У нас будет ребенок, — снова повторяет она.

— В смысле? — понимаю, что сморозил какую-то глупость.

— Я беременна! От тебя! — отрывисто повторяет она, и между нами повисает молчание, которое иголками сковывает мое горло, не позволяя мне сказать ничего. Ни слова, ни слога, ни буквы.

Какого хрена? Что здесь происходит? Да как она могла?

— Почему ты молчишь? — смотрит она робко на меня, а мой язык словно заморожен.

— А что я тебе должен сказать?

— Хоть что-нибудь, — морщит она лоб. — Только не молчи, прошу! — умоляет она меня.

— И когда ты мне собиралась сказать? — сглатываю я. Когда Стелла слишком долго молчит и виновато смотрит на меня, то я, кажется, начинаю понимать, в чем дело. — Ты не собиралась мне говорить, так? — горько ухмыляюсь я.

— Я не знаю, — отвечает она. — Я просто не знала, что делать и как поступить.

— И поэтому было лучше порвать со мной, наговорив мне всяких глупостей? — не унимаюсь я, потому что меня душит горечь, обида, злость и тысячи разновидностей ярости, существующих на белом свете.

— Я не знала о беременности, когда порвала с тобой. Узнала совсем недавно. Когда решила тебе все рассказать, то не могла до тебя достучаться, — всхлипывает она, быстрыми движениями вытирая слезы.

— А почему решила сказать? — мне и правда это важно знать, дело не в простом интересе. Это, в конце — концов, мой ребенок тоже.

— Потому что я хочу этого ребенка. Нашего ребенка, — начинает она еще громче всхлипывать. — Прости, Николас, я такая дура, — зарывается она лицом в свои руки, пряча от меня свои слезы.

У меня сердце разрывается от этого.

Она хочет нашего ребенка.

Значит, она его хочет оставить. Но что же будет с нами? Что мне делать?

Я быстро подхожу к Стелле и опускаюсь на корточки перед ней, убирая руки с ее лица.

— Не плачь, — успокаиваю я ее, вытираю слезы с лица. — Тебе нельзя волноваться.

Она смотрит на меня мокрыми от слез глазами, между ее бровей пролегла морщинка, которую я раньше никогда не замечал. Наверное, просто раньше я никогда не видел ее в таком удрученном состоянии.

— Знаешь, — говорю я, прижавшись ладонями к ее щекам. — Ты такая сумасшедшая, что слов нет.

— Я знаю, — закрывает она глаза, облизывая свои губы, к которым я так хочу прижаться и ощутить их тепло и влажность. Я так давно не целовал ее, что хочу вспомнить и больше никогда не забывать вкус ее губ.

— Мне так стыдно, Николас, — шепчет она. — За все, что я тебе наговорила. Я так не

думаю, правда! Ты когда — нибудь простишь меня? — ее глаза умоляют и умирают от боли одновременно. Я не хочу, чтобы она мучилась. Я не могу видеть ее в таком состоянии, мне это не под силу.

Я приподнимаю край ее кофты и кладу руку ей на живот.

— Только ради него! — говорю я спокойно, и Стелла тут же бросается мне в объятия, плача навзрыд еще сильнее, чем прежде.

— Перестань! — успокаиваю я ее, глядя рукой по спине. — Не надо, все будет хорошо. Я обещаю.

Она тут же замирает, услышав мои слова. Так мы молчим несколько минут, которые кажутся мне вечностью, и не размыкаем наших объятий. В эти долгие минуты столько мыслей посещает мою голову, что я даже не мог вообразить, что все в моей жизни может поменяться однажды, с появлением женщины, которую я люблю, а потом буду так люто ненавидеть. Кажется, я так сильно еще никогда не любил и не ненавидел одновременно. Это словно пробовать на вкус соль и сахар, пытаюсь принять факт их совместного существования. Но, однажды распробовав такое уникальное сочетание, больше не захочешь с ним расставаться. Никогда.

Стелла, отодвигается от меня, прервав мои размышления. Я поднимаюсь на ноги, она тоже встает, и мы смотрим пристально друг другу в глаза, не решаясь что-то сказать или сделать. Это словно молчаливое признание.

— Я люблю тебя, Николас! Я так тебя люблю!

Мне кажется, что я никогда не видел Стеллу настолько искренней. Мне кажется, что это лучшая фраза, которую я когда-либо слышал в своей жизни.

— А ну-ка повтори! — улыбаясь, говорю я. Ох, как же я люблю бросать вызовы.

— Я люблю тебя! — улыбается она в ответ, освещая своей улыбкой весь этот пасмурный день и каждую секунду моей жизни.

— Райли хочет, чтобы мы с тобой были вместе, — вдруг сказала она.

— Вот как? — я не ожидал это услышать, хотя она мне дорога не меньше Стеллы. — А ты? Чего хочешь ты? — пытаюсь разговорить ее. Она подняла и опустила плечи, перебирая в руках край своего удлиненного кардигана горчичного цвета. Этот цвет делал ее глаза еще зеленее и ярче.

— Она просто озвучила мои мысли вслух. Открыла мне глаза на то, что давно жило внутри меня, а я боялась признаться в своих чувствах к себе. — Она говорит робко, даже возможно чересчур неуверенно.

Я не знаю, то ли мне смеяться, то ли плакать. Почти два месяца назад она мне дала отворот — поворот, я буквально бегал за ней — все тщетно. А теперь пришла сама, и просит прощения.

— С самого первого дня ты свалилась на меня, как снег на голову и отключила мой мозг, — прижимаю ее к себе и целую в волосы. Они пахнут просто замечательно. Они пахнут моей Стеллой.

— Прости меня, Николас, — шепчет она мне в грудь. — Я не смогу дальше жить, не обретя твоего прощения.

— Я постараюсь, милая, — шепчу ей в волосы, прижимая еще сильнее к себе.

— Знаю, что это непросто — простить меня после всего, что я натворила. Но я не тороплю тебя, — она продолжает меня удивлять. — Просто дай мне знать, когда сможешь простить, ладно? — смотрит она снизу вверх на меня, таким смиренным взглядом

исцелившегося человека.

— Нет! — отвечаю я ей, она удивленно вздыхает брови, и ее лицо искажается от боли.

— Почему? — шепчет она сквозь слезы, которыми вновь заполняются ее прекрасные зеленые глаза.

— Потому что я больше тебя никуда не отпущу, Стелла! — заявляю безапелляционно и, не дав ей возможности ответить, закрываю ей рот поцелуем.

Боже, как давно я мечтал поцеловать ее — мою любимую женщину, а теперь и будущую мать моего ребенка.

Пока мы целовались, я упивался от боли произошедшего и счастья от сладостного будущего. Мне казалось, что все это происходит не со мной, и жизнь, которую я живу, тоже не моя, иллюзорная.

Но в данный момент я понимаю, что все настолько реально и осязаемо, что все годы стоили того, чтобы оказаться здесь и сейчас, прямо в этом моменте.

Вместе с ней.

Навсегда.

Эпилог

Николас

— Папа, папа! — зовет меня детский голос. — Смотри, что я нашла! — голос звонко восклицает и его обладательница бежит ко мне со всех ног, зажав что-то в сложенных домиком ладонях. Но меня поражает совсем не это. Меня никто и никогда не называл папой, потому что Джонатан еще слишком мал, а Райли, не смотря на наши идеальные отношения, никогда меня так не называла. Я остолбенел.

— Почему ты так меня назвала? — Райли непосредственно пожимает плечами.

— Потому что ты мой папа, — говорит она, как ни в чем не бывало. Будто это самая банальная вещь в ее жизни.

Я знаю, что настоящие мужчины не плачут. Но также я знаю, что если ты настоящий, то должен испытывать все чувства, присущие человеку на земле, в том числе и пролить слезу, хотя бы раз в жизни. И неважно, это слеза горести или неизмеримого счастья, как в данный момент.

— Что там у тебя? — меняю тему, смахивая слезы. Райли открывает свои ладони и показывает мне божью коровку, которая ползает по ее ладошке. Райли широко улыбается и начинает смеяться во весь голос. Я начинаю смеяться вместе с ней, радуясь каждой секунде этой жизни, проведенной вместе с моей семьей.

Мы редко задумываемся над тем, что жизнь каждого человека уникальна и не похожа на жизнь другого обитателя Земли. У каждого из нас свои трагедии, проблемы, горести и радости, минуты счастья и слабости. У каждого из нас жизнь нелегка, каждый несчастлив или счастлив по — своему!

Жизнь отчасти игра, и у каждого игрока порой свои правила.

Но важно понять одно — возможно вновь обрести веру, которую ты когда — то потерял, если встретить своего человека. Ты сначала начинаешь доверять ему, а потом это доверие и вера остаются в тебе. Ты живешь с ними и уже не желаешь отпускать ни в коем

случае. Никогда.

Именно так произошло со мной.

Стелла

Николас сделал мне предложение сразу после того, как я родила Джонатана. Не знаю, самый ли это удачный момент, потому что я была уставшая и измученная после длительных и очень тяжелых родов.

Я сказала ему «да», ни минуты не сомневаясь. Но у нас не было пышной свадьбы, эта была обычная регистрация, хотя Николас настаивал на церемонии, бравируя тем, что желает увидеть меня в прекрасном подвенечном платье. Я просто не захотела, а он не стал со мной спорить. Взамен этого мы устроили вечеринку для наших друзей во дворе нашего дома в Коутсвилле. Как раз на дворе стоял теплый октябрь, согретый наше счастье своими теплыми лучами.

К слову сказать, моя вера в закон бумеранга не иссякала, возможно, по этой причине Маркус Риваера все же получил по заслугам. Его сдал полиции не кто иной, как Стэнли Бреннан, также входивший в преступную группировку Риверы. Не знаю, что уж они не поделили между собой, но Бреннан пошел на сделку с правосудием и сдал Маркуса с потрохами, за что Ривера светит пожизненный срок, а вот Бреннану сидеть благодаря признанию придется не так долго. Стэнли Бреннан именно тот самый человек, который заботился о моей дочери, когда ее похищение организовал Маркус Ривера, за что он также получит срок. Видимо, и среди бандитов бывают не такие уж гнилые ребята. Слава Богу, что сейчас уже все эти события далеко позади, и мы стараемся об этом не вспоминать.

Сейчас мне даже страшно подумать о том, что раньше я не задумывалась, что играя с чужими чувствами, я могу настолько заиграться и так сильно навредить самой себе, причинив очень сильную боль себе и окружающим. Но я не намеренно играла чувствами Николаса, мною двигал лишь страх. Боязнь новых отношений, боязнь довериться мужчине, опасаясь того, что он не сможет защитить меня и моего ребенка, даже если пообещает это сделать и приложит усилия. Но больше всего я боялась обмана и предательства. Я уже однажды прошла через это, мне было до смерти больно, но не физически, потому что была изранена моя душа. Кевин истоптал её в клочья. Но благодаря Николасу я поняла, что есть достойные мужчины, которые готовы пожертвовать всем не только ради своей женщины и своего ребенка, но и ради ребенка своей любимой. Это для меня самое ценное, потому что Райли нужен хороший отец, которого не было у меня.

Я безоговорочно счастлива, ведь у меня замечательный муж, который также для меня верный друг, страстный любовник, замечательный и справедливый отец для моих двоих деток. И порой мне кажется, это все слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но я знаю одну простую истину: рядом с ним мне хорошо дышать, рядом с ним мне так хорошо жить.

Больше книг на сайте — Knigolub.net